

НАУЧНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

АПРП

ISSN 1994-1471 (Print)
ISSN 2782-1862 (Online)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 19 № 2 (159) февраль 2024

ТЕМА
НОМЕРА:

100-летие со дня рождения
профессора М. С. Шакарян

LEX RUSSICA

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920 (Print), ISSN 2686-7869 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического

образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Том 19 № 2 (159) ФЕВРАЛЬ 2024

Ежемесячный научный журнал.
Издается как СМИ с 2006 г.

РОССИЙСКОГО ПРАВА

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.
Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).
Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финан-

сового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИННИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета, директор Института права БРИКС.
Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).
Почтовый адрес: авеню Републик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии РФ (2003—2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»».
Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.
Почтовый адрес: Рашипилевская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.

Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права Государственного университета по землеустройству.

Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии (Афины), судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).

Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа в отставке.

Почтовый адрес: пр-т Ленина, д. 32/27, г. Екатеринбург, Россия, 620075.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия.

Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.

Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина.

Почтовый адрес: Соборная ул., д. 23/25, г. Саратов, Россия, 410031.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).

Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кохановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.

Почтовый адрес: ул. Зеромского, д. 5, г. Кельц, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки.
- 5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://aprp.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11178
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет 13.03.2024
Объем 19,99 усл. печ. л., формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

ACTUAL PROBLEMS

Monthly scientific journal.
Published media since 2006

Vol. 19 № 2 (159) FEBRUARY 2024

OF RUSSIAN LAW

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenska, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003—2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".
Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.
Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.
Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Land Law of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey V. MINBALEEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of IT and Digital Technologies Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Medical Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).
Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District (emeritus), Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of the Judicial System.
Mailing address: prosp. Lenina, d. 32/27, Ekaterinburg, Russia, 620075.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice.
Mailing address: Novocheremushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.
Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Service and Labour Law of the Povolzhsky Institute of Government named after P.A. Stolypin.
Mailing address: Sobornaya ul., d. 23/25, Saratov, Russia, 410031.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).
Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.
Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Acting Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. F577-25128

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue
and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

13.03.2024
Volume: 19.99 conventional printer's sheets, format 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Содержание

100-ЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА М. С. ШАКАРЯН

Вступительное слово	11
Громошина Н. А. Соучастие в административном судопроизводстве	12
Михайлов С. М. Участие органов, организаций и лиц в административном деле для дачи по нему заключения	18
Алехина С. А. Качество гражданского процессуального законодательства как необходимая предпосылка доступности и эффективности правосудия	27
Ионова Д. Ю. Развитие учения о гражданской процессуальной правоспособности и дееспособности (памяти профессора М. С. Шакарян)	36
Казиханова С. С. Отношения, складывающиеся в третейском разбирательстве, и предмет гражданского процессуального права	46
Мирзоян М. Э. Российское юридическое образование: настоящее и будущее	54
Носенко М. С. Арбитражный суд как субъект процессуального правоотношения	63
Остроумов А. А. Отсутствие административной процессуальной правоспособности как основание для признания административного иска не подлежащим рассмотрению в судах	72
Самсонова М. В. Проблемы совершенствования института подсудности гражданских дел	80
Фомина О. Ю. Современный взгляд на состав лиц, участвующих в деле, в трудах М. С. Шакарян	90
Черных И. И. Философский смысл гражданского процесса	97

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Староверова Е. В. О поле (судебном поединке) в русском праве XV — начала XVII в.	104
Шаталов Е. А. Понятие состава преступления «душегубство» в русском средневековом праве	116

ТЕОРИЯ ПРАВА

Дмитровский П. В. Информационная функция государства: сущность и основные признаки в теоретических подходах отечественных исследователей	123
---	-----

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Зыков С. В. Проблема субъектности искусственного интеллекта	131
--	-----

Мальбин Д. А. Защита добросовестного приобретателя и недействительность сделки: в поисках стабильности гражданских правоотношений	140
--	-----

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

Гусейнова Г. Э. Предпринимательский риск в условиях экономического кризиса: анализ правоприменительной практики	151
--	-----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Шеремет Н. А. Международно-правовые аспекты защиты женщин от насилия в рамках Организации американских государств	160
--	-----

Contents

ISSUE TOPIC: «THE 100TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF PROFESSOR MARIA S. SHAKARYAN»

Opening Remarks	11
Gromoshina N. A. Complicity in Administrative Proceedings	12
Mikhailov S. M. Participation of Bodies, Organizations and Individuals in an Administrative Case to Render an Opinion hereon	18
Alyokhina S. A. The Quality of Civil Procedure Legislation as a Necessary Prerequisite for the Accessibility and Effectiveness of Justice	27
Ionova D. Yu. Development of the Doctrine of Civil Procedural Capacity and Legal Capacity (in Memory of Professor Maria S. Shakaryan)	36
Kazikhanova S. S. Relations Developing in Arbitration Proceedings and the Subject of Civil Procedure Law	46
Mirzoyan M. E. Russian Legal Education: The Present and the Future	54
Nosenko M. S. The Arbitrazh Court as a Subject of a Procedural Legal Relationship	63
Ostroumov A. A. Lack of Administrative Procedural Legal Capacity as a Ground to Recognize an Administrative Claim as not subject to Consideration in the Courts	72
Samsonova M. V. Problems of Improving the Institution of Jurisdiction in Civil Cases	80
Fomina O. Yu. A Modern View on Persons Involved in a Case in the Works of M. S. Shakaryan	90
Chernykh I. I. Philosophical Meaning of Civil Proceedings	97

HISTORY PAGES

Staroverova E. V. On the «Field» (Trial by Combat) in Russian Law in the 15th — Early 17th Centuries	104
Shatalov E. A. The Concept of Crime of «Murder» in Russian Medieval Law	116

THEORY OF LAW

Dmitrovsky P. V. Information Function of the State: Essence and Main Features in the Theoretical Approaches of Domestic Researchers	123
--	-----

CIVIL AND FAMILY LAW

Zykov S. V. The Problem of Subjectivity of Artificial Intelligence	131
Malbin D. A. Protection of a Bona Fide Purchaser and Invalidity of a Transaction: In Search of Stability in Civil Legal Relations	140

BUSINESS AND CORPORATE LAW

Guseinova G. E. Entrepreneurial Risk in Conditions of Economic Crisis: Analysis of Law Enforcement Practice	151
--	-----

INTERNATIONAL LAW

Sheremet N. A. International Legal Aspects of Protection of Women from Violence within the Organization of American States Framework	160
---	-----

100-ЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА М. С. ШАКАРЯН

Дорогие друзья!

16 января 2024 г. исполнилось 100 лет со дня рождения заслуженного юриста РСФСР, доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой гражданского процесса ВЮЗИ, МЮИ, МГЮА на протяжении более чем 30 лет — Марии Сумбатовны Шакарян. Кафедра гражданского и административного судопроизводства Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в память об Учителе подготовила данный тематический номер журнала.

Научные взгляды Марии Сумбатовны были настолько широки, что это позволило авторам статей охватить наиболее важные проблемы современного цивилистического процесса, взглянуть на них сквозь призму тех идей, которые отстаивала в своих работах профессор Шакарян. В предлагаемых читателям публикациях затрагиваются общие проблемы гражданского процессуального права и гражданского процесса. Не оставлены без внимания вопросы, касающиеся субъектов процессуальных правоотношений, являвшиеся основным предметом исследования в работах М. С. Шакарян. Не меньший интерес представляют проблемы реализации права на судебную защиту, современного образования и многие другие.

Каждый читающий статьи, включенные в тематический номер журнала, поймет, что среди идей, позиций, концепций Марии Сумбатовны нет тех, которые утратили свою актуальность и значимость, перестали развиваться. Кафедра, которая была для профессора М. С. Шакарян родной, ее ученики и последователи бережно хранят научное наследие выдающегося Учителя и Ученого, понимая, что научная жизнь Марии Сумбатовны продолжается и будет продолжаться в наших статьях, выступлениях, монографиях.

*Заведующий кафедрой гражданского
и административного судопроизводства
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент
С. М. Михайлов*

Соучастие в административном судопроизводстве

Аннотация. Автор статьи, делая краткий исторический экскурс, приходит к выводу, что состоявшаяся унификация институтов соучастия в современных цивилистических процессуальных кодексах predetermined развитием доктрины и законодательства. Приводя основные характеристики и виды процессуального соучастия, автор высказывает мнение о приемлемости для российского института обязательного процессуального соучастия американской модели, подразделяющей обязательное соучастие на условно обязательное и абсолютно обязательное. С опорой на судебную практику в статье аргументирована точка зрения о необходимости доработки оснований процессуального соучастия в административном судопроизводстве с учетом специфики материальных административных правоотношений, а также о необходимости расширения возможности суда привлечь соответчиков, исходя из задач правосудия и судебного усмотрения. В заключение обоснован вывод о том, что первый и второй ответчики, участвующие в деле об оспаривании решения, действия (бездействия) должностного лица, государственного или муниципального служащего в соответствии с правилами ч. 2 ст. 221 КАС РФ, по сути, являются соответчиками. Подчеркнута важность доработки нормативной регламентации института соучастия в административном судопроизводстве.

Ключевые слова: унификация процессуальных норм; особое исковое производство; предмет рассмотрения в административном судопроизводстве; административный истец; административный ответчик; процессуальное соучастие; цели процессуального соучастия; признаки процессуального соучастия; основания процессуального соучастия; виды процессуального соучастия.

Для цитирования: Громошина Н. А. Соучастие в административном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 2. — С. 12–17. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.012-017.

Complicity in Administrative Proceedings

Natalia A. Gromoshina, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Civil and Administrative Procedure, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
nataligrom@rambler.ru

Abstract. The author of the paper, making a brief historical insight, comes to the conclusion that unification of institutions of complicity in modern civil procedural codes is predetermined by the development of both the doctrine and legislation. Explaining the main characteristics and types of procedural complicity, the author expresses an opinion on the acceptability for the Russian institution of mandatory procedural complicity of the American model that divides mandatory complicity into conditionally mandatory and absolutely mandatory. Based on judicial practice, the paper argues for the need to finalize the grounds for procedural complicity in administrative proceedings, taking into account the specifics of substantive administrative legal relations, as well as the need to expand the court's ability to bring to court co-defendants based on the tasks of justice and judicial

© Громошина Н. А., 2024

* Громошина Наталья Андреевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
nataligrom@rambler.ru

discretion. The author substantiates the conclusion that the first and second defendants involved in the case of challenging the decision, action (inaction) of an official, state or municipal officer under Part 2 of Article 221 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, in fact, are co-defendants. The paper emphasizes the importance of finalizing normative regulation of the institution of complicity in administrative proceedings.

Keywords: unification of procedural norms; special claim proceedings; subject of consideration in administrative proceedings; administrative plaintiff; administrative defendant; procedural complicity; objectives of procedural complicity; signs of procedural complicity; grounds for procedural complicity; types of procedural complicity.

Cite as: Gromoshina NA. Complicity in Administrative Proceedings. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(2):12-17. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.012-017.

1. Институт соучастия предусмотрен во всех трех цивилистических процессуальных кодексах — ГПК, АПК, КАС РФ. При этом регулирование оказывается весьма сходным, хотя имеются и определенные различия. Практически полностью совпадают основания процессуального соучастия, а порядок и условия привлечения судом соответчиков несколько различается. И если применительно к ГПК РФ и АПК РФ подобная унификация не вызывает вопросов, то относительно КАС РФ неясно, насколько она обоснованна.

Нелишним будет вспомнить, что нормы, из которых, образно выражаясь, «вырос» КАС РФ, были предусмотрены именно в подразделе ГПК РФ «Производство по делам, возникающим из публичных правоотношений». Указанный подраздел с немного видоизмененным наименованием «Производство по делам, возникающим из административно-правовых отношений» существовал еще в ГПК РСФСР 1964 г. При характеристике производства по таким делам в учебной литературе советского периода отмечалось, что в нем, в отличие от искового производства, нет ни истца, ни ответчика, нет даже спора о субъективных правах между двумя сторонами, отношения которых строятся по принципу согласования интересов¹. Отрицалось и право на заключение мирового соглашения, предъявление встречного иска. О соучастии по делам такого рода и учебная литература, и научные публикации вовсе умалчивали. В этой связи можно сделать вывод, что в практике случаи соучастия по делам из административных правоотношений вряд ли встречались.

Вместе с тем с начала 1980-х гг. в учебниках, подготовленных авторским коллективом ВЮЗИ (МЮИ — МГЮА), бессменным ответственным редактором которых была Мария Сумбатовна Шакарян, четко обозначалась иная линия. Так, автор соответствующих глав А. Т. Боннер писал, что участвующие в рассмотрении анализируемых нами дел граждане и государственные органы, формально не называемые сторонами, по сути, являются сторонами спорного государственного, административного либо финансового правоотношения. Следовательно, указанные лица пользуются правами и несут обязанности стороны, за исключениями, прямо предусмотренными законом. А. Т. Боннер, считая неточной используемую в литературе формулировку об ином объеме процессуальных прав и обязанностей таких лиц по сравнению с правами и обязанностями сторон в исковом производстве (к примеру, невозможность заключения мирового соглашения, признания или отказа от иска и т.п.), также указывал на допустимость, а порой даже объективную необходимость подобных изменений в процессе².

Обозначенная А. Т. Боннером позиция постепенно завоевывала все большее число сторонников. И в одном из проектов ГПК РФ дела из публичных правоотношений были отнесены к особым *исковым* производствам. Хотя этот законопроект не был реализован, идея об исковом характере дел из публичных правоотношений прочно закрепилась и в доктрине, и в практике, а в последующем была реализована в КАС РФ.

Действующий КАС РФ предусматривает административный иск, административного истца,

¹ Гражданский процесс : учебник / под ред. К. С. Юдельсона. М. : Юридическая литература, 1972. С. 261.

² Гражданский процесс : учебник / под ред. М. С. Шакарян. М. : Юридическая литература, 1993. С. 323.

административного ответчика, процессуальное соучастие.

Этот краткий исторический экскурс позволяет сделать первый вывод: закрепление в КАС РФ института процессуального соучастия было не случайностью или простым копированием ГПК РФ, а было предопределено развитием доктрины и законодательства за более чем полувековой период.

2. Истоки процессуального соучастия российская цивилистическая доктрина усматривает в материальных правоотношениях. В науке советского гражданского процесса такой подход был практически общепризнан. Так, М. С. Шакарян, разрабатывавшая теорию субъектов гражданского процессуального права, подчеркивала взаимосвязь процессуального соучастия с особенностями спорных материальных отношений, характеризующихся множественностью субъектов (право общей собственности, авторские, изобретательские права, обязательственные, наследственные права, трудовые правоотношения)³. На основе указанного подхода процессуалистами были разработаны основания процессуального соучастия, которые предлагалось закрепить в законодательстве. Мы являемся свидетелями реализации данных предложений, поскольку в ГПК РФ, в АПК РФ, а затем и в КАС РФ в соответствующих статьях прямо обозначили основания процессуального соучастия. И эти основания напрямую связаны с предметом спора, то есть с особенностями материальных правоотношений, рассматриваемых судом. Заметим при этом, что материальные отношения, рассматриваемые по правилам ГПК РФ и АПК РФ, однотипны, в то время как предмет рассмотрения в административном судопроизводстве значительно отличается от первых.

3. Рассматривая соучастие, необходимо определиться с его главными характеристиками, чтобы понять смысл и цели его существования и использования в процессах. Соучастники не спорят друг с другом, их интересы, как прави-

ло, не противоречат друг другу, их требования (или обязанности) не исключают друг друга. Участвуя в процессе, соучастники могут поручить представительство от всех одному из соучастников, и в этом случае он может быть представителем, даже если в силу закона он не может быть представителем по делу на общих основаниях представительства.

ГПК РСФСР 1964 г. предусматривал еще одну возможность для соучастника — присоединение к кассационной жалобе. Это действие не оплачивалось пошлиной и могло выходить за пределы сроков кассационного обжалования. Современное законодательство такого права соучастникам не предоставляет.

В целом можно согласиться с тем, как определены цели процессуального соучастия в исследовании О. С. Гончаровой. Это «предоставление скорой и результативной защиты нарушенных прав граждан и юридических лиц; процессуальная экономия, выражающаяся в сокращении судебных материальных и временных затрат»⁴. Необходимо только иметь в виду, что ускорение будет заметно не отдельному соучастнику, а всем вместе. Это объясняется тем, что соучастие, как любая множественность лиц в процессе, этот процесс усложняет и для отдельно взятого лица, как правило, замедляет.

4. Основания процессуального соучастия определенным образом соотносятся с видами процессуального соучастия. Так, если предметом спора являются общие права или обязанности нескольких истцов или ответчиков, то это, как правило, считают основанием обязательного процессуального соучастия. Если предметом спора являются однородные права и обязанности, то это основание факультативного, т.е. необязательного, процессуального соучастия. Встречается мнение о том, что, когда права и обязанности нескольких истцов и ответчиков имеют одно основание, это является основанием обязательного процессуального соучастия. На мой взгляд, это основание факультативного соучастия.

³ Шакарян М. С. Учение о сторонах в советском гражданском процессе : учеб. пособие / под ред. А. К. Сергун. М. : РИО ВЮЗИ, 1983. С. 32.

⁴ Гончарова О. С. Соучастие в гражданском процессе России и США : монография. М. : Проспект, 2014. С. 182.

Интересно обратиться к работе О. С. Гончаровой «Соучастие в гражданском процессе России и США», где приведена предполагающая многоуровневую классификацию американская модель соучастия: процессуальное соучастие подразделяется на факультативное и обязательное, последнее, в свою очередь, на условно обязательное и абсолютно обязательное⁵.

Такая видовая классификация обязательного соучастия интересна тем, что она вполне применима с позиций формальной логики и к обязательному соучастию в правовой системе России. Так, если права и обязанности нескольких истцов и ответчиков имеют одно основание, то в одной ситуации это создаст основу для обязательного соучастия, а в другой — факультативного. В указанной ситуации материальное основание важно, но не является определяющим. Здесь многое зависит и от усмотрения суда, нацеленного в том числе на реализацию принципа процессуальной экономии.

5. Рассмотрим основания процессуального соучастия применительно к административному судопроизводству. Учебная литература и комментарии КАС РФ в основном единообразно подходят к их раскрытию, не обнаруживая каких-либо существенных отличий от гражданского и арбитражного судопроизводства. На этом фоне ярко выделяется своим критическим содержанием комментарий к ст. 41 КАС РФ, данный Д. Б. Абушенко⁶. Без критики автором комментария принято только одно основание соучастия — пункт 1 ч. 2 ст. 41 КАС РФ: процессуальное соучастие допускается, если предмет спора, возникшего из административных или иных публичных правоотношений, являются общие права и (или) обязанности нескольких административных истцов либо нескольких административных ответчиков.

Здесь же приведен пример об оспаривании кадастровой стоимости находящегося в совместной собственности нескольких лиц земельного участка: такие сособственники должны участво-

вать в административном деле по указанному спору в качестве административных соистцов.

Подпункты 2–3 ч. 2 ст. 41 КАС РФ, по мнению комментатора, содержат весьма спорные нормы, а описанные в них ситуации не являются основанием для возникновения процессуального соучастия, а дают примеры соединения дел.

При всей дискуссионности приведенных рассуждений на их основе можно сделать вывод о том, что основания процессуального соучастия в административном судопроизводстве нуждаются в глубокой теоретической проработке в преломлении к специфике материальных административных правоотношений.

Обращение к судебной практике показывает, что институт процессуального соучастия весьма востребован при рассмотрении административных дел. Проиллюстрируем сказанное несколькими примерами.

Так, гражданин П., сдававший ЕГЭ по русскому языку, остался не удовлетворен выставленными баллами, оспорил их и, получив тот же результат, обратился в суд с административным иском. Суды первой и апелляционной инстанции пришли к выводу, что при оценивании работы П. были соблюдены требования нормативных правовых актов, регламентирующих проведение ЕГЭ, проверку результатов и решение апелляционной комиссии. Кассационная инстанция поддержала выводы нижестоящих судов, указав, что, вопреки доводам кассационной жалобы, круг административных ответчиков определен судами верно. Исковые требования были изначально предъявлены к управлению образования администрации городского округа Мытищи Московской области, а судом первой инстанции к участию в деле в качестве административного ответчика привлечено министерство образования Московской области. В соответствии с ч. 5 ст. 41 КАС РФ если обязательное участие в административном деле другого лица в качестве административного ответчика предусмотрено КАС РФ или если невозможно рас-

⁵ Гончарова О. С. Указ. соч. С. 183.

⁶ Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации (постатейный, научно-практический) / под ред. В. В. Яркова. М. : Статут, 2016.

смотреть административное дело без участия такого лица, суд первой инстанции привлекает его к участию в деле в качестве административного соответчика⁷.

В приведенном примере считаем важным подчеркнуть, что кассационная инстанция, мотивируя свое определение, не ссылается на основания процессуального соучастия, а исходит из другой нормы, закрепленной в ч. 5 ст. 41 КАС РФ, в содержании которой явно усматривается корреляция с обязательным соучастием, но без отсылки к его основаниям.

В другом административном деле оспаривалось предписание, вынесенное на основании проверки в отношении ООО «Брянская мясная компания», которая была проведена главным государственным инспектором РФ в области охраны окружающей среды Б., а также государственными инспекторами РФ в области охраны окружающей среды С., Я., Л., П., М., Р. Вышестоящие судебные инстанции установили, что в нарушение норм действующего законодательства судом первой инстанции к участию в деле главный государственный инспектор РФ в области охраны окружающей среды Б., который вынес оспариваемое предписание и являлся председателем комиссии по проверке юридического лица, не привлекался, как и иные лица, проводившие проверку. С учетом невыполнения судом первой инстанции процессуальной обязанности по привлечению указанных лиц к участию в деле, вследствие чего такие лица были лишены возможности участвовать в судебном заседании, представлять возражения и доказательства относительно заявленных требований, суд апелляционной инстанции обоснованно усмотрел основания для отмены решения суда первой инстанции и направления дела на новое рассмотрение. Мотивируя свое определение, кассационная инстанция вновь сослалась именно на ч. 5 ст. 41 КАС РФ⁸.

Обращение к судебной практике по разрешению административных дел показывает, что суды при использовании института соучастия, выявлении потребности в нем в конкретном случае более опираются на процессуальный компонент, принимая во внимание недопустимость вынесения решения о правах и обязанностях не привлеченного к участию в деле лица. Хотя очевидно, что этот компонент имеет основу в материальных отношениях.

В административном судопроизводстве суд не только защищает свободы, права и охраняемые законом интересы, но и контролирует действия государственных органов и должностных лиц. С учетом этого было бы уместно расширить возможности суда по привлечению соответчиков, опираясь на судебное усмотрение и исходя из задач правосудия, а не увязывать эти возможности с основаниями соучастия.

6. Среди норм КАС РФ, в которых предусмотрено привлечение другого лица наряду с указанным в административном иске ответчиком, необходимо обратить особое внимание на ч. 2 ст. 221 КАС РФ. Согласно ей к участию в административном деле об оспаривании решения, действия (бездействия) должностного лица, государственного или муниципального служащего в качестве второго административного ответчика привлекается соответствующий орган, в котором исполняют свои обязанности названные лица.

После совершения судом указанного действия в процессе на ответной стороне принимают участие два лица: должностное лицо и соответствующий орган и, согласно буквальному тексту нормы, первый и второй административные ответчики. Вместе с тем, по сути, это соответчики. Издавна в теории процессуального права разграничивали ситуации соучастия и участия в деле первого и второго ответчиков⁹. Второй ответчик появляется, если в силу действия прин-

⁷ Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.05.2023 № 88а-15285/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13.12.2022 № 88а-33839/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Громошина Н. А. Дифференциация, унификация и упрощение в гражданском судопроизводстве : монография. М. : Проспект, 2010. С. 75.

ципа диспозитивности не осуществилась замена ненадлежащего ответчика. Такую конструкцию мы увидим в ст. 43 КАС РФ. Потому совершенно справедлива критика, которая уже высказана относительно ч. 2 ст. 221 КАС РФ¹⁰. Законодателю следовало бы внести соответствующие коррективы в указанную норму.

7. Обращение к судебной практике, анализу закона и весьма немногочисленным доктринальным источникам по вопросу соучастия в административном судопроизводстве наглядно демонстрирует, что названный вопрос нуждается в основательном научном исследовании, а нормативное закрепление — в корректировке.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гончарова О. С. Соучастие в гражданском процессе России и США : монография. — М. : Проспект, 2014. — 204 с.
2. Гражданский процесс : учебник / под ред. К. С. Юдельсона. — М. : Юридическая литература, 1972. — 440 с.
3. Гражданский процесс : учебник / под ред. М. С. Шакарян. — М. : Юридическая литература, 1993. — 559 с.
4. Громошина Н. А. Дифференциация, унификация и упрощение в гражданском судопроизводстве : монография. — М. : Проспект, 2010. — 262 с.
5. Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации (постатейный, научно-практический) / под ред. В. В. Яркова. — М. : Статут, 2016. — 1295 с.
6. Павлова М. С. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: достоинства и недостатки правового регулирования дел об оспаривании решений, действий, бездействия органов власти // Арбитражный и гражданский процесс. — 2016. — № 5. — С. 40–45.
7. Шакарян М. С. Учение о сторонах в советском гражданском процессе : учеб. пособие / под ред. А. К. Сергун. — М. : РИО ВЮЗИ, 1983. — 68 с.

Материал поступил в редакцию 1 ноября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Goncharova O. S. Souchastie v grazhdanskom protsesse Rossii i SShA: monografiya. — M.: Prospekt, 2014. — 204 s.
2. Grazhdanskiy protsess: uchebnik / pod red. K. S. Yudelsona. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1972. — 440 s.
3. Grazhdanskiy protsess: uchebnik / pod red. M. S. Shakaryan. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1993. — 559 s.
4. Gromoshina N. A. Differentsiatsiya, unifikatsiya i uproshchenie v grazhdanskom sudoproizvodstve: monografiya. — M.: Prospekt, 2010. — 262 s.
5. Kommentariy k Kodeksu administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii (postateynny, nauchno-prakticheskiy) / pod red. V. V. Yarkova. — M.: Statut, 2016. — 1295 s.
6. Pavlova M. S. Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii: dostoinstva i nedostatki pravovogo regulirovaniya del ob osparivanii resheniy, deystviy, bezdeystviya organov vlasti // Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess. — 2016. — № 5. — S. 40–45.
7. Shakaryan M. S. Uchenie o storonakh v sovetskom grazhdanskom protsesse: ucheb. posobie / pod red. A. K. Sergun. — M.: RIO VYuZI, 1983. — 68 s.

¹⁰ Павлова М. С. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: достоинства и недостатки правового регулирования дел об оспаривании решений, действий, бездействия органов власти // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 5. С. 40–45.

Участие органов, организаций и лиц в административном деле для дачи по нему заключения

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные проблемы, связанные с участием органов, организаций и лиц в административных делах для дачи по ним заключений. Анализируются основания и цели такого участия; определяется круг субъектов, обязанных давать заключения, а также порядок их привлечения (вступления) в судебный административный процесс; исследуются особенности процессуального положения соответствующих органов, организаций и лиц. На основе проведенного исследования делаются выводы, способные послужить совершенствованию законодательства об административном судопроизводстве и практики его применения, в частности: о целесообразности дополнения КАС РФ нормами, которые позволяли бы привлекать органы и лиц для дачи заключения не только в случаях, предусмотренных Кодексом, но и в иных случаях, когда это признано судом необходимым; о специфичности механизма вовлечения в судебный административный процесс уполномоченных по правам ребенка по соответствующим категориям дел, позволяющего сочетать активную роль суда и правозащитную функцию уполномоченного.

Ключевые слова: административное судопроизводство; уполномоченные по правам человека; уполномоченные по правам ребенка; ЦИК России; органы опеки и попечительства; компетенция органа или лица; привлечение (вступление) в процесс; процессуальное положение; юридическая заинтересованность; служебный интерес.

Для цитирования: Михайлов С. М. Участие органов, организаций и лиц в административном деле для дачи по нему заключения // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 2. — С. 18–26. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.018-026.

Participation of Bodies, Organizations and Individuals in an Administrative Case to Render an Opinion hereon

Sergey M. Mikhailov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department
of Civil and Administrative Procedure, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
mikhhas_s@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to examination of some problems related to the participation of bodies, organizations and individuals in administrative cases in order to render a decision hereon. The author analyzes the grounds and objectives of such participation, determines the range of subjects obliged to render an opinion and the procedure for their involvement (entry) into the judicial administrative procedure, elucidates peculiarities of a procedural

© Михайлов С. М., 2024

* Михайлов Сергей Михайлович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
mikhhas_s@mail.ru

standing of the relevant bodies, organizations and individuals. On the basis of the research, the author concludes that it can serve to improve the legislation on administrative proceedings and the practice of its application, in particular: on expediency of supplementing the CAP of the Russian Federation with norms that would allow bodies and individuals to be involved in giving opinions not only in cases provided for by the Code, but also in other cases when the court considers it necessary, on specificity of the mechanism involving commissioners for the rights of the child in the judicial administrative proceeding in relevant categories of cases that allows combining an active role of the court and the human rights function of the commissioner.

Keywords: administrative proceedings; commissioners for human rights; commissioners for the rights of the child; CEC of Russia; guardianship and custodianship authorities; competence of the body or a person; involvement (entry) into the procedure; procedural status; legal interest; official interest.

Cite as: Mikhailov SM. Participation of Bodies, Organizations and Individuals in an Administrative Case to Render an Opinion hereon. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(2):18-26. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.018-026.

Введение

Реформирование цивилистического процессуального законодательства, в том числе в целях его унификации, затронуло положения КАС РФ, посвященные участию в административном судопроизводстве различных органов, организаций и лиц (далее также — органы и лица). Так, Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ дополнил п. 4 ст. 37 КАС РФ указанием на возможность привлечения обозначенных выше субъектов к участию в судебном процессе для дачи заключения по административному делу. Следует отметить, что и до внесения этого дополнения суд был наделен правом привлечь представителя Центральной избирательной комиссии к участию в деле о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ для дачи по нему заключения, кроме случаев, когда ЦИК России участвовала в этом деле как административный ответчик или заинтересованное лицо (ч. 7 ст. 243 КАС РФ). Новая редакция п. 4 ст. 37 КАС РФ предоставила суду возможность привлекать в указанной выше форме для участия в деле и иных субъектов: Уполномоченного по правам человека в РФ, уполномоченных по правам человека в субъектах РФ (ч. 3 ст. 265.8 КАС РФ) (далее вместе — уполномоченные по правам человека),

уполномоченного по правам ребенка в субъекте РФ (ч. 2 ст. 285.8, ч. 2 ст. 285.15 КАС РФ) (далее — уполномоченный по правам ребенка).

Положительно оценивая состоявшиеся изменения и дополнения законодательства об административном судопроизводстве, позволим себе поставить некоторые вопросы и попытаться дать на них ответы.

1. Основания и цели участия в административном деле для дачи заключения субъектов, указанных в п. 4 ст. 37 КАС РФ

Прежде всего, следует отметить, что в общих положениях КАС РФ нет отдельной статьи, регламентирующей данную форму участия органов и лиц, в отличие от ГПК РФ, статья 47 которого определяет, что возможно вступление в гражданское дело органов государственной власти и местного самоуправления в установленных федеральным законом случаях, а также их привлечение в процесс, если это предусматривает закон либо если такая необходимость будет признана судом.

Соответственно, общие основания участия в административном деле субъектов, дающих по нему заключение, в п. 4 ст. 37 КАС РФ не определяются. Как отмечалось выше, отдельные положения Кодекса предусматривают дачу заключений определенными субъектами,

¹ СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. I). Ст. 7523.

наделенными необходимой компетенцией в той сфере административных и иных публичных правоотношений, из которой возникло административное дело.

Однако закономерен вопрос: возможно ли, как это предусмотрено частью 2 ст. 47 ГПК РФ, привлечение судом в *необходимых случаях* для дачи заключения в судебный административный процесс органов, организаций и лиц?

С одной стороны, «инициативная форма» участия этих субъектов, согласно ст. 40 КАС РФ, допускается только в предусмотренных законом случаях. С другой — цель их участия в деле, о которой будет сказано ниже, а также отсутствие каких-либо ограничений в самом Кодексе позволяет предположить, что, когда это необходимо, суд, рассматривающий административное дело, для дачи по нему заключения также вправе привлечь компетентный орган или лицо. Продолжая данную мысль, можно смоделировать ситуацию, когда при оспаривании нормативного правового акта органа государственной власти субъекта РФ, затрагивающего права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, суду будет необходимо заключение уполномоченного по защите прав предпринимателей в субъекте РФ.

Безусловно, определяя потребность участия в деле определенного субъекта для дачи заклю-

чения, суды должны учитывать компетенцию органа или лица в определенной сфере административных и иных публичных правоотношений, которая, как отмечено выше, заложена и в основания, предусмотренные законом². Привлечение в административное дело органов и лиц, как следует из п. 4 ст. 37 КАС РФ, может инициировать исключительно суд, что вполне объяснимо его активной ролью в делах административного судопроизводства³. И этим же обусловлено отсутствие возможности у лиц, участвующих в деле, заявить ходатайство о привлечении указанных субъектов для дачи заключения по делу.

Отметим, что предложенное нами основание ни в коей мере не противоречит положению о допустимости в судопроизводстве только тех процессуальных действий, которые предусмотрены законом. Наоборот, оно соответствует задачам административного судопроизводства, определенным в ст. 3 КАС РФ, и укладывается в требования процессуальной формы⁴. Вместе с тем в целях обеспечения единообразия в применении законодательства об административном судопроизводстве право суда привлечь орган или лицо для дачи заключения по административному делу в «иных необходимых случаях» следует закрепить в КАС РФ.

Так, М. С. Шакарян, указывая на положительный эффект для судебной практики от наделе-

² Применительно к участию в гражданском процессе государственных органов и органов местного самоуправления термин «необходимые случаи» определен, в частности, В. Ю. Кулаковой. См.: Кулакова В. Ю. Участие в гражданском процессе государственных органов и органов местного самоуправления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 22.

³ В процессуальной литературе можно встретить и иное мнение. Например, В. М. Шерстюк полагает, что инициативу на вступление в процесс для дачи заключения по административному делу путем заявления соответствующего ходатайства могут проявить соответствующие органы и лица (см.: Административное судопроизводство : учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. Ф. Воронова, д-ра юрид. наук, проф. В. В. Молчанова. М. : Статут, 2024. С. 184). Как представляется, более отвечающим природе административного судопроизводства является один из вариантов вовлечения в процесс субъектов, дающих заключение по делу, реализованный в отношении уполномоченных по правам ребенка, о чем будет сказано ниже.

⁴ Например, нами уже высказывалось предложение о том, что по делам, рассматриваемым в порядке гл. 22 КАС РФ, если уполномоченный по правам человека использовал внесудебные средства реагирования по жалобе, а в суд с административным иском обратился сам гражданин, целесообразно привлечение в дело уполномоченного (его представителя) для дачи заключения. См.: Михайлов С. М. Оспаривание уполномоченными по правам человека в РФ решений, действий (бездействия), нарушающих права, свободы и законные интересы граждан: некоторые решенные и нерешенные проблемы //

ния суда таким правом в гражданском процессе (ч. 2 ст. 47 ГПК РФ), отмечала, что это позволило избежать противоречащих закону ситуаций, когда, испытывая потребность в компетентном заключении соответствующего органа, суды привлекали его в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, с возложением обязанности дать заключение⁵.

Статья 40 КАС РФ четко определяет цель инициативной формы участия в деле указанных в ней субъектов — защита прав, свобод и законных интересов других лиц или неопределенного круга лиц. Применительно к привлечению в процесс органов и лиц для дачи заключения по административному делу такая цель нормативно не обозначена, однако, исходя из выделенных выше оснований их участия, можно отметить, что данные субъекты исполняют возложенные на них обязанности также для защиты прав, свобод и законных интересов других лиц или неопределенного круга лиц.

Так, в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2023)⁶, в разделе «Вопросы, возникающие в практике судов общей юрисдикции при рассмотрении административных дел, связанных с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органа внутренних дел, в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа», указывается, что участие уполномоченного по правам ребенка в субъекте РФ в судебном процессе по административным делам, рассматриваемым в

порядке, предусмотренном главами 31.2 и 31.3 КАС РФ, обусловлено реализацией возложенных на него задач по обеспечению защиты прав и законных интересов детей, предупреждению нарушения их прав и законных интересов, содействию восстановлению нарушенных прав и законных интересов детей (ответ на вопрос 4).

Уполномоченными по правам человека, привлекаемыми для дачи заключения по административному делу о признании информационных материалов экстремистскими, если лицо, действия которого послужили поводом для подачи административного искового заявления, не установлено, осуществляется защита прав и законных интересов неопределенного круга лиц.

Интересной применительно к целям участия в гражданском процессе государственных органов и органов местного самоуправления для дачи заключения по делу представляется позиция Е. В. Джандосовой. Автор включила в число этих целей и «оказание помощи суду в правильном разрешении дела и вынесении законного и обоснованного решения посредством представления компетентного мнения органа управления по вопросам, тесно связанным с соответствующей сферой управления»⁷. Отсюда Е. В. Джандосова делает вывод, что привлечение судом указанных органов в необходимых случаях обусловлено потребностью в получении квалифицированной помощи лица, обладающего специальными знаниями⁸. Полагаем, что вопрос о доказательственном значении заключений органов и лиц по административным

Учение о гражданском процессе: настоящее и будущее : сборник докладов на II Международной научной конференции памяти М. К. Треушниковой, Москва, 9 февраля 2023 г. / под ред. В. В. Молчанова. М., 2023. С. 184.

⁵ См.: Гражданское процессуальное право : учебник / С. А. Алехина, В. В. Блажеев [и др.] ; под ред. М. С. Шакарян. М. : ТК Велби, Проспект, 2004. С. 103.

К сожалению, «возвратом в прошлое» можно считать положения ч. 2 ст. 53.1 АПК РФ, которые предоставляют Уполномоченному при Президенте РФ по защите прав предпринимателей право вступить в дело на стороне истца или ответчика в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований.

⁶ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Джандосова Е. В. Участие в гражданском процессе государственных органов и органов местного самоуправления для дачи заключения по делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 6.

⁸ Джандосова Е. В. Указ. соч. С. 6–7.

делам требует самостоятельного исследования с учетом специфики административного судопроизводства.

2. Круг субъектов, на которых возлагается обязанность дать заключение, и порядок их вовлечения в административное дело

Пункт 4 ст. 37 КАС РФ, в отличие от ст. 47 ГПК РФ, предусматривающей участие в деле для дачи заключения по нему только государственных органов и органов местного самоуправления, указывает на достаточно широкий круг субъектов, на которых может быть возложена соответствующая обязанность: органы, организации и лица.

К лицам, занимающим соответствующие должности и наделенным государственно-властными полномочиями, чье участие для дачи заключения предусмотрено КАС РФ, относятся: уполномоченные по правам человека, уполномоченные по правам ребенка. В качестве государственного органа по соответствующей категории административных дел может быть привлечена ЦИК России в лице своего представителя. Хотя это прямо и не предусмотрено КАС РФ, в административных делах о защите интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, при отказе законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни, для дачи заключения участвует орган опеки и попечительства (ч. 3 ст. 285.3 КАС РФ)⁹.

Что касается конкретных организаций, то КАС РФ пока не наделяет суд правом привлечь их для дачи заключения по административному делу. Однако очевидно, что, если подобное положение и будет включено в Кодекс, рассма-

триваемую обязанность законодатель может возложить не на любую организацию, а только на ту, которая обладает публично-властными полномочиями в соответствующей сфере административных и иных публичных правоотношений. Это обусловлено как предметом судебного рассмотрения в административном судопроизводстве, так и связью основания участия определенного субъекта для дачи заключения по делу с его компетенцией.

Что касается порядка вовлечения в процесс органов и лиц, то данный вопрос в КАС РФ решается по-разному. Так, ЦИК России, уполномоченные по правам человека, органы опеки и попечительства *привлекаются* к участию в деле, что требует вынесения судом соответствующего определения либо указания на это в определении о подготовке административного дела к судебному разбирательству. Вследствие указанного у перечисленных выше органов и лиц возникает субъективная процессуальная обязанность лично или через своего представителя участвовать в конкретном деле и дать по нему компетентное заключение.

Обратим внимание также на то, что согласно ч. 7 ст. 243 КАС РФ привлечь ЦИК России к участию в деле — право суда¹⁰, тогда как по смыслу ч. 3 ст. 265.8 и ч. 3 ст. 285.3 КАС РФ уполномоченные по правам человека и орган опеки и попечительства *должны* быть привлечены в соответствующее административное дело.

Иная ситуация складывается в случае участия уполномоченных по правам ребенка для дачи заключения по делам, рассматриваемым в порядке, предусмотренном главами 31.2 и 31.3 КАС РФ.

Например, согласно ч. 2 ст. 285.8 Кодекса, суд *обязан* проинформировать уполномоченного по правам ребенка о возбуждении производ-

⁹ Указанного мнения придерживается и Л. В. Туманова. См.: Гражданское процессуальное право : учебник : в 2 т. / под ред. П. В. Крашенинникова. М. : Статут, 2020. Т. 2 : Особенная часть. Производство по отдельным категориям дел. С. 136.

¹⁰ В судебной практике встречаются ссылки на незаконность решений суда, вынесенных по делам о защите избирательных прав граждан РФ, на том основании, что суд не привлек к участию в деле ЦИК РФ в лице ее представителя для дачи заключения. Вышестоящими судами совершенно справедливо отмечается, что это право суда, которое он реализует при наличии к тому достаточных правовых оснований. Соответственно, непривлечение ЦИК России не может служить основанием к безусловной отмене судебного

ства по административному делу, связанному с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей. Однако уполномоченный *вправе* участвовать в деле и дать по нему заключение.

Такой механизм вовлечения в процесс для дачи заключения нетипичен для гражданского судопроизводства. Пункт 4 ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 27.12.2018 № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации»¹¹ применительно к административному судопроизводству предусматривает инициативную форму их участия в защиту прав и законных интересов детей по делам о признании незаконными решений, действий (бездействия) органов и лиц, наделенных публичными полномочиями, тогда как пункт 5 ч. 1 указанной статьи предоставляет уполномоченным право участвовать по собственной инициативе в судебном разбирательстве по гражданским делам для дачи заключения в целях защиты прав и законных интересов детей. Справедливости ради следует отметить, что перечень полномочий уполномоченных, предусмотренный статьей 6 указанного нормативного правового акта, может быть дополнен иными законодательными актами, что и было реализовано в КАС РФ.

Потребность в обеспечении единообразного применения положений КАС РФ об участии в административном деле уполномоченных по правам ребенка с целью дачи заключения вызвала необходимость издания Верховным Судом РФ соответствующих разъяснений. Суть ответов в Обзоре ВС РФ № 3 (2023) на вопросы 1–2, в частности, сводится к следующему:

— информирование уполномоченного о принятии административного искового заявления по соответствующему делу осуществля-

ется по общим правилам направления судебных извещений;

— право участвовать в деле для дачи заключения реализуется уполномоченным по собственному усмотрению с учетом всех обстоятельств дела;

— суд вправе рассмотреть дело без участия уполномоченного и не может признать его явку обязательной.

КАС РФ, как неоднократно отмечалось выше, не содержит общих положений, посвященных участию органов и лиц для дачи заключения по делу, поэтому временной промежуток их вовлечения в процесс определяется специальными нормами (ч. 7 ст. 243; ч. 3 ст. 265.8; ч. 3 ст. 285.3; ч. 2 ст. 285.8; ч. 2 ст. 285.15). С учетом этого привлечение (вступление) в дело указанных субъектов происходит после принятия административного искового заявления на этапе подготовки к судебному разбирательству. При этом конечный момент, до которого такое привлечение (вступление) в административное дело возможно, не определен.

Поддерживая решение законодателя, ориентирующего суды на то, что вопросы, связанные с определением состава лиц, участвующих в деле, и их вовлечением в процесс, должны быть решены на этапе подготовки дела, не исключаем ситуацию, когда необходимость дачи заключения определенным органом или лицом выявится лишь в судебном разбирательстве. Например, потребность в участии ЦИК России в лице ее представителя в деле о защите избирательных прав при его подготовке может быть неочевидной, а необходимость в таком участии, возможно, появится уже тогда, когда суд перешел к рассмотрению дела. Соответственно, вовлечение органов и лиц в административное дело возможно до принятия судом судебного

решения. См., например: кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 14.09.2021 № 31-ИКАД21-1-А4 ; кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 09.02.2022 № 5-ИКАД22-1-А1 ; апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 13.09.2021 по делу № 66а-3006/2021 ; апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 19.08.2020 № 33а-4414/2020 по делу № 2а-9014/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ СЗ РФ. 2018. № 53 (ч. I). Ст. 8427.

акта, которым завершается рассмотрение дела по существу.

3. Процессуальное положение органов и лиц, дающих заключение по административному делу

В науке гражданского процессуального права убедительно обосновано, что органы, дающие заключение по делу, не могут иметь в нем материально-правовой заинтересованности, не должны быть связаны ни с одной из сторон материальным правоотношением¹². Их интерес является служебным, носит процессуально-правовой характер¹³. Соответственно, ошибочным будет привлечение соответствующих органов в качестве сторон или третьих лиц. Данные выводы применимы и к административному судопроизводству.

Так, служебный характер заинтересованности органов и лиц четко прослеживается в положениях ч. 7 ст. 243 КАС РФ, согласно которым привлечение судом для дачи заключения ЦИК России по делам о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ возможно, если комиссия не должна участвовать в административном деле в качестве административного ответчика или заинтересованного лица.

Названные в числе лиц, участвующих в деле, указанные субъекты пользуются правами и несут обязанности этих лиц (ст. 45 КАС РФ) с учетом целей их участия в административном судопроизводстве.

Несомненно, что в качестве основной обязанности органов и лиц выступает дача заключения по делу. Его форма и содержание КАС РФ не регламентированы, что допускает возможность

как устного, так и письменного заключения по вопросам, входящим в компетенцию органа или лица и связанным с рассматриваемым судом административным делом. Заключение дается после исследования всех доказательств (ст. 170 КАС РФ). Для суда оно не носит обязательного характера.

Другие обязанности могут быть предусмотрены положениями КАС РФ, регламентирующими участие органов и лиц для дачи заключения по отдельным категориям дел. Например, согласно ч. 4 ст. 285.3, если суд признал обязательной явку органа опеки и попечительства, это порождает у него соответствующую процессуальную обязанность.

Право уполномоченного по правам ребенка участвовать в судебном заседании по административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, в учебном учреждении закрытого типа, посредством использования системы видеоконференции разъясняется в ответе на вопрос 3 Обзора ВС РФ № 3 (2023).

Выводы

1. Участие в административном деле органов, организаций и лиц для дачи заключения не получило самостоятельной правовой регламентации в общих положениях КАС РФ и по-прежнему регулируется нормами, касающимися особенностей производства по отдельным категориям дел.

2. Как положительный момент в развитии положений об участии в административном деле с целью дачи по нему заключения отдельных субъектов следует расценивать отнесение к

¹² См., например: *Чечот Д. М.* Избранные труды по гражданскому процессу. СПб. : Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, Изд-во юрид. ф-та С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. С. 214 ; *Шакарян М. С.* Избранные труды / вступ. ст. д-ра юрид. наук, проф. А. Т. Боннера и доц. М. Э. Мирзоян. СПб. : Изд. дом Р. Асланова «Юридический центр», 2014. С. 453 ; Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / С. А. Алехина, А. Т. Боннер, В. В. Блажеев [и др.] ; отв. ред. М. С. Шакарян. М. : ТК Велби, Проспект, 2003. С. 120 (автор комментария к ст. 47 — М. С. Шакарян) ; *Сахнова Т. В.* Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты М. : Волтерс Клувер, 2008. С. 257.

¹³ Гражданский процесс : учебник / отв. ред. В. В. Блажеев, Е. Е. Уксусова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2023. С. 114 (автор главы — С. А. Алехина).

их числу не только публично-властных органов, но и организаций, а также определенных лиц.

3. Представляется целесообразным дополнение КАС РФ нормами, которые позволяли бы привлекать органы и лиц для дачи заключения не только в случаях, предусмотренных Кодексом, но и в иных, признанных судом необходимыми.

4. При решении вопроса об участии организаций в административном деле для дачи по нему заключения законодателю необходимо

учитывать, обладает ли организация публично-властными полномочиями в соответствующей сфере административных и иных публичных правоотношений.

5. Механизм вовлечения в судебный административный процесс уполномоченных по правам ребенка по соответствующим категориям дел является специфичным, но при этом позволяющим сочетать активную роль суда и правоохранительную функцию уполномоченного.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Административное судопроизводство : учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. Ф. Воронова, д-ра юрид. наук, проф. В. В. Молчанова. — М. : Статут, 2024. — 674 с.
2. Гражданский процесс : учебник / отв. ред. В. В. Блажеев, Е. Е. Уксусова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2023. — 688 с.
3. Гражданское процессуальное право : учебник : в 2 т. / под ред. П. В. Крашенинникова. Т. 2 : Особенная часть. Производство по отдельным категориям дел. — М. : Статут, 2020. — 317 с.
4. Гражданское процессуальное право : учебник / С. А. Алехина, В. В. Блажеев [и др.] ; под ред. М. С. Шакарян. — М. : ТК Велби, Проспект, 2004. — 584 с.
5. Джандосова Е. В. Участие в гражданском процессе государственных органов и органов местного самоуправления для дачи заключения по делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2006. — 24 с.
6. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / С. А. Алехина, А. Т. Боннер, В. В. Блажеев [и др.] ; отв. ред. М. С. Шакарян. — М. : ТК Велби, Проспект, 2003. — 688 с.
7. Кулакова В. Ю. Участие в гражданском процессе государственных органов и органов местного самоуправления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2001. — 25 с.
8. Михайлов С. М. Оспаривание уполномоченными по правам человека в РФ решений, действий (бездействия), нарушающих права, свободы и законные интересы граждан: некоторые решенные и нерешенные проблемы // Учение о гражданском процессе: настоящее и будущее : сборник докладов на II Международной научной конференции памяти М. К. Треушниковой, Москва, 9 февраля 2023 г. / под ред. В. В. Молчанова. — М., 2023. — С. 181–184.
9. Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты — М. : Волтерс Клувер, 2008. — 696 с.
10. Чечот Д. М. Избранные труды по гражданскому процессу. — СПб. : Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, Изд-во юрид. ф-та С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. — 616 с.
11. Шакарян М. С. Избранные труды / вступ. ст. д-ра юрид. наук, проф. А. Т. Боннера и доц. М. Э. Мирзоян. — СПб. : Изд. дом Р. Асланова «Юридический центр», 2014. — 880 с.

Материал поступил в редакцию 1 ноября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Administrativnoe sudoproizvodstvo: uchebnik / pod red. d-ra yurid. nauk, prof. A. F. Voronova, d-ra yurid. nauk, prof. V. V. Molchanova. — M.: Statut, 2024. — 674 s.

2. Grazhdanskiy protsess: uchebnik / otv. red. V. V. Blazheev, E. E. Uksusova. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Prospekt, 2023. — 688 s.
3. Grazhdanskoe protsessualnoe pravo: uchebnik: v 2 t. / pod red. P. V. Krashenninnikova. T. 2: Osobennaya chast. Proizvodstvo po otdelnym kategoriyam del. — M.: Statut, 2020. — 317 s.
4. Grazhdanskoe protsessualnoe pravo: uchebnik / S. A. Alekhina, V. V. Blazheev [i dr.]; pod red. M. S. Shakaryan. — M.: TK Velbi, Prospekt, 2004. — 584 s.
5. Dzhandosova E. V. Uchastie v grazhdanskom protsesse gosudarstvennykh organov i organov mestnogo samoupravleniya dlya dachi zaklyucheniya po delu: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2006. — 24 s.
6. Kommentariy k Grazhdanskomu protsessualnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii / S. A. Alekhina, A. T. Bonner, V. V. Blazheev [i dr.]; otv. red. M. S. Shakaryan. — M.: TK Velbi, Prospekt, 2003. — 688 s.
7. Kulakova V. Yu. Uchastie v grazhdanskom protsesse gosudarstvennykh organov i organov mestnogo samoupravleniya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2001. — 25 s.
8. Mikhaylov S. M. Osparivanie upolnomochennymi po pravam cheloveka v RF resheniy, deystviy (bezdeystviya), narushayushchikh prava, svobody i zakonnye interesy grazhdan: nekotorye reshennye i nereshennye problemy // Uchenie o grazhdanskom protsesse: nastoyashchee i budushchee: sbornik dokladov na II Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii pamyati M. K. Treushnikova, Moskva, 9 fevralya 2023 g. / pod red. V. V. Molchanova. — M., 2023. — S. 181–184.
9. Sakhnova T. V. Kurs grazhdanskogo protsessa: teoreticheskie nachala i osnovnye instituty — M.: Volters Kluver, 2008. — 696 s.
10. Chechot D. M. Izbrannye trudy po grazhdanskomu protsessu. — SPb.: Izdatelskiy dom S.-Peterb. gos. un-ta, Izd-vo jurid. f-ta S.-Peterb. gos. un-ta, 2005. — 616 s.
11. Shakaryan M. S. Izbrannye trudy / vstup. st. d-ra jurid. nauk, prof. A. T. Bonnera i dots. M. E. Mirzoyan. — SPb.: Izd. dom R. Aslanova «Yuridicheskiy tsentr», 2014. — 880 s.

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.027-035

С. А. Алехина*

Качество гражданского процессуального законодательства как необходимая предпосылка доступности и эффективности правосудия

Аннотация. Статья посвящена исследованию положений современного гражданского процессуального законодательства об основаниях для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке в Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ. Формулировка данных оснований является неясной, что побуждает к ее анализу. Анализ проводится автором в сравнении с основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в других проверочных стадиях гражданского процесса — апелляционной инстанции и в кассационных судах общей юрисдикции. Избранная для изучения проблема имеет как теоретическое, так и практическое значение. Автором обосновывается, что, несмотря на сложность и избыточность формулировки положений закона об основаниях для отмены (изменения) судебных постановлений во второй кассации, по существу эти основания являются такими же, как в апелляционной и первой кассационной инстанциях. Затрагивается также вопрос о влиянии качества процессуального законодательства на эффективность и доступность правосудия по гражданским делам.

Ключевые слова: гражданский процесс; кассационная инстанция; апелляционная инстанция; основания для отмены судебных постановлений; доступность правосудия; эффективность правосудия; существенное нарушение норм права; незаконность судебных постановлений; качество гражданского процессуального законодательства; система пересмотра судебных постановлений.

Для цитирования: Алехина С. А. Качество гражданского процессуального законодательства как необходимая предпосылка доступности и эффективности правосудия // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 2. — С. 27–35. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.027-035.

The Quality of Civil Procedure Legislation as a Necessary Prerequisite for the Accessibility and Effectiveness of Justice

Svetlana A. Alekhina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil and Administrative Procedure, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Lab.kgias@msal.ru

Abstract. The paper is devoted to the study of the provisions of modern civil procedure legislation with regard to the grounds for the cancellation or amendment of court decisions in cassation in the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation. The formulation of these grounds is unclear, which prompts their analysis. The author carries out an analysis in comparison with the grounds for the cancellation or modification

© Алехина С. А., 2024

* Алехина Светлана Алексеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Lab.kgias@msal.ru

of court decisions at other verification stages of civil proceedings — the appellate instance and in the cassation courts of general jurisdiction. The problem chosen for study has both theoretical and practical significance. The author substantiates that, despite the complexity and redundancy of the wording of the provisions of the law on the grounds for the cancellation (altering) of court decisions in the second cassation, in essence these grounds are the same as in the appellate and first cassation instances. The author also raises the issue of the impact of the quality of procedural legislation on the effectiveness and accessibility of justice in civil cases.

Keywords: civil procedure; cassation instance; appellate instance; grounds for annulment of court rulings; accessibility of justice; effectiveness of justice; significant violation of the norms of law; illegality of court rulings; quality of civil procedural legislation; system of judicial review.

Cite as: Alekhina SA. The Quality of Civil Procedure Legislation as a Necessary Prerequisite for the Accessibility and Effectiveness of Justice. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(2):27-35. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.027-035.

Последние годы деятельности Марии Сумбатовны Шакарян были во многом посвящены двум важным проблемам в сфере гражданского судопроизводства — доступности и эффективности правосудия. Об указанных понятиях Мария Сумбатовна писала, что они, безусловно, являются взаимосвязанными, однако не тождественными. Оба они испытывают на себе влияние множества различных факторов¹. На доступность правосудия влияет простота обращения в суд, близость судов к населению, разумные размеры государственной пошлины и иных судебных расходов, а также другие факторы². Что касается эффективности правосудия, то это понятие означает, что цель судебной защиты и задачи правосудия достигнуты. Для субъекта, нуждающегося в судебной защите своего права, такая цель достигается в том случае, если дело рассмотрено быстро и в соответствии с законом³. Оба понятия — и доступность, и эффективность правосудия — зависят от того, насколько качественной законодательной базой они обеспечены. Непротиворечивое процессуальное и материальное законодательство является объективной предпосылкой доступности и эффективности правосудия⁴.

Говоря о значительности вклада Марии Сумбатовны в развитие гражданского процессуального законодательства, невозможно обойти стороной ее огромную, полную самоотдачи работу над ГПК РФ 2002 г. — около 10 лет непрерывного труда в составе рабочей группы по подготовке проекта ГПК. Возможно, кто-то решится высказать упрек, что работа велась слишком долго, но задача заключалась в том, чтобы обеспечить высокое качество закона. В то же время М. С. Шакарян очень беспокоило то обстоятельство, что многие нормативные акты процессуального характера готовились без широкого привлечения ученых-процессуалистов⁵. С этим трудно не согласиться.

Мария Сумбатовна писала: «Реальная защита субъективных прав и интересов человека зависит прежде всего от доступности правосудия, от предусмотренных законом гарантий права на судебную защиту, от состояния законодательства — как материального, так и процессуального»⁶.

Перечитывая эти строки, не перестаешь удивляться двум моментам. Во-первых, тому, сколько в них подлинной заботы о гражданах и иных субъектах, нуждающихся в судебной защи-

¹ Шакарян М. С. Проблемы доступности и эффективности правосудия в судах общей юрисдикции // Избранные труды. СПб. : Изд. дом Р. Асланова «Юридический центр», 2014. С. 869.

² Шакарян М. С. Проблемы доступности и эффективности правосудия в судах общей юрисдикции. С. 870.

³ Шакарян М. С. Проблемы доступности и эффективности правосудия в судах общей юрисдикции. С. 877.

⁴ Шакарян М. С. Проблемы доступности и эффективности правосудия в судах общей юрисдикции. С. 869.

⁵ Шакарян М. С. Проблемы доступности и эффективности правосудия в судах общей юрисдикции. С. 874.

⁶ Шакарян М. С. Защита прав человека в гражданском судопроизводстве: закон и практика // Избранные труды. С. 859.

те. Ведь правосудие само по себе, если оно не обращено к тем, кто в нем нуждается, не имеет никакой ценности. Однако печальная тенденция в развитии процессуального законодательства такова, что в настоящее время, как нам кажется, довольно настойчиво игнорируется простой и очевидный тезис о том, что правосудие — в первую очередь для людей, для тех, чьи права нарушены и, соответственно, требуют своей защиты. Значит, правосудие должно быть организовано наилучшим образом прежде всего для тех, кто в нем нуждается. Во-вторых, не перестаешь удивляться тому, насколько актуально всё сказанное Марией Сумбатовной более 20 лет назад о качестве процессуального законодательства. Ведь и сейчас оно зачастую изменяется без учета мнения представителей науки, без какого-либо широкого обсуждения, без должного научного обоснования. Большинство предложений по его изменению в значительной степени ориентированы на то, чтобы снизить нагрузку на судей, оптимизировать деятельность судов. При этом инициаторов таких изменений, видимо, не очень интересует мнение научного сообщества о том, насколько такие изменения позволяют сохранить качество правосудия. Ведь правосудие, как наивысшая форма защиты права, ценно тем, что осуществляется в процессуальной форме, которая предполагает наличие определенной системы гарантий для тяжущихся (в частности, обеспечение им права быть выслушанными, вовлечение в процесс рассмотрения дела). И можно ли и нужно ли уменьшать значение этих гарантий — это, как говорится, большой вопрос, который давно обсуждается в процессуальной науке. В деятельности других юрисдикционных органов отсутствует система принципов, столь характерная для правосудия. Но, как показывает история развития процессуального законодательства, даже принципы не являются некоей постоянной величиной (например, произошел отказ от принципа непрерывности; активно развиваются в процессе такие формы защиты, в которых принципы гражданского процесса практически не действуют). Безусловно, на доступность правосудия и простоту обращения в суд повлияли изменения закона, связанные с сужением возможностей выбора

добровольного представителя. Позабывшись о профессионализации представительства и предусмотрев возможность участия в судах посредством адвокатов и иных профессиональных юристов, не учли, что такое изменение осложняет обращение в суд, лишая заинтересованное лицо возможности самостоятельно выбрать любого добровольного представителя. Конечно, на доступность правосудия повлияло увеличение в законодательстве числа случаев, предусматривающих соблюдение обязательного досудебного порядка. Возможно, кому-то это покажется незначительным, но тем не менее даже снятие с судов обязанности направить лицам, участвующим в деле, копии искового заявления и возложение этой обязанности на лицо, обращающееся в суд, — это тоже определенное осложнение при обращении в суд, влияющее на его доступность. Есть серьезные проблемы с доступностью правосудия в апелляционном производстве. Перестала существовать возможность выбора между приказным производством и исковым и пр.

Автор настоящей статьи полностью разделяет позицию профессора М. С. Шакарян о том, что такие важные аспекты правосудия, как его эффективность и доступность, вне всякого сомнения, зависят от состояния процессуального законодательства, от того, насколько полно и ясно его содержание. В связи с изложенным хотелось бы проанализировать некоторые положения законодательства, регулирующего производство в Судебной коллегии Верховного Суда РФ в качестве суда кассационной инстанции (для краткости — вторая кассация). В частности, вызывает вопросы положение закона об основаниях к отмене (изменению) постановлений судов нижестоящих инстанций в данной стадии процесса.

Любая проверочная инстанция, будучи направленной на выявление и устранение ошибок в применении норм права, имеет свои основания для проверки, текстуальное изложение которых в законе различается. Напрашивается вывод о том, что все основания имеют свою специфику. В связи с этим хотелось бы проанализировать основания к отмене (изменению) постановлений нижестоящих судов во второй

кассации и сделать это в сравнении с соответствующими основаниями в других проверочных инстанциях (апелляционной и первой кассационной) с тем, чтобы попытаться эту специфику попытаться обнаружить.

Оставляя в стороне вопрос обоснованности судебного решения, отметим, что апелляция устанавливает незаконность решения суда (ст. 330 ГПК РФ), которая включает в себя неправильное применение норм материального права и нарушение норм процессуального права. Неправильное применение материального права — это ошибка в выборе той или иной нормы права или неверное уяснение ее смысла. Нарушение норм процессуального права является основанием для отмены (изменения) решения суда, если оно привело или могло привести к принятию неправильного решения. Имеются также безусловные основания отмены (ч. 4 ст. 330 ГПК РФ). Основаниями к отмене или изменению судебных постановлений в кассационном суде общей юрисдикции являются несоответствие содержащихся в нем выводов суда фактическим обстоятельствам дела, а также нарушение норм материального или процессуального права (ст. 397.7 ГПК РФ).

Таким образом, суды апелляционной и первой кассационной инстанции проверяют постановления судов на предмет их соответствия закону.

Во второй кассации проверяются существенные нарушения норм материального и (или) процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов (ст. 390.14 ГПК РФ).

Здесь следует обратить внимание на то, что речь идет не о любом нарушении законности, а только о таком, которое является существенным. Более того, получается, что даже не всякое существенное нарушение влечет отмену судебного постановления, а лишь такое, которое привело к вышеперечисленным последствиям. Значит, по всей видимости, бывают такие существенные нарушения закона, которые к ним не привели.

В этой связи возникает вопрос: имеются ли между незаконностью и существенной незаконностью принципиальные различия? Предполагает ли разное текстуальное изложение статей ГПК РФ об основаниях к отмене (изменению) судебных постановлений разный подход к оценке выявленных нарушений судами проверочных инстанций?

Для полноты картины, наверно, уместно будет привести статью 391.11 ГПК РФ о пересмотре в надзорном порядке судебных постановлений по представлению определенных должностных лиц, в котором предусмотрены так называемые фундаментальные нарушения норм права, которые также привели к определенным последствиям. Значит, бывают не только существенные нарушения законности, но и фундаментальные нарушения закона. Поэтому здесь возникают те же самые вопросы, что и применительно ко второй кассации. Разобраться в этих довольно многочисленных оттенках законности непросто.

Представляется, что оценочную категорию «существенное» следует рассмотреть отдельно по отношению к двум видам норм: материальным и процессуальным.

Попытки найти какое-либо разъяснение или подход, сложившийся на практике, относительно того, что означает данная оценочная категория по отношению к нормам материального права, какие именно это случаи, не увенчались успехом. Во всех случаях суд второй кассационной инстанции просто ограничивается воспроизведением формулировки статьи ГПК РФ.

Так, районная администрация г. Брянска обратилась в суд с требованием к М. об обязанности ее заключить договор социального найма жилого помещения. Иск администрация обосновывала тем, что по решению суда по другому делу она обязана предоставить М. вне очереди квартиру. В связи с этим было принято постановление о выделении ей квартиры общей площадью 28,7 кв. м. Однако от заключения договора ответчица отказалась. Истец полагал, что оснований для этого у ответчицы не имелось, потому что предоставленная квартира отвечает всем требованиям закона. Иск был удовлетворен. С решением согласилась вторая инстанция.

По жалобе ответчицы вторая кассация отменила постановление, указав, что основания для его отмены заключаются в следующем. Ответчица зарегистрирована и проживает в квартире площадью 41 кв. м совместно с другими лицами. У нее имеется заболевание, при котором не допускается совместное проживание с кем-либо в одной квартире. На основании решения суда администрация предоставила ей жилое помещение площадью 28,7 кв. м в дополнение к уже имеющейся у нее квартире, в которой ей принадлежит одна треть. Между тем выбор объекта договора социального найма должен отвечать требованиям жилищного законодательства. В местном нормативном правовом документе сказано, что норма на одиноко проживающего человека составляет 33 кв. м, а предоставленное ответчице помещение имеет меньшую площадь. В связи с тем, что все обстоятельства по делу были установлены правильно, неверно применена исключительно норма материального права, было принято противоположное решение — об отказе в иске⁷.

Возникает вопрос: как должны поступить апелляционная и первая кассационная инстанции, если точно такое же нарушение будет установлено в указанных стадиях? Ведь как уже отмечалось, в этих стадиях проверяется законность, а не существенная законность. Будут ли их решения отличаться от того, как поступила вторая кассация? Думается, что ответ очевиден. Если в первой инстанции будет неправильно применена норма материального права, апелляционная инстанция должна отменить такое решение и принять новое. Так же поступит и первая кассация при обнаружении такой же ошибки (при условии, что все искомые факты установлены правильно). Таким образом, все три инстанции поступят одинаковым образом при одной и той же ошибке.

Поэтому, по нашему мнению, оценочная категория «существенное» по отношению к нарушению норм материального права не несет никакой смысловой нагрузки. Этот вывод напрашивается сам собой, если проследить, как одно

и то же нарушение будет оценено судами всех проверочных инстанций. Кроме того, представляется, что использование оценочной категории «существенное» по отношению к нарушению нормы материального права в принципе невозможно. Норма материального права либо правильно применяется, либо неправильно. Какое-либо промежуточное положение ее применения невозможно. Невозможно также представить себе ситуацию, когда норма материального права была применена неправильно, однако это никак не повлияло на исход дела.

Что касается существенного нарушения норм процессуального права, то, вне всякого сомнения, все безусловные основания к отмене являются таковым. При этом в законе применительно к пересмотру во второй кассации нет перечня безусловных оснований к отмене. Однако в силу того, что такие нарушения свидетельствуют о нарушении принципов правосудия, по нашему мнению, они должны проверяться всеми проверочными инстанциями, причем независимо от того, содержалось ли об этом указание в жалобе или нет.

Остальные процессуальные нарушения, которые к ним не относятся, должны признаваться существенными, если они повлияли на правильность разрешения дела. Судебная практика показывает, что и в отношении процессуальных нарушений, обнаруженных второй кассацией, нет каких-либо отличий по сравнению с процессуальными нарушениями, установленными первой кассацией.

Так, вторая кассация направила дело на новое рассмотрение вследствие невыяснения фактов предмета доказывания. Обстоятельства дела таковы.

АО «Рольф» обратилось в суд с иском к А. о взыскании денежных средств, указав в обоснование требования, что 2 февраля 2021 г. между ними был заключен договор купли-продажи автомобиля «Hyundai Tucson NEW» по цене 1 964 000 руб. с учетом скидки в размере 380 000 руб. Указанная скидка, согласно дополнительному соглашению к договору, пре-

⁷ Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 19.11.2019 № 83-КГ19-15 // СПС «КонсультантПлюс».

доставляется покупателю при условии заключения им следующих четырех договоров: договора страхования жизни, договора страхования GAP, договора на оказание помощи на дороге, кредитного договора. В случае невыполнения любого из указанных условий скидка не предоставляется и следует доплатить 380 000 руб. Ответчик с иском не согласился и предъявил встречное требование к АО «Рольф» о признании недействительным этого дополнительного соглашения. Он указал, что он смог заключить договор купли-продажи автомобиля только при условии подписания этого дополнительного соглашения. Фактически ему были навязаны дополнительные условия, без которых приобрести автомобиль было невозможно.

Решением суда первой инстанции иск АО «Рольф» был удовлетворен, с ответчика взыскано 380 000 руб. В удовлетворении встречного иска отказано. Судами проверочных инстанций решение оставлено без изменения.

Вторая кассация по жалобе ответчика проверила судебные постановления и установила существенные нарушения норм материального и процессуального права.

Было установлено, что договор между сторонами был действительно заключен на указанных условиях. Во исполнение условий дополнительного соглашения ответчиком были заключены все четыре договора. 24 февраля 2021 г. ответчик обратился в ПАО СК «Росгосстрах» с заявлением о расторжении договора страхования жизни. При этом остальные три договора расторгнуты не были. Однако суд первой инстанции взыскал всю сумму скидки в размере 380 000 руб. без учета пропорциональности. Следовало взыскивать не всю сумму, а рассчитать размер взыскания исходя из того, что только один из четырех договоров был расторгнут.

Поскольку цена автомобиля, установленная в договоре, не проверялась на предмет ее соответствия рыночной стоимости автомобиля

и не был выяснен факт доведения до сведения покупателя информации о действительной цене автомобиля, для того чтобы он имел возможность адекватно оценить условия предоставления скидки и наличие собственной выгоды от покупки, постановления нижестоящих судов были отменены и дело было отправлено на новое рассмотрение⁸.

Безусловно, невыяснение фактов предмета доказывания — это существенное процессуальное нарушение. И конечно, оно влияет на правильность разрешения дела. Однако таким же образом поступит и кассационная инстанция окружного суда при таких же нарушениях: отменит принятые судебные постановления и направит дело на новое рассмотрение. Апелляционная инстанция также отменит судебное решение и примет новое, но без направления на новое рассмотрение, потому что у нее нет такого полномочия и есть возможность самостоятельно устанавливать искомые факты. Таким образом, по нашему мнению, различий между основаниями к отмене (изменению) судебных постановлений во всех трех проверочных инстанциях не имеется.

Последнее определение любопытно еще и тем, что в его мотивировочной части дана ссылка на п. 2, 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2003 № 23 «О судебном решении» и отмечается, что «...решение является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права...»⁹.

Тем самым, как нам кажется, признается, что, невзирая на громоздкость и, прямо скажем, неясность формулировки закона, вторая кассация проверяет, по сути, просто законность принятых по делу судебных постановлений. Возможно, наличие в законе особых оснований («существенных» нарушений закона) обусловлено стремлением законодателя как-то подчеркнуть значимость второй кассации, а также стремле-

⁸ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12.09.2023 № 5-КГ23-93-К2 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12.09.2023 № 5-КГ23-93-К2.

нием установить различия между первой и второй кассацией. Однако с учетом того, что все стадии процесса подчинены общим задачам правосудия, направлены на то, чтобы гарантировать реализацию принципа законности, представляется, что можно было указать, что вторая кассационная инстанция проверяет законность принятых судебных постановлений. В этом случае никак не умаляется значимость данной стадии процесса.

Попытки автора статьи отыскать своеобразие в основаниях к отмене (изменению) судебных постановлений в апелляционной инстанции по сравнению с основаниями во второй кассации также не увенчались успехом. Так, комментируя ст. 330 ГПК РФ, Н. В. Ласкина пишет, что «..в частности, ошибки суда первой инстанции могут заключаться как в неприменении нормы материального права, подлежащей применению, так и, наоборот, в применении положений нормативного акта, которые применять не требовалось»¹⁰. Те же самые ошибки будут основаниями к отмене судебных постановлений и во второй кассации.

Что касается процессуальных нарушений, то, в частности, В. М. Жуйков прямо называет безусловные основания к отмене судебного решения (ч. 4 ст. 330 ГПК) существенными нарушениями¹¹. А если, например, в жалобе указывается на нарушение сроков рассмотрения дела, то это не является основанием для отмены решения¹². То есть такие нарушения несущественны.

Важно отметить, что в ГПК РСФСР 1964 г. законодатель стремился избегать неясных и избыточных формулировок. Так, согласно ст. 330 основаниями к отмене судебных постановлений в надзорном порядке являлись: 1) неправильное применение или толкование норм материального права; 2) существенное нарушение норм

процессуального права, повлекшее вынесение незаконного постановления. Имелись безусловные основания к отмене, которые проверялись независимо от доводов протеста. Обращает на себя внимание тот факт, что категория «существенное» совершенно верно не применялась к неправильному применению норм материального права. Существенность же процессуальных нарушений должна оцениваться в зависимости от того, повлекли ли такие процессуальные нарушения вынесение неправильного судебного постановления.

Таким образом, даже применительно к надзорной инстанции (не то что к кассационной), то есть к самой высокой проверочной стадии, законодатель в свое время закрепил простую и ясную формулировку, что, по нашему мнению, отнюдь не умаляет значимость этой стадии. Скорее, наоборот, непродуманные положения закона, позволяющие судам толковать их как угодно, руководствуясь сугубо своим усмотрением в том, найдут ли они существенные нарушения или не найдут, повлияют ли они на что-то, снижают авторитет суда, подрывают к нему доверие со стороны общества.

Интересно также отметить, что, критикуя обновленную редакцию ст. 387 ГПК РФ¹³ об основаниях к отмене судебных постановлений в порядке надзора, в которой говорилось про существенные нарушения норм материального или процессуального права, повлиявшие на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов, В. М. Жуйков отмечал: «Законодателю... следовало бы четко указать, что признается существенным (фундаментальным) нарушением норм материального права и что признается

¹⁰ Ласкина Н. В. Комментарий к главе 39 «Производство в суде апелляционной инстанции Гражданского процессуального кодекса РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс». 2020.

¹¹ Жуйков В. М. Судебная реформа в России конца XX — начала XXI века // Вестник гражданского процесса. 2021. № 5.

¹² Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В. М. Жуйков, М. К. Треушников. М. : Городец, 2007 (автор комментария к главе 39 — Е. А. Борисова).

¹³ Федеральный закон от 04.12.2007 № 330-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. № 276. 08.12.2007.

существенным (фундаментальным) нарушением норм процессуального права, как это сделано в регулировании оснований для отмены или изменения решения суда в кассационном или апелляционном порядке (ст. 330, 362–364 ГПК). Таким образом, данная новелла никакой пользы не приносит, а только усложняет правоприменение»¹⁴. К сказанному добавить нечего. Всё правильно.

Мария Сумбатовна Шакарян когда-то писала: «ГПК РСФСР 1964 года в момент его принятия отвечал потребностям общества и действовал без каких-либо существенных изменений около 30 лет. Он отличался внутренней логикой, системностью, взаимосвязью институтов и стадий. В этом заслуга его разработчиков и консультантов, среди которых были ведущие ученые и практические работники»¹⁵.

Серьезная, вдумчивая работа крупнейших представителей процессуальной науки того времени, их стремление довести до совершенства не просто каждую статью закона, но буквально каждую его строку позволили столь высоко оценить ГПК РСФСР. Можно ли сегодня такое сказать о ГПК РФ? Думается, что вряд ли. Современный ГПК не отличается стабильностью. За 20 лет его действия в него внесено огромное количество поправок. В настоящее время, наверно, ни один юридический вуз не может похвастаться наличием учебника, который был бы написан в полном соответствии с ГПК РФ, с учетом всех внесенных в него изменений. Учебники устаревают моментально. Да и с ясностью некоторых положений ГПК также возникают вопросы. Очень жаль, что и в актах толкования закона не всегда можно найти ответы. Между тем, если закон неясен, это значительно увеличивает долю судебного субъективизма в процессе. Безусловно, полностью устранить свободное

усмотрение судьи невозможно, да и не нужно. Есть вопросы, которые объективно не могут быть четко и однозначно определены в законе и должны решаться, что называется, с учетом конкретных обстоятельств. Но что касается оснований для пересмотра, то они должны быть четко определены, тем более что для этого нет никаких препятствий. Нам представляется, что, хотя прошло уже много лет с тех пор, как был отменен ГПК РСФСР и введен в действие нынешний ГПК РФ, понятие и содержание принципа законности и соответствующего требования к судебному решению не изменилось. Непонятно, что еще можно вложить в понятие и содержание этого принципа кроме правильного применения материального и процессуального права. Безусловно, в практике судов возникают различные проблемы (пробелы в праве, противоречия между нормами, неоднозначность смысла правовой нормы), но и здесь трудно предложить что-то новое. Решения этих проблем имеются (применение аналогии закона и права, приоритет нормы специальной над общей, различные виды толкования и пр.).

В связи с изложенным думается, что было бы полезно почаще обращаться к представителям советской науки, к нашим учителям, которые, прежде чем предложить что-то менять, много думали (и, по правде говоря, многое уже придумали, так что вряд ли для решения некоторых процессуальных проблем надо «изобретать велосипед»), чтобы и нынешний ГПК в конце концов стал процессуальным эталоном, отвечающим реалиям времени, отличающимся внутренней логикой, системностью, взаимосвязанностью институтов и стадий, способствующим доступности и эффективности правосудия, о чем так искренне и неподдельно беспокоилась Мария Сумбатовна Шакарян.

¹⁴ Жуйков В. М. О некоторых проблемах проверки судебных постановлений по гражданским делам // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 9.

¹⁵ Шакарян М. С. Защита прав человека в гражданском судопроизводстве: закон и практика. С. 859.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Жуйков В. М. О некоторых проблемах проверки судебных постановлений по гражданским делам // Арбитражный и гражданский процесс. — 2010. — № 9. — С. 35–40.
2. Жуйков В. М. Судебная реформа в России конца XX — начала XXI века // Вестник гражданского процесса. — 2021. — № 5. — С. 191–221.
3. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. М. Жуйкова, М. К. Треушников. — М.: Городец, 2007.
4. Ласкина Н. В. Комментарий к главе 39 «Производство в суде апелляционной инстанции Гражданского процессуального кодекса РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ» (постатейный) // СПС «Консультант-Плюс». 2020.
5. Шакарян М. С. Защита прав человека в гражданском судопроизводстве: закон и практика // Избранные труды. — СПб.: Изд. дом Р. Асланова «Юридический центр», 2014. — С. 856–862.
6. Шакарян М. С. Проблемы доступности и эффективности правосудия в судах общей юрисдикции // Избранные труды. — СПб.: Изд. дом Р. Асланова «Юридический центр», 2014. — С. 869–878.
7. Шакарян М. С. Проблемы совершенствования правосудия по гражданским делам и гражданского процессуального законодательства в современный период // Избранные труды. — СПб.: Изд. дом Р. Асланова «Юридический центр», 2014. — С. 181–200.

Материал поступил в редакцию 1 ноября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Zhuykov V. M. O nekotorykh problemakh proverki sudebnykh postanovleniy po grazhdanskim delam // Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess. — 2010. — № 9. — S. 35–40.
2. Zhuykov V. M. Sudebnaya reforma v Rossii kontsa XX — nachala XXI veka // Vestnik grazhdanskogo protsessa. — 2021. — № 5. — S. 191–221.
3. Kommentariy k Grazhdanskomu protsessualnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynyy) / pod red. V. M. Zhuykova, M. K. Treushnikova. — M.: Gorodets, 2007.
4. Laskina N. V. Kommentariy k glave 39 «Proizvodstvo v sude apellyatsionnoy instantsii Grazhdanskogo protsessualnogo kodeksa RF ot 14 noyabrya 2002 g. № 138-FZ» (postateynyy) // SPS «KonsultantPlyus». 2020.
5. Shakaryan M. S. Zashchita prav cheloveka v grazhdanskom sudoproizvodstve: zakon i praktika // Izbrannye trudy. — SPb.: Izd. dom R. Aslanova «Yuridicheskiy tsentr», 2014. — S. 856–862.
6. Shakaryan M. S. Problemy dostupnosti i effektivnosti pravosudiya v sudakh obshchey yurisdiktsii // Izbrannye trudy. — SPb.: Izd. dom R. Aslanova «Yuridicheskiy tsentr», 2014. — S. 869–878.
7. Shakaryan M. S. Problemy sovershenstvovaniya pravosudiya po grazhdanskim delam i grazhdanskogo protsessualnogo zakonodatelstva v sovremennyy period // Izbrannye trudy. — SPb.: Izd. dom R. Aslanova «Yuridicheskiy tsentr», 2014. — S. 181–200.

Развитие учения о гражданской процессуальной правоспособности и дееспособности (памяти профессора М. С. Шакарян)

Аннотация. Статья посвящается памяти заслуженного юриста РСФСР, доктора юридических наук, профессора Марии Сумбатовны Шакарян. В статье освещены некоторые исторические аспекты развития учения о гражданской процессуальной правоспособности и дееспособности, подчеркнут вклад, который профессор М. С. Шакарян внесла в исследование указанных категорий. Отмечено, что многие вопросы, которые поднимала в своих работах профессор М. С. Шакарян, до настоящего времени остаются дискуссионными в науке цивилистического процессуального права. Особое внимание в статье уделено распространению понятий процессуальной правоспособности и дееспособности на всех участников процессуальных отношений, а также на суд. Отстаивается позиция, согласно которой при таком подходе разрушается цельность понятия не только процессуальной правоспособности, но и процессуальной дееспособности. Отдельно рассматривается вопрос о необходимости привлечения к личному участию в деле граждан, признанных судом недееспособными, обращается внимание на актуальную на практике и нерешенную в гражданском процессуальном законодательстве проблему обеспечения надлежащей защиты прав граждан, признанных судом недееспособными.

Ключевые слова: субъекты гражданских процессуальных отношений; гражданская процессуальная правоспособность; гражданская процессуальная дееспособность; процессуальные права; процессуальные обязанности; право на судебную защиту; недееспособный гражданин; стороны в гражданском процессе; третьи лица; заинтересованные лица.

Для цитирования: Ионова Д. Ю. Развитие учения о гражданской процессуальной правоспособности и дееспособности (памяти профессора М. С. Шакарян) // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 2. — С. 36–45. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.036-045.

Development of the Doctrine of Civil Procedural Capacity and Legal Capacity (in Memory of Professor Maria S. Shakaryan)

Dina Yu. Ionova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil and Administrative Procedure, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
dyuionova@msal.ru

Abstract. The paper is dedicated to the memory of Honored Lawyer of the RSFSR, Doctor of Law, Professor Maria S. Shakaryan. The paper highlights some historical aspects of the development of the doctrine of civil procedural

© Ионова Д. Ю., 2024

* Ионова Дина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
dyuionova@msal.ru

legal capacity and legal capacity, highlights the contribution that Professor Maria S. Shakaryan made to the study of these categories. It is noted that many of the issues that Professor Shakaryan raised in her works remain controversial in the science of civil procedural law to this day. Special attention is paid to dissemination of the concepts of procedural capacity and legal capacity to all participants in procedural relations, as well as to the court. The author argues that this approach destroys the integrity of the concept of not only procedural capacity, but also procedural legal capacity. Separately, the author examines the issue of the need to involve citizens recognized by the court as legally incompetent to participate in person in court proceedings. Attention is drawn to the problem of ensuring adequate protection of the rights of citizens recognized by the court as legally incompetent, which is relevant in practice and unresolved in civil procedural legislation.

Keywords: subjects of civil procedural relations; civil procedural capacity; civil procedural legal capacity; procedural rights; procedural duties; right to judicial protection; incapacitated citizen; parties in civil proceedings; third parties; interested parties.

Cite as: Ionova DYU. Development of the Doctrine of Civil Procedural Capacity and Legal Capacity (in Memory of Professor Maria S. Shakaryan). *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(2):36-45. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.036-045.

Профессор Мария Сумбатовна Шакарян в ходе исследования проблем субъектов процессуальных отношений значительное внимание уделяла в том числе вопросам гражданской процессуальной правоспособности и дееспособности. В монографии «Субъекты гражданского процессуального права»¹ и докторской диссертации М. С. Шакарян исследованию этих категорий посвящена вторая глава.

В статье представляется важным осветить исторические аспекты развития учения о процессуальной правоспособности и дееспособности, обратить внимание на те спорные вопросы, которые поднимала в своих работах М. С. Шакарян и которые до настоящего времени остаются дискуссионными в науке цивилистического процессуального права.

1. В дореволюционной литературе отрицалось самостоятельное значение категорий гражданской процессуальной правоспособности и дееспособности. В работах указанного периода отмечалось, что процессуальная правоспособность является одним из проявлений

гражданской правоспособности². Е. А. Нефедьев отмечал, что «способность быть стороной в процессе... совпадает с гражданской правоспособностью»³.

В дальнейшем в науке возобладал подход, согласно которому понятия процессуальной правоспособности и дееспособности имеют самостоятельный характер и собственное содержание⁴. М. С. Шакарян разделяла указанный подход и видела причину отрицания самостоятельного характера указанных категорий в том, что «учение о многих институтах процессуального права строилось на теоретических концепциях, которые своим истоком имели цивилистические (гражданско-правовые) конструкции»⁵.

2. До настоящего времени в науке процессуального права остается дискуссионным вопрос о том, следует ли применять понятия процессуальной правоспособности и дееспособности не только к лицам, участвующим в деле и имеющим к его исходу личный интерес, но и к остальным участникам гражданского процесса, а также к суду. Среди представителей научной

¹ Шакарян М. С. Субъекты советского гражданского процессуального права // Избранные труды. СПб., 2014. С. 318–367.

² Васильковский Е. В. Курс гражданского процесса : Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М. : Статут, 2016. С. 524–525.

³ Нефедьев Е. А. Учебник русского гражданского судопроизводства (издание третье 1900 г.). Краснодар, 2005. С. 137.

⁴ См., например: Гурвич М. А. Право на иск // Избранные труды. Краснодар, 2006. Т. 1. С. 74.

⁵ Шакарян М. С. Субъекты советского гражданского процессуального права. С. 321.

школы гражданского процесса ВЮЗИ (МГЮА) значительное внимание этой проблеме в своих работах уделяла не только М. С. Шакарян, но и А. К. Сергун⁶.

Длительное время учеными-процессуалистами понятия процессуальной правоспособности и дееспособности применялись только к сторонам⁷. Как отмечала А. К. Сергун, отход от указанной позиции начался с изменения определения процессуальной правоспособности⁸. С. Н. Абрамов в учебнике 1948 г. указывал, что процессуальная правоспособность — это «способность иметь процессуальные права и обязанности»⁹. В итоге в течение 1960-х — начале 1970-х гг. целым рядом ученых понятия процессуальной правоспособности и дееспособности были распространены на всех субъектов процессуальных отношений¹⁰.

А. К. Сергун в статье, посвященной процессуальной правоспособности и правосубъектности, увидевшей свет в 1975 г., обращала внимание,

что позиция, признающая правоспособность за всеми субъектами процессуальных правоотношений, стала в тот период господствующей в науке гражданского процессуального права, однако далеко не единственной¹¹. Так, М. С. Шакарян в монографии, посвященной субъектам процессуального права, а затем в своей докторской диссертации выделила круг субъектов, которые наделены компетенцией (суд, прокурор, органы государственного управления, все органы и лица, защищающие в процессе чужой интерес) и к которым, по ее мнению, вследствие этого неприменимо понятие процессуальной правоспособности¹². Однако в рассматриваемый период М. С. Шакарян придерживалась позиции о том, что понятие процессуальной правоспособности распространяется на лиц, содействующих осуществлению правосудия¹³.

Более того, в науке гражданского процессуального права впоследствии в некоторой мере произошел возврат к старой позиции¹⁴, хотя

⁶ Сергун А. К. Процессуальная правоспособность и правосубъектность (в литературе и в ГПК) // Труды ВЮЗИ. М., 1975. Т. 38. С. 72–102.

⁷ Например: Нефедьев Е. А. Указ. соч. С. 137; Яблочков Т. М. Учебник русского гражданского судопроизводства. Изд. 2-е, доп. Ярославль, 1912. С. 60; Васильковский Е. В. Курс гражданского процесса. М., 1913. С. 577; Клейнман А. Ф. Советский гражданский процесс: учебник. М., 1938. С. 20; Гурвич М. А. Указ. соч. С. 75; Юдельсон К. С. Советский гражданский процесс. М., 1956. С. 59–60.

⁸ Сергун А. К. Указ. соч. С. 73.

⁹ Абрамов С. Н. Гражданский процесс. М., 1948. С. 86.

¹⁰ Чечот Д. М. Участники гражданского процесса // Избранные труды по гражданскому процессу. СПб., 2005. С. 102–103; Зейдер Н. Б. Гражданские процессуальные правоотношения. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1965. С. 46–47; Советское гражданское процессуальное право: учебник / В. П. Воложанин, А. Ф. Козлов, К. И. Комиссаров [и др.]; под общ. ред. К. С. Юдельсона. М.: Юрид. лит., 1965. С. 66–67 (автор главы — А. Ф. Козлов); Викут М. А. Проблема правового регулирования процессуального положения и деятельности сторон в советском гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1971. С. 7–8; Якубов С. А. Субъекты советского гражданского процессуального права. Ташкент, 1973. С. 126.

¹¹ Сергун А. К. Указ. соч. С. 73–74.

¹² Шакарян М. С. Субъекты советского гражданского процессуального права. С. 337.

¹³ Шакарян М. С. Субъекты советского гражданского процессуального правоотношения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук // Избранные труды. СПб., 2014. С. 590.

¹⁴ Сергун А. К. Указ. соч. С. 96–102; Козлов А. Ф. Суд первой инстанции как субъект советского гражданского процессуального права. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. С. 51; Гражданское процессуальное право / под ред. М. С. Шакарян. С. 76–77; Туманов Д. А., Алехина С. А. К вопросу о правовом характере спора и правоспособности как предпосылках права на предъявление иска // Журнал российского права. 2009. № 12. С. 95–105; Алехина С. А. К вопросу о правоспособности публично-правовых образований в административном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 5. С. 3–10; Гражданское

некоторые ученые продолжают рассматривать гражданскую процессуальную правоспособность и дееспособность как свойство всех субъектов процессуальных отношений¹⁵, что вызывает возражения.

Во-первых, если обратиться к проблеме применения понятий процессуальной правоспособности и дееспособности к лицам, содействующим осуществлению правосудия, то обнаруживается, что возникновение этих свойств для каждого из них обусловлено различными обстоятельствами. Например, возникновение процессуальной правоспособности и дееспособности эксперта связывается с моментом приобретения им необходимых специальных знаний¹⁶. Однако следует учитывать, что конкретное лицо может обладать специальными знаниями лишь в определенной области науки (например, психиатрии), техники, искусства или ремесла. Гражданская процессуальная правоспособность и дееспособность переводчика определяется знанием языка¹⁷. Что касается процессуальной правоспособности судебного представителя, то, по мнению Т. В. Сахновой, она «обусловлена наличием материально-правовой дееспособности»¹⁸. А возникновение процессуальной правоспособности и дееспособ-

ности представителя связано с достижением совершеннолетия¹⁹.

Для вызова лица в качестве свидетеля закон не устанавливает каких-либо возрастных ограничений. Поэтому в литературе указывается, что свидетель становится носителем процессуальной правоспособности и дееспособности с момента приобретения способности правильно воспринимать события и давать о них показания²⁰. Однако именно от усмотрения суда будет зависеть признание гражданина процессуально правоспособным и дееспособным свидетелем в зависимости от обстоятельств конкретного гражданского дела и личности гражданина (возраста и степени развития его психики)²¹.

Как справедливо отмечала А. К. Сергун, взамен единого понятия гражданской процессуальной правоспособности предлагается ряд ее видов, что приводит к конструированию множества правоспособностей. Это связано с тем, что невозможно определить ее содержание общим для всех субъектов образом²². Аллой Константиновой был сделан очень важный и не потерявший своей актуальности вывод о том, что дробление правоспособности по числу участников процесса разрушает понятие правоспособности как общей предпосылки правообладания²³.

процессуальное право : учебник: в 2 т. / под ред. П. В. Крашенинникова. М. : Статут, 2020. Т. 1 : Общая часть. С. 107 (автор главы — Н. А. Громошина).

¹⁵ Например: Гусев В. Г. Гражданская процессуальная правоспособность : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1996 ; Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. М. : Юрист, 2004. С. 65–77 ; Гражданское процессуальное право России : курс для специалистов, магистрантов и аспирантов / С. Ф. Афанасьев [и др.] ; под ред. С. Ф. Афанасьева. М. : Юрайт, 2013. С. 176–177 (авторы главы — М. А. Викин и С. Ф. Афанасьев) ; Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2014. С. 197–203 ; Самсонов Н. В. К вопросу о понятии и видах гражданской процессуальной правоспособности // Современное право. 2018. № 1. С. 81–85.

¹⁶ Советское гражданское процессуальное право : учебник. С. 66–68 ; Мельников А. А. Правовое положение личности в гражданском процессе. М., 1969. С. 48 ; Гражданский процесс России : учебник / под ред. М. А. Викин. М. : Юрист, 2004. С. 56.

¹⁷ Мельников А. А. Указ. соч. С. 49.

¹⁸ Сахнова Т. В. Указ. соч. С. 198.

¹⁹ Гражданский процесс России. С. 56 ; Сергун А. К. Указ. соч. С. 80.

²⁰ Козлов А. Ф. Указ. соч. С. 103 ; Мельников А. А. Указ. соч. С. 48.

²¹ Козлов А. Ф. Указ. соч. С. 103 ; Мельников А. А. Указ. соч. С. 48 ; Гусев В. Г. Указ. соч. С. 75 ; Гражданский процесс России. С. 56.

²² В современной доктрине Т. В. Сахнова пришла к выводу о том, что процессуальная правоспособность «не одинакова для всех участников процесса» (Сахнова Т. В. Указ. соч. С. 198).

²³ Сергун А. К. Указ. соч. С. 80.

Неслучайно в современной доктрине была высказана точка зрения о необходимости разделения гражданской процессуальной правоспособности на общую, которая распространяется на лиц, имеющих материально-правовой интерес к исходу дела, и специальную правоспособность, которой обладают лица, содействующие осуществлению правосудия, в том числе судебный представитель, а также прокурор и лица, обращающиеся в суд в защиту чужих интересов²⁴. Однако в итоге ученые, придерживающиеся указанной позиции, вынуждены подразделять специальную процессуальную правоспособность на процессуальную правоспособность эксперта, процессуальную правоспособность прокурора и т.д.

Вывод А. К. Сергун о разрушении единого понятия процессуальной правоспособности можно применить и к процессуальной дееспособности. Нетрудно заметить, что правила ст. 37 ГПК РФ, регулирующие процессуальную дееспособность, неприменимы к лицам, содействующим осуществлению правосудия. Отнесение понятия процессуальной дееспособности не только к лицам, участвующим в деле и имеющим к его исходу личный интерес, но и другим субъектам процессуальных отношений неизбежно приводит к необходимости конструирования множества процессуальных дееспособностей, при этом никакой практической необходимости в этом нет. Лица, содействующие осуществлению правосудия, обязаны лично совершать процессуальные действия. Достаточно сложно представить положения статей процессуального закона, которые могли бы определять содержание, например, процессу-

альной дееспособности свидетеля, переводчика, эксперта.

Обратимся также к вопросу о том, следует ли распространять понятия процессуальной правоспособности и дееспособности на суд. Т. В. Сахнова отмечает, что «природа правоспособности суда иная, чем у других участников процесса: она обусловлена его функцией органа государственной власти на осуществление правосудия»²⁵. Среди ученых, которые относят понятия процессуальной правоспособности и дееспособности к суду, нет единства мнений об их содержании. По мнению М. А. Вилкут и С. Ф. Афанасьева, процессуальная правоспособность суда включает в себя ряд аспектов, среди которых: «дело подлежит разрешению с соблюдением правил подсудности; судья не вправе рассматривать дело при наличии оснований для отвода»²⁶. Однако из приведенных положений следует, что, например, в случае рассмотрения судом дела с нарушением правил подсудности дело рассматривалось процессуально неправоспособным судом²⁷. Следует также отметить, что ряд ученых включают деятельность суда в надлежащем составе в содержание процессуальной дееспособности суда²⁸, что явно противоречит ст. 37 ГПК РФ.

Как справедливо указывала М. С. Шакарян, полномочия по разрешению гражданских дел «переданы государством суду как своему органу по осуществлению правосудия». Таким образом, остается актуальным вывод Марии Сумбатовны о том, что совокупность прав и обязанностей суда, в том числе процессуальных, составляет не абстрактную возможность правообладания, а его компетенцию²⁹.

²⁴ Сахнова Т. В. Указ. соч. С. 198, 203 ; Самсонов Н. В. Указ. соч.

²⁵ Сахнова Т. В. Указ. соч. С. 203.

²⁶ Гражданское процессуальное право России : курс для специалистов, магистрантов и аспирантов / С. Ф. Афанасьев [и др.] ; под ред. С. Ф. Афанасьева. М. : Юрайт, 2013. С. 176 (авторы главы М. А. Вилкут и С. Ф. Афанасьев).

²⁷ Однако процессуальные последствия рассмотрения дела с нарушением правил подсудности совершенно иные (см.: п. 56 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // СПС «КонсультантПлюс»).

²⁸ Зейдер Н. Б. Указ. соч. С. 46 ; Гусев В. Г. Указ. соч. С. 75.

²⁹ Шакарян М. С. Субъекты советского гражданского процессуального права. С. 337.

3. Согласно ст. 36 ГПК РФ 2002 г. процессуальная правоспособность признается в равной мере за всеми гражданами и организациями, обладающими по законодательству РФ правом на судебную защиту прав, свобод и законных интересов. Следует согласиться с мнением С. А. Алёхиной, что сама редакция закона позволяет сделать вывод о том, что качество процессуальной правоспособности «свойственно не всем лицам, участвующим в деле, а только тем из них, у которых имеется личный интерес к исходу дела»³⁰.

Важно отметить, что М. С. Шакарян изменила свою точку зрения по вопросу о том, на кого из участников гражданских процессуальных отношений следует распространять понятие гражданской процессуальной правоспособности. После принятия ГПК РФ 2002 г. Мария Сумбатовна не изменила своего подхода к определению понятия процессуальной правоспособности как возможности иметь процессуальные права и нести процессуальные обязанности³¹, но отстаивала позицию о том, что законодатель имеет в виду лишь возможность участия граждан и организаций в процессе в качестве сторон и третьих лиц, а также заявителей и заинтересованных лиц³².

Как еще задолго до принятия ГПК РФ 2002 г. отмечала А. К. Сергун, право на судебную защиту смогло получить выражение в категории правоспособности в силу того, что оно дает возможность его носителю вступить в процесс, в процессуальные правоотношения и в этом смысле имеет значение предпосылки право-

отношений, как и правоспособность. Алла Константиновна указывала, что в силу предоставления права на судебную защиту его носитель может занять в процессе не одно, а разные процессуальные положения: он может быть истцом, ответчиком, третьим лицом с самостоятельными требованиями, третьим лицом без самостоятельных требований, — правоспособность по своей природе может вместить в себя не одну, а ряд правовых возможностей. Наконец, право на судебную защиту предоставляется всем лицам независимо от их дееспособности, осуществлять же его и действовать в процессе могут только дееспособные лица³³. Таким образом, именно в отношении лиц, участвующих в деле и имеющих в его исходе личный интерес, есть необходимость применения понятий процессуальной правоспособности и дееспособности. Следует поддержать высказанное А. К. Сергун мнение, что свидетели, эксперты, переводчики могут стать участниками процесса не в силу гражданской процессуальной правоспособности, а в силу лежащей на всех гражданах обязанности подчиняться распоряжениям органов власти³⁴.

4. М. С. Шакарян уделяла значительное внимание исследованию не только понятия процессуальной правоспособности, но и процессуальной дееспособности. В данной статье остановимся лишь на одном важном аспекте, а именно на проблеме обеспечения защиты прав граждан, признанных судом недееспособными. Как указывала М. С. Шакарян, «право недееспособных лиц на обращение в суд и воз-

³⁰ Алехина С. А. К вопросу о правоспособности публично-правовых образований в административном судопроизводстве. С. 3–4.

³¹ ГПК РСФСР 1964 г. содержал определение процессуальной правоспособности как способности иметь гражданские процессуальные права и обязанности. М. С. Шакарян отмечала неточность указанного определения, так как «оно может создать представление, будто речь идет о врожденной способности» (Шакарян М. С. Субъекты советского гражданского процессуального права. С. 318–319).

³² Гражданское процессуальное право / под ред. М. С. Шакарян. С. 76–77 ; Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. / С. А. Алехина, А. Т. Боннер, В. В. Блажеев [и др.] ; отв. ред. М. С. Шакарян. М. : ТК Велби, Проспект, 2007. С. 100 (автор главы — М. С. Шакарян).

³³ Сергун А. К. Указ. соч. С. 97–98.

³⁴ Сергун А. К. Указ. соч. С. 101.

возможность быть сторонами и третьими лицами следует обеспечить рядом процессуальных гарантий»³⁵.

Так, вполне возможна ситуация, что гражданин, признанный недееспособным, самостоятельно обратится в суд с исковым заявлением, что по общему правилу влечет возвращение судом заявления (п. 3 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ)³⁶. Если факт подачи заявления недееспособным лицом будет обнаружен судом после возбуждения дела, такое заявление должно быть оставлено судом без рассмотрения (абз. 3 ст. 222 ГПК РФ).

М. С. Шакарян предложила предоставить суду право и «даже обязывать его принимать заявления недееспособных лиц с последующим решением всех возникающих в таком случае вопросов (привлечение представителя, проверка и оценка всех его действий, возбуждение вопроса о назначении представителя органом опеки и др.)»³⁷. Мария Сумбатовна указывала, что иск недееспособного лица может быть оставлен судом без рассмотрения, только «если его требование не поддержано законным представителем, привлеченным к участию в деле

по инициативе суда, и суд признает действия представителя правильными, соответствующими интересам представляемого»³⁸. По нашему мнению, указанные предложения М. С. Шакарян не утратили своей актуальности и остается лишь выразить сожаление, что они до сих не учтены законодателем.

Следует обратить внимание на важные изменения гражданского процессуального законодательства³⁹, которые произошли под влиянием правовых позиций ЕСПЧ⁴⁰ и Конституционного Суда РФ⁴¹ и направлены на обеспечение защиты прав и законных интересов недееспособных граждан. Согласно действующему процессуальному законодательству недееспособный гражданин вправе лично или через выбранных им представителей подать заявление о восстановлении дееспособности. Гражданам, в отношении которых вынесено решение о признании недееспособными, предоставлено право обжаловать такое решение в вышестоящие судебные инстанции⁴². В связи с принятием постановления КС РФ от 27.02.2009 № 4-П и внесением перечисленных изменений в ГПК РФ А. В. Юдин

³⁵ Шакарян М. С. Субъекты советского гражданского процессуального правоотношения. С. 592.

³⁶ В соответствии с п. 8 ч. 2 ст. 129 ГПК РСФСР 1964 г. подача недееспособным лицом искового заявления влекла за собой отказ в принятии заявления, хотя отказ в принятии заявления по этому основанию не препятствовал вторичному обращению в суд с заявлением по тому же делу, если будет устранено допущенное нарушение.

³⁷ Шакарян М. С. Субъекты советского гражданского процессуального права. С. 356.

³⁸ Шакарян М. С. Субъекты советского гражданского процессуального права. С. 354.

³⁹ Федеральный закон от 06.04.2011 № 67-ФЗ «О внесении изменений в Закон РФ “О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании” и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2040.

⁴⁰ Постановление ЕСПЧ от 27.03.2008 «Дело “Штукатуров (Shtukaturov) против Российской Федерации”» (жалоба № 44009/05) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.02.2009 № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 379.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и части четвертой статьи 28 Закона Российской Федерации “О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании” в связи с жалобами граждан Ю. К. Гудковой, П. В. Штукатурова и М. А. Яшиной» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴² В литературе критикуется подход законодателя, в соответствии с которым право гражданина на обжалование решения о признании его недееспособным в кассационном и надзорном порядке поставлено под условие, а именно, если суд первой инстанции не предоставил этому гражданину возможность изложить свою позицию лично либо через выбранных им представителей (см.: Юдин А. В. Новое понимание категории «гражданская процессуальная недееспособность» и дело Штукатурова // Цивилист. 2012. № 1).

подчеркнул «необходимость нового понимания такого состояния, как отсутствие гражданской процессуальной дееспособности»⁴³.

Часть 5 ст. 37 ГПК РФ была дополнена указанием на право суда привлечь к участию в деле самих недееспособных граждан. А. В. Юдин отмечает неопределенность такой формулировки и обращает внимание на «отсутствие оснований, при которых суд должен был бы осуществить такое привлечение»⁴⁴. Возникает вопрос о том, для каких целей законодатель предоставляет суду право привлекать недееспособных граждан к личному участию в деле, в котором его права и законные интересы защищаются законным представителем. По нашему мнению, это возможно для получения объяснений по делу такого гражданина, если недееспособный гражданин по состоянию здоровья способен их дать⁴⁵, или в случае, когда сам недееспособный гражданин обращается к суду с просьбой предоставить ему возможность высказать свою позицию по делу⁴⁶.

С. Ф. Афанасьев указывает, что имеются и иные случаи, требующие «присутствия у материально недееспособных субъектов гражданской процессуальной дееспособности»⁴⁷. Уче-

ный приводит в качестве примеров в том числе «злоупотребление опекуном предоставленными правами либо его нежелание осуществлять возложенную на него обязанность по защите прав и законных интересов». Представляется, однако, что предоставление гражданам, признанным судом недееспособными, большего объема процессуальной дееспособности не позволит решить обозначенные С. Ф. Афанасьевым проблемы, ведь такие граждане по объективным причинам в подавляющем числе случаев не способны сами защищать свои права в суде. Здесь исключительно важна активная роль суда, который вправе, например, привлечь к участию в деле представителя органа опеки и попечительства. В связи со сказанным заслуживает поддержки предложение С. С. Казихановой о том, что в процессуальном законодательстве необходимо предусмотреть еще один случай назначения судом адвоката по ст. 50 ГПК РФ — «противоречие интересов законных представителей и представляемых, когда замена законного представителя невозможна или затруднительна, а дальнейшее промедление рассмотрения дела не способствует надлежащей защите прав и законных интересов представляемого»⁴⁸.

⁴³ Юдин А. В. Указ. соч.

⁴⁴ Юдин А. В. Указ. соч.

⁴⁵ В литературе С. В. Лучиной уже достаточно давно была высказана точка зрения, что по любым делам, связанным с защитой прав и интересов недееспособных граждан, необходимо вызывать в судебное заседание граждан, признанных недееспособными, если это возможно по состоянию их здоровья, но при этом следует учитывать, что от имени данного недееспособного лица в процессе может выступать только его законный представитель (Лучина С. В. Взаимодействие субъектов, обладающих тождественными материально-правовыми интересами в гражданском процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. С. 140–141).

⁴⁶ При этом по делам о признании гражданина дееспособным привлечение к личному участию в деле такого гражданина является обязательным (ч. 3 ст. 286, ч. 1 ст. 284, абз. 2 ч. 3 ст. 167 ГПК РФ).

⁴⁷ Афанасьев С. Ф. О некоторых аспектах права на судебную защиту недееспособных и ограниченно дееспособных лиц // Вестник гражданского процесса. 2014. № 5.

⁴⁸ Ионова Д. Ю., Казиханова С. С. Актуальные проблемы судебной защиты прав несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 8 (автор второго раздела — С. С. Казиханова).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абрамов С. Н.* Гражданский процесс. — М., 1948. — 483 с.
2. *Алехина С. А.* К вопросу о правоспособности публично-правовых образований в административном судопроизводстве // *Законы России: опыт, анализ, практика.* — 2016. — № 5. — С. 3–10.
3. *Афанасьев С. Ф.* О некоторых аспектах права на судебную защиту недееспособных и ограниченно дееспособных лиц // *Вестник гражданского процесса.* — 2014. — № 5. — С. 67–83.
4. *Васьковский Е. В.* Курс гражданского процесса : Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. — М. : Статут, 2016. — 624 с.
5. *Гражданское процессуальное право России : курс для специалистов, магистрантов и аспирантов / С. Ф. Афанасьев [и др.] ; под ред. С. Ф. Афанасьева.* — М. : Юрайт, 2013. — 879 с.
6. *Гражданское процессуальное право : учебник: в 2 т. / под ред. П. В. Крашенинникова.* Т. 1 : Общая часть. — М. : Статут, 2020. — 489 с.
7. *Гражданский процесс России : учебник / под ред. М. А. Викин.* — М., 2004. — 459 с.
8. *Гурвич М. А.* Право на иск // *Избранные труды.* Т. 1. — Краснодар, 2006. — 672 с.
9. *Гусев В. Г.* Гражданская процессуальная правоспособность : дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 1996. — 161 с.
10. *Зейдер Н. Б.* Гражданские процессуальные правоотношения. — Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1965. — 74 с.
11. *Ионова Д. Ю., Казиханова С. С.* Актуальные проблемы судебной защиты прав несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет // *Законы России: опыт, анализ, практика.* — 2021. — № 8. — С. 42–48.
12. *Мельников А. А.* Правовое положение личности в гражданском процессе. — М., 1969. — 247 с.
13. *Лучина С. В.* Взаимодействие субъектов, обладающих тождественными материально-правовыми интересами в гражданском процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград. — 2001. — 215 с.
14. *Нефедьев Е. А.* Учебник русского гражданского судопроизводства (издание третье 1900 г.). — Краснодар. — 2005. — 480 с.
15. *Осокина Г. Л.* Гражданский процесс. Общая часть. — М. : Юрист, 2004. — 669 с.
16. *Самсонов Н. В.* К вопросу о понятии и видах гражданской процессуальной правоспособности // *Современное право.* — 2018. — № 1. — С. 81–85.
17. *Сахнова Т. В.* Курс гражданского процесса. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2014. — 784 с.
18. *Сергун А. К.* Процессуальная правоспособность и правосубъектность (в литературе и в ГПК) // *Труды ВЮЗИ.* Т. 38. — М., 1975. — С. 72–102.
19. *Советское гражданское процессуальное право : учебник / В. П. Воложанин, А. Ф. Козлов, К. И. Комиссаров [и др.] ; под общ. ред. К. С. Юдельсона.* — М. : Юрид. лит., 1965.
20. *Туманов Д. А., Алехина С. А.* К вопросу о правовом характере спора и правоспособности как предпосылок права на предъявление иска // *Журнал российского права.* — 2009. — № 12. — С. 95–105.
21. *Шакарян М. С.* Субъекты советского гражданского процессуального правоотношения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1972. — 41 с.
22. *Шакарян М. С.* Субъекты советского гражданского процессуального права (1970) // *Избранные труды.* — СПб., 2014. — 880 с.
23. *Юдин А. В.* Новое понимание категории «гражданская процессуальная недееспособность» и дело Штукатурова // *Гражданский процесс.* — 2012. — № 1. — С. 108–113.

Материал поступил в редакцию 1 ноября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Abramov S. N. Grazhdanskiy protsess. — M., 1948. — 483 s.
2. Alekhina S. A. K voprosu o pravospособnosti publichno-pravovykh obrazovaniy v administrativnom sudoproizvodstve // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2016. — № 5. — S. 3–10.
3. Afanasev S. F. O nekotorykh aspektakh prava na sudebnuyu zashchitu nedeеспособnykh i ogranichenno deеспособnykh lits // Vestnik grazhdanskogo protsessa. — 2014. — № 5. — S. 67–83.
4. Vaskovskiy E. V. Kurs grazhdanskogo protsessa: Subekty i obekty protsessa, protsessualnye otnosheniya i deystviya. — M.: Statut, 2016. — 624 s.
5. Grazhdanskoe protsessualnoe pravo Rossii: kurs dlya spetsialistov, magistrantov i aspirantov / S. F. Afanasev [i dr.]; pod red. S. F. Afanaseva. — M.: Yurayt, 2013. — 879 s.
6. Grazhdanskoe protsessualnoe pravo: uchebnik: v 2 t. / pod red. P. V. Krashennnikova. T. 1: Obshchaya chast. — M.: Statut, 2020. — 489 s.
7. Grazhdanskiy protsess Rossii: uchebnik / pod red. M. A. Vikut. — M., 2004. — 459 s.
8. Gurvich M. A. Pravo na isk // Izbrannye trudy. T. 1. — Krasnodar, 2006. — 672 s.
9. Gusev V. G. Grazhdanskaya protsessualnaya pravospособnost: dis. ... kand. yurid. nauk. — Saratov, 1996. — 161 s.
10. Zeyder N. B. Grazhdanskie protsessualnye pravootnosheniya. — Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1965. — 74 s.
11. Ionova D. Yu., Kazikhanova S. S. Aktualnye problemy sudebnoy zashchity prav nesovershennoletnikh, ne dostigshikh chetyrnadtsati let // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2021. — № 8. — S. 42–48.
12. Melnikov A. A. Pravovoe polozhenie lichnosti v grazhdanskom protsesse. — M., 1969. — 247 s.
13. Luchina S. V. Vzaimodeystvie subektov, obladayushchikh tozhdestvennymi materialno-pravovymi interesami v grazhdanskom protsesse: dis. ... kand. yurid. nauk. Volgograd. — 2001. — 215 s.
14. Nefedev E. A. Uchebnik russkogo grazhdanskogo sudoproizvodstva (izdanie trete 1900 g.). — Krasnodar. — 2005. — 480 s.
15. Osokina G. L. Grazhdanskiy protsess. Obshchaya chast. — M.: Yurist, 2004. — 669 s.
16. Samsonov N. V. K voprosu o ponyatii i vidakh grazhdanskoy protsessualnoy pravospособnosti // Sovremennoe pravo. — 2018. — № 1. — S. 81–85.
17. Sakhnova T. V. Kurs grazhdanskogo protsessa. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Statut, 2014. — 784 s.
18. Sergun A. K. Protsessualnaya pravospособnost i pravosubektnost (v literature i v GPK) // Trudy VYuZI. T. 38. — M., 1975. — S. 72–102.
19. Sovetskoe grazhdanskoe protsessualnoe pravo: uchebnik / V. P. Volozhanin, A. F. Kozlov, K. I. Komissarov [i dr.]; pod obshch. red. K. S. Yudel'sona. — M.: Yurid. lit., 1965.
20. Tumanov D. A., Alekhina S. A. K voprosu o pravovom kharaktere spora i pravospособnosti kak predposylkakh prava na predyavlenie iska // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2009. — № 12. — S. 95–105.
21. Shakaryan M. S. Subekty sovetskogo grazhdanskogo protsessualnogo pravootnosheniya: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 1972. — 41 s.
22. Shakaryan M. S. Subekty sovetskogo grazhdanskogo protsessualnogo prava (1970) // Izbrannye trudy. — SPb., 2014. — 880 s.
23. Yudin A. V. Novoe ponimanie kategorii «grazhdanskaya protsessualnaya nedeеспособnost» i delo Shtukaturova // Tsivilist. — 2012. — № 1. — S. 108–113.

Отношения, складывающиеся в третейском разбирательстве, и предмет гражданского процессуального права

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о том, входят ли отношения, складывающиеся в третейском разбирательстве, в предмет гражданского процессуального права; приводятся позиции ученых и обосновывающие их аргументы. Выводится критерий для объединения общественных отношений в предмете гражданского процессуального права. В качестве такого критерия указывается объективная социальная потребность, или интерес, в правовом регулировании тех или иных общественных отношений в единой системе процессуальных гарантий (в гражданской процессуальной форме), учитывающей природу этих отношений и обеспечивающей в максимальной степени реальную защиту прав и охраняемых законом интересов лиц. Делается вывод, что правовое регулирование общественных отношений, складывающихся с третейским судом, призвано удовлетворить потребность в качественно ином порядке разрешения гражданских дел, отличном от правосудия, и эти отношения объективно имеют непроцессуальную природу и в предмет гражданского процессуального права не входят. В подтверждение приводится то обстоятельство, что в третейском разбирательстве имеет место отказ от базовых для гражданского процессуального права процессуальных гарантий.

Ключевые слова: третейское разбирательство (арбитраж); принципы гражданского процессуального права; принципы третейского разбирательства; гражданская процессуальная форма; гарантии правосудия; третейский суд; отрасль права; предмет отрасли права; предмет гражданского процессуального права; гражданские процессуальные правоотношения.

Для цитирования: Казиханова С. С. Отношения, складывающиеся в третейском разбирательстве, и предмет гражданского процессуального права // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 2. — С. 46–53. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.046-053.

Relations Developing in Arbitration Proceedings and the Subject of Civil Procedure Law

Svetlana S. Kazikhanova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil and Administrative Procedure, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Associate Professor. Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities, National Research University «Moscow Institute of Electronic Technology»
Kallisto1@narod.ru

© Казиханова С. С., 2024

* Казиханова Светлана Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент Института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Kallisto1@narod.ru

Abstract. The paper examines the question of whether relations developing in arbitration proceedings are included in the subject of civil procedure law. The author describes the positions of researchers and the arguments justifying them. In the paper, the author derives a criterion for the unification of public relations under the subject of civil procedure law. As such a criterion the paper defines an objective social need or interest in the legal regulation of certain public relations in a unified system of procedural safeguards (in a civil procedural form), taking into account the nature of these relations and ensuring to the maximum extent the real protection of the rights and legally protected interests of persons. It is concluded that the legal regulation of public relations developing with the arbitral tribunal is designed to satisfy the need for a qualitatively different procedure for resolving civil cases as compared with the system of justice. These relations objectively are non-procedural in their nature and are not included in the subject matter of law of civil procedure. In confirmation, the fact is given that in arbitration proceedings there is a rejection regarding procedural guarantees that are fundamental for civil procedure law.

Keywords: arbitration; principles of civil procedural law; principles of arbitration; civil procedural form; guarantees of justice; arbitration court; branch of law; subject matter of branch of law; subject matter of civil procedural law; civil procedural legal relations.

Cite as: Kazikhanova SS. Relations Developing in Arbitration Proceedings and the Subject of Civil Procedure Law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(2):46-53. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.046-053.

Вопросы предмета и системы гражданского процессуального права входили в сферу научных интересов М. С. Шакарян. Ее взгляд на предмет гражданского процессуального права и на предложения по его расширению нашел отражение как в научных¹, так и в учебных изданиях². М. С. Шакарян являлась автором главы, посвященной третейскому разбирательству, в учебнике советского периода³. Заложенные ученым подходы до сих пор не утратили своей актуальности и могут быть положены в основу исследования вопросов предмета отрасли гражданского процессуального права.

Как известно, у каждой отрасли права есть свой предмет, который связан, но не совпадает с предметами регулирования других отраслей и которым определяется ее самостоятельность⁴.

В предмете отрасли права не могут объединяться общественные отношения, нуждающиеся в качественно различном правовом регулировании⁵. В современных публикациях по теории права отмечается, что «самые сложные, дискуссионные аспекты проблемы системы права до сих пор напрямую связаны с распределением всей совокупности юридических норм по отраслям»⁶. Для науки гражданского процессуального права дискуссионным является вопрос об отраслевой принадлежности норм, регулирующих отношения в связи с рассмотрением гражданско-правовых споров третейскими судами⁷. Этот вопрос имеет важное теоретическое и практическое значение.

Особую актуальность он приобрел в связи с реформой третейского разбирательства и уста-

¹ Шакарян М. С. Предмет и система советского гражданского процесса // Избранные труды. СПб. : Изд. дом Р. Асланова «Юридический центр», 2014. С. 35–38.

² Гражданское процессуальное право : учебник / под ред. М. С. Шакарян. М. : Проспект, 2004. С. 7–32.

³ Советский гражданский процесс / под ред. М. С. Шакарян. М., 1985.

⁴ Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. М. : Юридическая литература, 1981. Т. 1. С. 244–245.

⁵ На отрицательные последствия ошибочного объединения в предмете отрасли права общественных отношений, требующих различного правового регулирования, неоднократно указывалось в литературе.

⁶ Система права: история, современность, перспективы : монография / отв. ред. Т. Н. Радько. М. : Проспект, 2020. С. 171.

⁷ Несудебные формы защиты права, такие как нотариат и третейское разбирательство, обычно включаются в предмет науки гражданского процессуального права наряду с одноименной отраслью права и практикой его применения (см.: Гражданское процессуальное право России : учебник для вузов / под ред. С. Ф. Афанасьева. М. : Юрайт, 2013. С. 55).

новлением разрешительного порядка создания в России постоянно действующих арбитражных учреждений⁸ (ПДАУ). В результате количество третейских судов сократилось с нескольких тысяч до четырех ПДАУ (в настоящее время их семь)⁹, из них только три — общего профиля¹⁰.

В научных обсуждениях ставились вопросы о том, не следует ли вовсе унифицировать правила рассмотрения споров для этих трех ПДАУ и, соответственно, по какому пути должна идти такая унификация. А. А. Иванов подверг критике то, что нередко третейские суды действуют как государственные суды и границы между ними размываются¹¹. Для оценки различных путей совершенствования законодательства об арбитраже необходимо разобраться, регулируются ли (или должны ли регулироваться) данные отношения гражданским процессуальным правом.

В науке сложились различные подходы к тому, в предмет какой отрасли права следует включать отношения в арбитраже. Ряд авторов (С. А. Курочкин, Г. Л. Осокина, М. Э. Морозов, М. Г. Шилов) считают, что эти отношения явля-

ются частью предмета гражданского процессуального права. По существу, эту точку зрения впервые выразил Н. Б. Зейдер, объединив в предмете одной правовой отрасли общественные отношения по разрешению споров и защите права как с судебными, так и с различными несудебными органами и организациями¹².

Однако эта позиция не была поддержана большинством ученых. В частности, М. С. Шакарян, основным возражением против теории единого процессуального права называла недопустимость объединения в единой отрасли права норм без учета различий в субъектном составе и содержании общественных отношений, которые они регулируют¹³.

В современной учебной литературе отношения, складывающиеся в третейском разбирательстве, в предмет гражданского процессуального права включает Г. Л. Осокина. По ее мнению, главным критерием для этого служит природа (характер) применимых норм материального права. При этом характер правоприменительного органа принципиального значения не имеет¹⁴.

⁸ В пояснительной записке к проекту федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» указывалось, что действовавшее законодательство об арбитраже приводило на практике к многочисленным злоупотреблениям с использованием третейских судов и, как следствие, к дискредитации данного института. Третейские суды зачастую выступали средствами для мошенничества и кражи собственности.

⁹ На сайте Минюста России указана информация о семи постоянно действующих арбитражных учреждениях: URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/deponirovannye-pravila-arbitrazha/#section-1779> (дата обращения: 01.11.2023).

¹⁰ В цикле обсуждений, посвященных реформе третейских судов «Третейские суды: реформа или уничтожение?», А. А. Иванов в беседе с управляющим партнером коллегии адвокатов «Муранов, Черняков и партнеры» назвал эту модель «МКАС плюс» и обозначил главную цель этой реформы — вытеснить другие третейские суды. А. Муранов подчеркнул, что существует олигополия в сфере третейского разбирательства, триумvirат трех постоянно действующих арбитражных учреждений: Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, Арбитражный центр при Российском союзе промышленников и предпринимателей и Российский арбитражный центр при Российском институте современного арбитража. См.: Блог А. Иванова. URL: https://zakon.ru/blog/2020/6/3/tretejskie_sudy_reforma_ili_unichtozhenie_predely_arbitrabelnosti_sporov_sistema_stimulirovaniya_per (дата обращения: 01.11.2023).

¹¹ Блог А. Иванова.

¹² Зейдер Н. Б. Предмет и система советского гражданского процессуального права // Правоведение. 1962. № 3. С. 69–72.

¹³ Шакарян М. С. Предмет и система советского гражданского процесса. С. 36–37.

Эта же позиция представлена автором в учебнике «Гражданское процессуальное право» 2004 г.

В научной литературе аргументы в пользу такого подхода приводятся в работах С. А. Курочкина. Он отмечает, что предмет гражданского процессуального права (гражданский процесс) не имеет качественной специфики по сравнению с предметом правового регулирования третейского процессуального права (третейским процессом), в котором имеется большое количество заимствованных норм и институтов, аналогичных по содержанию соответствующим нормам гражданского процессуального права¹⁵. Эта же позиция встречается в диссертации А. И. Зайцева «Третейское судопроизводство России (проблемные аспекты)» 2004 г. Автор также обращает внимание на общность основных признаков функционирования, нормативных актов, процессуальных институтов, основ, целей и порядка деятельности, а также процессуальных принципов¹⁶.

Как видим, разные авторы учитывают различные критерии, позволяющие им сделать вывод о том, что отношения в третейском разбирательстве входят в предмет отрасли гражданского процессуального права. При этом для обоснования этого вывода зачастую приводятся сходства отдельных норм (институтов), регулирующих эти отношения. Безусловно, общие черты будут присутствовать, поскольку и в арбитраже, и при отправлении правосудия осуществляется защита гражданских прав, и правила этих порядков могут в какой-то мере совпадать (хотя одинаковое наименование тех или иных явлений не всегда предполагает одно и то же содержание). Однако в правовом регулировании этих отношений существуют и различия, и почему на их основании нельзя сделать противоположный вывод, остается неясным.

Вообще, нормативно-правовое регулирование вторично. Сначала определяется круг общественных отношений, нуждающихся в правовом регулировании, а потом уже решается вопрос о том, каким оно должно быть. Правовое регули-

рование определяется природой общественных отношений, целями вступления в них участников, существующими в обществе потребностями в том или ином благе в этих отношениях, а также существующими на данном этапе социально-экономического и политического развития представлениями о единых началах, на которых это регулирование должно строиться. При этом возможны ошибочные решения законодателя, когда ввиду неверных представлений об отраслевой принадлежности общественные отношения могут регулироваться неадекватно потребностям общества. И тогда их правовое регулирование необходимо изменять путем отказа от таких сходств.

В научных работах не было предложено какого-то единого критерия, позволяющего сделать логичный вывод о том, какие отношения входят в предмет отрасли гражданского процессуального права. А предложенные критерии, наоборот, позволяют объединять в нем общественные отношения, которые регулируются с существенными различиями. В связи с этим необходимо определиться, в чем же заключается специфика гражданских процессуальных правоотношений, какие отношения, складывающиеся в связи с защитой права, могут быть к ним отнесены, т.е. составлять предмет соответствующей отрасли права.

Общественная потребность в суде как органе, окончательно разрешающем правовой спор, породила необходимость такого регулирования отношений, возникающих в процессе этой деятельности, которое в наибольшей степени гарантировало бы реальную защиту права. Разрешение судами дел происходит в особой системе гарантий, именуемой процессуальной формой. Сущность процессуальной формы точно отражена в работах советского времени, где убедительно критиковались попытки ее размытия и искажения ее сущности. Так, возражая против теории единой «юридической процес-

¹⁴ Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. М. : Юристъ, 2006. С. 16–22.

¹⁵ Курочкин С. А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика. М. : Волтерс Клувер, 2007. С. 104.

¹⁶ Зайцев А. И. Третейское судопроизводство России (проблемные аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 8.

судальной формы», А. К. Сергун и М. С. Шакарян подчеркивали, что сущность процессуальной формы правосудия заключается именно в системе гарантий, прежде всего установленных Конституцией¹⁷.

Следует согласиться с Д. А. Тумановым в том, что единственно верный подход к процессуальной форме — как к системе базовых правил осуществления правосудия, которые появились как результат развития права и учета в нем прав человека в качестве обязательного (основополагающего) компонента и представляют собой особую систему гарантий, всецело направленных на обеспечение безопасности от произвола со стороны как суда, так и любых других лиц, установление действительных обстоятельств дела и реальную (максимально качественную) защиту различных прав и интересов¹⁸.

Общественная потребность в наиболее качественной защите права, которая будет иметь окончательный характер, потребовала снабдить регулирование отношений в судопроизводстве максимальным числом процессуальных гарантий. Единственным органом, принципы организации и деятельности которого подробно определены законом, встроенным в эту систему гарантий и одновременно обеспечивающим их, является суд. Поэтому в предмете гражданского процессуального права изначально были отношения: а) с судом; б) по поводу осуществления правосудия, т.е. рассмотрения и разрешения гражданских дел в особой системе гарантий (гражданской процессуальной форме). В этом и проявляется специфика отраслеобразующих гражданских процессуальных правоотношений.

На современном этапе не все отношения с судом по разрешению гражданских дел вхо-

дят в предмет гражданского процессуального права ввиду отсутствия в их регулировании базовых процессуальных гарантий (гражданской процессуальной формы). Отметим, что в нашем представлении процессуальную природу могут иметь отношения, складывающиеся и без участия суда. Можно привести в пример отношения, возникающие при принудительном исполнении актов юрисдикционных органов (в том числе и несудебных). Обосновывая их выделение из предмета гражданского процессуального права, в науке в качестве главного аргумента приводят то, что эти правоотношения возникают в основном не с судом, а с органом исполнительной власти (судебным приставом-исполнителем). А значит, регулироваться нормами гражданского процессуального права они не могут. Однако А. К. Сергун в своих работах убедительно показала, что действительное значение для этого вопроса имеет только то, в распространении на них какого юридического режима заинтересовано общество. Ведь исключение этих отношений из предмета отрасли гражданского процессуального права означает, по существу, отказ от системы гарантий, которая в ней заложена¹⁹.

На самом деле в предмете отрасли права могут быть объединены даже неоднородные общественные отношения. В основе такого объединения лежит интерес в их качественно единообразном правовом регулировании, построенном на базовых началах этой отрасли. Для гражданского процессуального права это объективная социальная потребность или интерес в правовом регулировании тех или иных общественных отношений в единой системе процессуальных гарантий (в гражданской процес-

¹⁷ Сергун А. К., Шакарян М. С. К вопросу о теории так называемой «юридической процессуальной формы» // Труды ВЮЗИ. Проблемы соотношения материального и процессуального права. М., 1980. С. 61–86.

¹⁸ В современной науке гражданскую процессуальную форму исследует Д. А. Туманов. Отраженный в статье подход отстаивается ученым в диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук «Защита общественных интересов в гражданском судопроизводстве». На момент написания статьи диссертация прошла обсуждение на кафедре процессуального права ВАВТ Минэкономразвития РФ и была рекомендована к защите.

¹⁹ Сергун А. К. Проблемы исполнительного производства в советском гражданском процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1980. С. 8–14.

суальной форме), учитывающей природу этих отношений и обеспечивающей в максимальной степени реальную защиту прав и охраняемых законом интересов лиц. Среди базовых правил осуществления правосудия, или гарантий гражданской процессуальной формы, ведущая роль отводится системе принципов. Именно принципы выступают хорошим индикатором (своего рода лакмусовой бумажкой), как метко подметил Д. А. Туманов, допустимости включения отношений в предмет одной отрасли права²⁰.

Правоотношения, складывающиеся в третейском разбирательстве, имеют сходства с гражданскими процессуальными правоотношениями (в частности, в отдельных правилах рассмотрения, а также принципах). Между тем третейское разбирательство всегда рассматривалось как альтернативная судебной форме защиты права (общественная форма). Значит, и отношения, возникающие в арбитраже, должны регулироваться альтернативно, отлично. По существу, это происходит за счет отказа от целого ряда гарантий гражданской процессуальной формы. Такой отказ согласуется с интересами участников этих отношений и рассматривается как преимущества арбитража по сравнению с правосудием.

В частности, одной из гарантий судебной формы защиты, проявлением принципов законности и объективной (судебной) истины является широкая возможность обжалования судебных актов (прежде всего окончательных) как не соответствующих требованиям законности и обоснованности. Запрет их обжалования недопустим как противоречащий сложившимся в обществе в результате развития права представлениям о правосудии. Отказ от права обжаловать судебный акт недействителен. В то же время возможность оспаривания решений тре-

тейских судов существенно ограничена, а может быть и вовсе исключена, если стороны своим прямым соглашением предусмотрели, что арбитражное решение является для них окончательным (ст. 40 Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»). Отмена решения третейского суда возможна только по тому исчерпывающему перечню оснований, который приведен в ГПК РФ и АПК РФ. Все эти основания не связаны с его проверкой по существу. При этом вышеуказанное ограничение рассматривается как одно из преимуществ арбитража, проявление оперативности в разрешении спора. Ведь обжалование вынесенного решения приводит к затягиванию процесса.

В арбитраже не действует принцип гласности. В соответствии со ст. 21 Федерального закона № 382-ФЗ, если стороны не договорились об ином или иное не предусмотрено федеральным законом, арбитраж является конфиденциальным, а слушание дела проводится в закрытом заседании. В гражданском и арбитражном процессе это, наоборот, является исключением. Гласность является важнейшей гарантией независимости судей, законности, обеспечивает общественный контроль за деятельностью суда и участников процесса²¹. Однако в арбитраже отказ от открытых заседаний может в большей степени отвечать интересам сторон, не желающих огласки своего правового конфликта.

Привлекательность третейского разбирательства зачастую аргументируется гораздо меньшей, чем в гражданском и арбитражном процессах, формализованностью процедуры. Детальная регламентация порядка рассмотрения дела и правило о том, что в процессе «разрешено то, что разрешено законом», являются существенной чертой гражданской процессуаль-

²⁰ Туманов Д. А. Заметка о предмете гражданского процессуального права (местами весьма злая) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 8. С. 26.

²¹ Следует отметить негативную тенденцию к частичному отказу от принципа гласности в тех отношениях, которые входят в предмет гражданского процессуального права. В упрощенном производстве за счет отсутствия судебных заседаний нет возможности общественного контроля за деятельностью суда при рассмотрении дела (она сохраняется только в отношении решений, подлежащих размещению в сети Интернет). Однако в упрощенном производстве действуют другие гарантии процессуальной формы, которых лишено третейское разбирательство.

ной формы. Отказ от детального регулирования отношений в арбитраже, по существу, означает невозможность реализации целого ряда гарантий, лежащих в основе правосудия.

Приведем еще один пример различия в подходах к регулированию процессуальных отношений и отношений, складывающихся в арбитраже. Пункт 43 Арбитражного регламента Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража содержит правило о том, что показания свидетеля могут быть представлены любой стороной в письменной форме. Правда, далее указывается, что состав арбитража по инициативе любой стороны может вызвать свидетеля для дачи показаний в рамках устного слушания. В гражданском и арбитражном процессах такое доказательство было бы недопустимым, поскольку его исследование нарушало бы принцип непосредственности и ставило бы под угрозу принцип объективной истины. Ведь именно устная форма допроса свидетеля дает реальную возможность оценить достоверность такого доказательства.

Приведенные выше положения свидетельствуют о том, что принципы, лежащие в основе гражданского процессуального права, и принципы, регулирующие отношения с третейским судом, существенно различаются. И это представляется верным, поскольку они и не должны совпадать. Еще М. С. Шакарян, критикуя широкий подход к предмету гражданского процессуального права Н. Б. Зейдера, указывала на то, что предлагаемое им объединение невозможно без распространения общих правил граждан-

ского судопроизводства на деятельность всех юрисдикционных органов²². Третейский же суд не связан процессуальными правилами, установленными ГПК²³. Правовое регулирование общественных отношений, складывающихся с третейским судом, призвано удовлетворить общественную потребность в качественно ином порядке разрешения гражданских дел, отличном от правосудия. Следовательно, эти отношения объективно имеют непроцессуальную природу и в предмет гражданского процессуального права не входят.

В заключение хотелось бы отметить, что мы не исключаем возможность того, что отношения в арбитраже когда-нибудь станут предметом гражданского процессуального права. Речь, безусловно, идет не о том, что правовое регулирование разбирательства в третейских судах будет полностью повторять регулирование для государственных судов. В первую очередь имеется в виду усиление гарантий реальной защиты права, уровень которых как минимум не будет уступать тому, что существует в судах. Тогда, действительно, можно будет говорить об осуществлении третейскими судами правосудия. Усиление гарантий подлинной независимости арбитража, безукоризненная репутация арбитров, обладающих безусловным авторитетом в обществе, усиление начал объективной истины (возможно, допущение однократного обжалования арбитражного решения и не обязательно в рамках системы государственных судов) помогут добиться такого эффекта. Однако это вопрос не ближайшего будущего.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. Т. 1. — М., 1981. — 360 с.
2. Гражданское процессуальное право России : учебник для вузов / под ред. С. Ф. Афанасьева. — М., 2013. — 879 с.
3. Гражданское процессуальное право : учебник / под ред. М. С. Шакарян. — М., 2004. — 584 с.
4. Зайцев А. И. Третейское судопроизводство России (проблемные аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2004. — 26 с.

²² Шакарян М. С. Субъекты советского гражданского процессуального права // Избранные труды. СПб. : Изд. дом Р. Асланова «Юридический центр», 2014. С. 311–312.

²³ Советский гражданский процесс / под ред. М. С. Шакарян. С. 484.

5. Зейдер Н. Б. Предмет и система советского гражданского процессуального права // Правоведение. — 1962. — № 3. — С. 69–82.
6. Курочкин С. А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика. — М. : Волтерс Клувер, 2007. — 353 с.
7. Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. — М. : Юрист, 2006. — 669 с.
8. Система права: история, современность, перспективы : монография / отв. ред. Т. Н. Радько. — М. : Проспект, 2020. — 254 с.
9. Сергун А. К. Проблемы исполнительного производства в советском гражданском процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1980. — 34 с.
10. Советский гражданский процесс / под ред. М. С. Шакарян. — М., 1985. — 525 с.
11. Туманов Д. А. Заметка о предмете гражданского процессуального права (местами весьма злая) // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2022. — № 8. — С. 21–29.
12. Шакарян М. С. Избранные труды. — СПб., 2014. — 880 с.

Материал поступил в редакцию 1 ноября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev S. S. Obshchaya teoriya prava: v 2 t. T. 1. — M., 1981. — 360 s.
2. Grazhdanskoe protsessualnoe pravo Rossii: uchebnik dlya vuzov / pod red. S. F. Afanaseva. — M., 2013. — 879 s.
3. Grazhdanskoe protsessualnoe pravo: uchebnik / pod red. M. S. Shakaryan. — M., 2004. — 584 s.
4. Zaytsev A. I. Treteyskoe sudoproizvodstvo Rossii (problemnye aspekty): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Saratov, 2004. — 26 s.
5. Zeyder N. B. Predmet i sistema sovetskogo grazhdanskogo protsessualnogo prava // Pravovedenie. — 1962. — № 3. — S. 69–82.
6. Kurochkin S. A. Treteyskoe razbiratelstvo grazhdanskikh del v Rossiyskoy Federatsii: teoriya i praktika. — M.: Volters Kluver, 2007. — 353 s.
7. Osokina G. L. Grazhdanskiy protsess. Obshchaya chast. — M.: Yurist, 2006. — 669 s.
8. Sistema prava: istoriya, sovremennost, perspektivy: monografiya / отв. ред. Т. Н. Радко. — М.: Проспект, 2020. — 254 s.
9. Sergun A. K. Problemy ispolnitelnogo proizvodstva v sovetskom grazhdanskom protsesse: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 1980. — 34 s.
10. Sovetskiy grazhdanskiy protsess / pod red. M. S. Shakaryan. — M., 1985. — 525 s.
11. Tumanov D. A. Zametka o predmete grazhdanskogo protsessualnogo prava (mestami vesma zlaya) // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2022. — № 8. — S. 21–29.
12. Shakaryan M. S. Izbrannye trudy. — SPb., 2014. — 880 s.

Российское юридическое образование: настоящее и будущее

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы современного российского юридического образования, которое развивалось под эгидой Болонской образовательной системы. С момента введения Болонских правил, которые российские новаторы интерпретировали исключительно в субъективном ключе, отечественное образование не стало лучше. Напротив, все те положительные характеристики, которыми обладало образование в российских пределах, стали постепенно исчезать, стремясь слепо копировать иностранные варианты. В образовании появилось много проблем, обусловленных главным образом отходом от российских культурных ценностей и попыткой замены их зарубежными стандартами. В итоге появились образовательные уровни, которые, по идее, требуют оригинального образовательного подхода. Но такой подход требует насыщенности программного материала одного уровня в ущерб другому, что вряд ли осуществимо, учитывая аналогичную тематику. Подчеркивается, что российские традиции в образовании, их реанимация, в том числе возврат к специалитету, способны вновь поднять образовательный уровень России на должную высоту. В статье кратко прокомментированы усилия российских ученых, главным образом преподавателей ВЮЗИ, на nive повышения образовательного процесса. Поднимается проблема эффективности чтения лекций в условиях упрощенного получения информации. В качестве основного эскиза из этой области дана характеристика работы М. С. Шакарян, предлагавшей определенный алгоритм чтения установочных лекций.

Ключевые слова: проблемы юридического образования; Болонский процесс; отход от российских культурных ценностей и попытка замены их зарубежными стандартами; магистратура и бакалавриат; нострификация; федеральный стандарт юридического образования и компетенции; проблема чтения лекций; эффективность лекционных занятий; реформа юридического образования; возврат к специалитету; методика чтения установочных лекций в работе М. С. Шакарян.

Для цитирования: Мирзоян М. Э. Российское юридическое образование: настоящее и будущее // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 2. — С. 54–62. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.054-062.

Russian Legal Education: The Present and the Future

Maria E. Mirzoyan, Associate Professor, Department of Civil and Administrative Procedure, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
maria1657@yandex.ru

Abstract. The paper examines the issues of modern Russian legal education that developed under the auspices of the Bologna educational system. Since the introduction of the Bologna rules, which Russian innovators interpreted exclusively in a subjective way, domestic education has not improved. On the contrary, all those

© Мирзоян М. Э., 2024

* *Мирзоян Мария Эдвардовна*, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
maria1657@yandex.ru

positive characteristics that education possessed within the Russian borders began to gradually disappear, striving to blindly copy foreign variants. Many problems have appeared in education, mainly due to the departure from Russian cultural values and the attempt to replace them with foreign standards. As a result, educational levels have appeared, which, in theory, require an original educational approach. But such an approach requires saturation of the curriculum material of one level to the detriment of another, which is hardly feasible. It is emphasized that Russian traditions in education, their reanimation, including a return to specialist's degree, are able to raise the educational level of Russia to the proper height again. The paper briefly comments on the efforts of Russian scientists, mainly professors of the Higher School of Economics, in the field of improving the educational process. The problem of the effectiveness of lecturing in conditions of simplified information acquisition is raised. As the main sketch from this area, the author gives a review of the work by Maria S. Shakaryan, who proposed a certain algorithm for reading introductory lectures.

Keywords: problems of legal education; Bologna process; departure from Russian cultural values and an attempt to replace them with foreign standards; master's and bachelor's degrees; nostrification; federal standard of legal education and competence; problem of lecturing; effectiveness of lectures; reform of legal education; return to specialization; methods of reading introductory lectures in the work by M. S. Shakaryan.

Cite as: Mirzoyan ME. Russian Legal Education: The Present and the Future. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(2):54-62. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.054-062.

У каждого из нас в жизни был один учитель, которого мы всегда вспоминаем с особым чувством любви и благодарности.

Таким учителем и в жизни, и в профессии всегда была и остается моя любимая мама — заслуженный юрист РФ, профессор, доктор юридических наук, многие годы заведующий кафедрой гражданского процесса ВЮЗИ — МГЮА — Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Мария Сумбатовна Шакарян.

После ухода человека душа его продолжает свою жизнь в традициях семьи, памяти родственников и друзей, после ухода ученого — еще и в его учениках и трудах.

М. С. Шакарян была выдающимся процессуалистом, ее труды, написанные даже 30–40 лет назад, и сейчас не потеряли свою актуальность и значимость. Но Мария Сумбатовна была еще и великолепным педагогом, наставником, которая придерживалась системы классического юридического образования, ныне испытывающего большие проблемы.

Что же происходит с нашим юридическим образованием в настоящее время? Каков результат перехода на так называемую Болонскую систему и к чему приведет отказ от нее?

Министр науки и высшего образования Российской Федерации В. Фальков в интервью корреспонденту газеты «Коммерсант» заявил по поводу выхода России из Болонской системы, что этот «Болонский» период в пределах нашего образовательного пространства теперь уже пройденный этап. И далее министр отметил: «Будущее за нашей собственной уникальной системой образования, в основе которой должны лежать интересы национальной экономики и максимальное пространство возможностей для каждого студента»¹. Неясно только, зачем тогда было принято решение о введении Болонской системы, если российская система образования отлично зарекомендовала себя не только в пределах России, но и за рубежом!

В Указе Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации»² утверждается необходимость сохранения российской самобытности, культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей и патриотического воспитания граждан, которые будут способствовать дальнейшему развитию демократического устройства Российской Федерации и ее открытости миру. И далее в документе отмечается,

¹ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5367733>.

² СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

что одним из важнейших национальных интересов Российской Федерации является «укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России». Из этого положения стратегии непременно следуют приоритеты, в частности, российского образования — вернуться к тем непреложным российским ценностям, которые определяли наше образование как не просто привлекательное, а фундаментальное. Болонская же система, которой мы вынуждены были поклоняться более 17 лет, ничего хорошего российской системе образования не дала, но всячески способствовала исключению российских ценностей из воспитательно-образовательной системы России. При чем следует заметить, что Болонская система ни в одной стране, за исключением России, не вводилась императивно.

С момента, когда в законодательном порядке в системе высшего образования были внедрены магистратура и бакалавриат, многие решили, что изменение этой системы принесет огромную пользу не только в пределах России, но и в зарубежных странах, где наши дипломы будут максимально признаны. Сторонники внедрения Болонской системы надеялись на приближение нашего образования к практике и привитие нашим студентам навыков профессионалов, как требует западный стандарт. В итоге вместо уборщицы появился клинер, вместо продавца — мерчендайзер, вместо приказчика — менеджер и т.д. Но знаний не прибавилось. Однако заметно убавилась, если не исчезла совсем, отлично зарекомендовавшая себя российская уникальная особенность, сопутствующая образовательному процессу, — универсальность. Специалисты-юристы, в частности, стали бездумными, что еще хуже — бездуховными, исполнителями предписаний, неспособными продемонстрировать креативность в сложной ситуации, лишенными творческих исканий, потерявшими способность грамотно и, что немаловажно, изящно излагать мысли. И всё это явилось итогом прагматичной направленности системы бакалавриата и уж тем более — магистратуры.

А между тем в Болонской системе нет таких терминов, как магистр и бакалавр. Болонский

акт использует иную терминологию — graduate и undergraduate, что означает степенное и до-степенное образование. Основным принципом Болонской системы является доступность учебных степеней для адекватного понимания, переводимость этих степеней на языки других образовательных систем. А это означает не что иное, как доступность смыслов. Например, филология. В Германии это дисциплина, изучающая древние языки, в России — самое широкое понимание изучения языков. Естественно, что для европейца непонятна направленность обучения и статус специалиста с дипломом филолога российского университета.

Именно доступность смыслов направленности обучения и диплома, в котором фиксируется статус специалиста, является важнейшим свойством «Болонского образования». Российские «новаторы», вводя Болонскую систему в собственной интерпретации, пытались добиться мирового признания российских дипломов. Однако российские специалисты давно были востребованы в зарубежных практиках, а что касается признания дипломов, то и в этом вопросе российские инициаторы «Болонского образования» допустили грубую ошибку. Дело всё в том, что процедура признания образовательных документов иностранных государств, то есть согласие соответствующих органов государственной власти на наличие законной силы этих документов на территории данного государства (нострификация), не происходит автоматически. В разных государствах предусмотрены свои варианты нострификации, но общее — необходимо пройти процедуру, в процессе которой будут выявлены потенциалы лица, желающего, чтобы его диплом был признан. Так, в Германии нострификация может быть осуществлена двумя способами: через вуз, в котором есть та же специальность, что указана в дипломе (и здесь как раз и нужна идентификация смыслов), но с обязательной сдачей недостающих экзаменов или через соответствующие ведомства. При этом дипломы подтверждаются только по регулируемым специальностям (врачи, архитекторы, юристы...), а в случае необходимости подтвердить диплом по нерегулируемой специальности желающие проходят проверку эквивалентности.

Нострификация проводится только в случае, если подан пакет документов, подтверждающих образование и опыт. Таким образом, для признания российского диплома за границей вовсе не обязательны ступени в виде бакалавриата и магистратуры. Главное — наличие документов, свидетельствующих о конкретной специальности, адекватной соответствующим интересам зарубежных нанимателей, и знания, которые проверяются в процессе экзаменов.

Реформа российского образования в варианте субъективно интерпретированного Болонского процесса должна была, по мысли ее создателей, воздвигнуть такую образовательную нишу, благодаря которой образовательный процесс был бы максимально прагматичен посредством его сугубо практической направленности. Министр образования времен введения Болонской системы в систему образования России и пропагандист этой системы А. А. Фурсенко (ныне — советник Президента по вопросам науки и образования) объяснял, что в советское время, которое, напомним, характеризовалось востребованностью российских специалистов за рубежом, вузы готовили творцов, и это обстоятельство следует считать недостатком российской системы образования. По утверждению этого создателя образовательного процесса, надо готовить не творцов, а «квалифицированных потребителей», тех, кто научился использовать технологии, а не разрабатывать свои³.

Специалист, получающий высшее образование, должен быть знатоком в своей профессии, что вовсе не отменяет статуса специалиста как высококультурного человека, обладающего универсальными знаниями. Без такой фундаментальной подготовки, без культурных навыков специалист вряд ли сможет быть мыслящим, претендующим на уважение, ибо, как утверждал Монтень, «добрые нравы и ум предпочтительнее голой учености»⁴, а академик Д. С. Лихачёв говорил, что культура — это

система мыслящего духа, которая оправдывает существование народа перед Богом, а важнейшими культурно-созидающими компонентами являются искусство и образование⁵. Пафосное выражение, но в нем отражено отношение просвещенного человека к системе образования, которое не может игнорировать культурный компонент, компонент универсальности образования учитывая необходимость создания не только узкого специалиста, не выходящего за пределы полученной прагматики, но высокоинтеллектуального гражданина, способного показать себя во всем блеске креативных возможностей.

В результате внедрения Болонской системы образование превратилось не в творческую деятельность, а в услугу, где преподаватель — не творец и создатель, а инструктор, который должен контролировать знания студентов и этим ограничиваться. В результате преподаватель превращается не в создателя креативного продукта, а в обычного контролера, который, по мысли некоторых исследователей, «не будет объяснять тот или иной материал, а будет помогать найти расположение этого материала и понять его»⁶. И это самое страшное, поскольку такого рода тактика — неизбежный путь создания «дивных филистеров».

Оптимизация затронула количество часов, выделяемых на дисциплину. Так, объем лекций по гражданскому процессу значительно уменьшился, а в уголовном праве и вовсе произошло сокращение часов, выделяемых на преподавание дисциплины (особенная часть, которая читалась в течение двух семестров, сократилась до одного). В таких рамках нельзя создать, воспитать высокоинтеллектуального и высокоинтеллектуального профессионала, что является целью университетского образования.

Большое влияние на современное юридическое образование имеет процесс цифровизации. С одной стороны, это естественный

³ Малинецкий Г. Век инженеров // Знание — сила. 2018. № 12. С. 23.

⁴ Монтень. Опыты. М.: Эксмо, 2015. С. 140.

⁵ Цит. по: Емельянов С. А. Русская идея и звуки вечности. СПб.: Алетейя, 2016. С. 98.

⁶ Сафуанов Р. М., Лехмус М. Ю., Колганов Е. А. Цифровизация системы образования // Вестник УГНТУ. Серия «Экономика». 2019. № 2. С. 111.

процесс, связанный с техническим прогрессом, но с другой — он приводит к снижению творческой активности студента, превращая его в искателя информации в Интернете, а также к другим негативным последствиям, о чем автор уже ранее писала⁷.

Несмотря на то что ныне мы, как уведомил общество господин Фальков, отказались от болонской экспансии и теперь нуждаемся в реанимации национальных ценностей, которые в образовательном процессе почитались как абсолютные, реформы образовательного процесса продолжаются с прежней интенсивностью, и эти реформы, как и прежние, ничего позитивного не дают образовательному процессу, но только усложняют его, заставляя преподавателей плодить никому не нужные бумаги. Отказ от Болонской системы не привел в настоящее время к отказу от образовательных ступеней. Бакалавриат и магистратура остались. Они существуют наряду с колледжем и аспирантурой, где так же, как и в рамках студенческих степеней, проводятся занятия. Остались и недоумения по поводу образовательных степеней.

Как известно, бакалавриат является первой ступенью высшего образования, в рамках которой студенты обучаются 4 года. На практике бакалавров оценивают как недоучившихся специалистов и с трудом берут их на работу. Уже этот факт вызывает недоумение — зачем нужен бакалавриат? Недоумение в связи с поставленным вопросом усиливается еще более от того, что преподавателю необходимо сформировать и методику, и тематику образовательного процесса на бакалавриате. Такая методика должна отличаться от методики преподавания той же дисциплины в колледже и в магистратуре. Но как найти это отличие, если, например, тема «Иск» должна одинаково восприниматься любым обучающимся, вне зависимости от степени образования, на которой он постигает нюансы дисциплины. Разве можно тему «Иск» читать как-то усеченно или неполно на бакалавриате и полнее — в магистратуре. Это невозможно,

потому что такая подача материала называется профанацией, совершенно недопустимой в образовательном процессе.

Магистратура предполагает более высокий уровень подготовки, ориентированный главным образом на практику. Однако существующее правило о возможности получения диплома магистра юриспруденции без наличия базового юридического образования, каким является бакалавриат, превращает обучение таких магистров в профанацию, поскольку зачастую, например, бакалавр, имеющий техническое или даже экономическое образование, не знает основ права.

Вместе с тем обучение магистров предполагает серьезную теоретическую подготовку, поскольку они могут претендовать на более высокие должности, а также продолжить обучение в аспирантуре. Но чем тогда должна фундаментально отличаться подготовка магистров от обучения аспирантов, если иметь в виду одну и ту же тематику? Неужели магистрам следует читать материал в каком-то ином формате? Вряд ли это возможно, поскольку такая образовательная структура вновь приобретает качество профанации. Но и это еще не всё. С момента введения Болонской системы и сейчас, несмотря на выход из нее, в рамках учебного процесса стало необходимо постоянно создавать новые программы, которые имеют претенциозное название учебно-методические комплексы, рабочие программы учебной дисциплины (УМК, РПУД). Задолго до введения Болонской системы в каждом вузе разрабатывалась программа по каждой дисциплине, в которой были предусмотрены существенные для образовательного процесса рубрики — тематический план, планы лекционных и семинарско-практических занятий, вопросы для подготовки к промежуточной и государственной аттестации, нормативные материалы и список рекомендованной литературы. В рубрике «План занятий» (лекционных и семинарско-практических) предусматривалась детализация, включающая в себя учебную цель,

⁷ См.: Мирзоян М. Э. Образование в условиях развития цифровых технологий: проблемы и перспективы // Современное юридическое образование: традиции и инновации Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). М. : Норма, 2022. С. 190–197.

т.е. краткое содержание (суть) занятия; вопросы для письменной работы студента и вопросы для обсуждения на семинарском занятии. Этого было достаточно для того, чтобы эффективно выстроить учебный процесс. И действительно, ничего иного было не надо. При такой структуре программы всё было ясно и для студента, и для преподавателя, особенно для начинающего преподавателя, который, благодаря краткой аннотации темы семинара или лекции, мог легко сориентироваться в учебном материале. Однако этого показалось недостаточно, в настоящее время практически ежегодно разрабатываются новые РПУД, перегруженные информацией, необходимой не столько для преподавателей и студентов, сколько для проверяющих, и, главное, никакого значения для повышения эффективности преподавания не имеющие. Многочисленные компетенции, предусмотренные ФГОС бакалавриата, не решают главную задачу в подготовке юриста, а именно: знание права и умение применять правовую норму в конкретной ситуации, будучи при этом высокообразованным культурным специалистом. Так, ФГОС высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 «юриспруденция» (уровень — бакалавриат) предусматривает компетенции разного уровня, включающие в себя 11 универсальных компетенций, 9 общепрофессиональных компетенций. При этом, как указано в данном ФГОС, при определении профессиональных компетенций на основе профессиональных стандартов организация осуществляет выбор профессиональных стандартов, соответствующих профессиональной деятельности выпускников, из реестра профессиональных стандартов (перечня видов профессиональной деятельности), размещенного на специализированном сайте Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации «Профессиональные стандарты». Мало того что нужно распределить эти компетенции, необходимо еще основываться на реестре профессиональных стандартов, в котором разобраться довольно сложно. Но и этого мало. Необходимо еще иметь в виду так называемый паспорт компетенций, объем которого — 248 страниц. Что касается непосредственно компетенций, то они соответствуют тем условиям образовательного

процесса, который всегда достигался или был приоритетом в преподавательской деятельности как до введения Болонского процесса, так и после него. Например, универсальные компетенции: УК-1 — «способен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач», УК-2 — «способен определять круг задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы их решения, исходя из действующих правовых норм, имеющихся ресурсов и ограничений». Или общеобразовательные компетенции: ОПК-1 — «способен анализировать основные закономерности формирования, функционирования и развития права», ОПК-2 — «способен применять нормы материального и процессуального права при решении задач профессиональной деятельности» и т.д. Разве до указания на эти компетенции обучающийся не должен был научиться применять нормы права?

На основе представленного ФГОС составляются программы по каждой дисциплине бакалавриата и магистратуры, причем каждая программа с учетом требований ФГОС составляет не менее 100 страниц. Более того, как я уже отмечала, требования к составлению рабочих программ меняются чуть ли не ежегодно, создавая дополнительную нагрузку на преподавателя.

Надо сказать, что реформы, сотрясающие образование, проводились и ранее, но не так сотрясающе. Например, А. В. Луначарский, нарком просвещения, постоянно затевал новые преобразования: школы-коммуны, педология, эсперанто. Но его идеи не затрагивали преподавателей, у которых было время на творческий труд. Преобразования Луначарского оставляли преподавателя в состоянии здоровой психики, что очень важно для созидательного, а тем более творческого труда. Современные реформы не только крадут драгоценное время творца, не позволяя педагогу творчески разрабатывать свое общение со студентами, но и нарушают психическое равновесие, что способно вывести из строя на долгое время.

Профессор Ю. Е. Винокуров отмечает, что работодатели указывают на такие недостатки современных выпускников вузов, как низкий уро-

вень теоретической подготовки; слабое знание практики правоприменения; неумение готовить юридические документы; косноязычность речи и т.д.⁸ По существу, всё это — пренебрежение культурными традициями российского классического образования в угоду западным стандартам. Поэтому звучащие призывы к реанимации старой российской классики в образовательном процессе являются главной составляющей эффективности образовательного процесса. В данной связи актуальной является ликвидация образовательных уровней и неприменный отказ от совершенно ненужных и излишних программных документов, вынуждающих преподавателя тратить свое драгоценное время на никчемную работу. Вместо всего этого следует вспомнить российский подход к системе образования, в котором сочетались профессионализм (подготовка профессионалов, знающих предмет и разбирающихся в его нюансах) и общекультурное развитие через возможности литературы и искусства проникать в научные изыскания и укреплять их своими бесценными парадигмами.

Следует непременно сказать о том, что вопросы преподавания затрагивали интересы исследователей задолго до «великих Болонских преобразований». Это видно по тем публикациям, которые были посвящены образовательной тематике. Например, сборник научных трудов «Проблемы методики преподавания в заочном юридическом вузе», изданный еще в 2002 г. под эгидой МГЮА. Здесь представлены очень интересные статьи, которые не потеряли актуальности и сейчас. Так, статья Н. П. Кондратенко «Методика организации и планирования самостоятельной работы студента-заочника», в которой автор предлагает конкретные рекомендации, способные повысить эффективность самостоятельной подготовки обучающегося. Предлагаемые рекомендации столь емкие, что вряд ли их способны заменить какие-либо императивные указания министерства. Вместе с тем эти рекомендации предлагаются в дискре-

ционном ключе, а вовсе не как обязательное руководство.

Статья Е. И. Козловой «Методика рецензирования курсовых работ студентов-заочников» предлагает рекомендации главным образом для начинающего преподавателя для проверки письменных работ студентов. Е. И. Козлова делится своим опытом рецензирования курсовых, который может быть обсуждаем, но который не требует беспрекословного следования стереотипам и инструкциям министерских чиновников.

Сейчас много дискуссий по поводу эффективности лекций, которые многие считают устаревшей формой проведения занятий. Высказываются даже мнения об их отмене, учитывая, что современный студент располагает массой возможностей получения необходимой информации из различных источников.

В этой связи хочется вспомнить статью профессора М. С. Шакарян «О методике чтения установочных лекций для студентов-заочников». М. С. Шакарян оценивает лекцию как такой образовательный процесс, который не может заменить учебная литература. Литература стареет. Кроме того, часто авторы учебных материалов переписывают то, что было написано ранее, не утруждая себя задуматься о новациях и оставляя прежние идеи в неизменном виде, без учета существующих преобразований. Лекция исправляет эту некорректность и всё время предлагает новый материал с учетом, разумеется, онтологических истин, которые могут быть преобразованы только в результате конвенций.

М. С. Шакарян совершенно справедливо указывает, что установочная лекция обладает собственной спецификой, требующей особой подготовки преподавателя для того, чтобы довести до студента в полной мере материал, являющийся целью лекционного занятия. На установочные лекции дается гораздо меньше времени, чем на лекции другого уровня, поэтому преподаватель должен быть настолько образован и подготовлен, чтобы дать максимальные

⁸ Винокуров Ю. Е. Модернизация юридического образования — насущная проблема современности // Проблемы модернизации юридического образования : материалы круглого стола 15 февраля 2007 г. М., 2007. С. 3.

знания в отведенное короткое время. И здесь возникает образ преподавателя-инструктора, о котором писали Сафуанов и другие авторы (выше цитировалось их умозаключение). При чтении установочных лекций (впрочем, как и в иных образовательных нишах) необходим не инструктор, который вряд ли сделает что-то позитивное, а знающий и умеющий профессионал, способный на креативную подачу материала.

Акцент М. С. Шакарян на специфике чтения установочных лекций является важнейшей частью ее исследования, которое имеет в виду по большому счету не только «установки», но и все элементы процесса обучения. Установочные лекции специфичны и требуют особой подготовки преподавателя. Но своя специфика есть и в других сегментах преподавательского процесса: семестровые лекции, семинарские, практические занятия и т.д. Поэтому акцент на специфике установочных лекций приобретает более широкое звучание — учет особенностей и других видов занятий. Главное, что явствует из рекомендаций М. С. Шакарян, — необходимость особой подготовки преподавателя. А к этой особой подготовке преподавателя относятся не только его профессиональные знания и навыки, но и общеобразовательный уровень, которым он обязан поделиться с обучающимися и благодаря которому он может достаточно легко ориентироваться в сложных теоретических построениях. В данном контексте необходимо привести всего лишь одну цитату из исследования М. С. Шакарян: «При чтении установочной лекции нельзя не учитывать, что студенты слушают ее по окончании учебно-экзаменационной сессии, а для некоторых из них (нередко — для многих) сессия в это время, к сожалению, еще не закончена. Всё это сказывается на настроении студентов, на восприятии ими лекции. Сказывается также усталость после напряженной сессии. Поэтому лекция должна читаться в доступной форме, эмоционально...»⁹. Доступная форма чтения лекции, эмоциональность — всё это больше присуще актеру, но разве может быть преподаватель без сценических

приемов? И не потому, что весь мир — театр. А потому, что эмоциональность вкупе с образованностью и креативностью способны дать эффект в преподавательском процессе. Простая мысль профессора М. С. Шакарян, но сколько из нее следствий...

Представляется, что эти суждения актуальны для всех видов лекций, и дело, очевидно, в их качестве и личности лектора, поскольку понятно, что без общекультурного уровня невозможна эффективная подача учебного материала и воспитание интеллектуального специалиста. Возможно, следует перейти на подобные установочные лекции для студентов всех форм обучения, сделать их обобщающими, проблемными.

Вопросы повышения эффективности российского юридического образования явились предметом очень интересной научно-методической конференции «Реформа юридического образования: поиск путей развития», состоявшейся 22 декабря 2023 г., организатором которой выступил УрГУ имени В.Ф. Яковлева. Участники конференции делились своим опытом и предлагали весьма интересные подходы к подготовке юристов, многие из которых были известны и до введения Болонской системы. Например, модельные процессы (мут-корты), а по сути — деловые игры; новый курс «Обучение служением», сущность которого составляет обучение в юридических клиниках на основе сотрудничества с социальными партнерами; школы (курсы) на базе соглашений о сотрудничестве с судами, следственными органами, адвокатскими образованиями с целью усиления практической подготовки специалистов; альтернативные форматы проведения государственной итоговой аттестации (демонстрационный экзамен, стартап как ВКР, исследовательский проект).

Многие их высказанных идей уже воплощены в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в частности стартап как ВКР в магистратуре; решение казусов как составная часть государственного экзамена на бакалавриате и специалитете.

Представляется, что возврат к специалитету, изменение подготовки в магистратуре повы-

⁹ Шакарян М. С. О методике чтения установочных лекций для студентов-заочников // Проблемы методики преподавания в заочном юридическом вузе : сборник науч. трудов. М., 2002. С. 23.

сит качество подготовки юристов, о котором говорится в Указе Президента РФ от 12.05.2023 № 343 (ред. от 26.06.2023) «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования»¹⁰.

Закончу словами Патриарха, проявляющего заботу и о качестве российского образования:

«Русское образование вполне может стать образцом, таким же, как русская наука и русская литература. Опора на собственные культурные разработки и на свой способ мышления при учете общемировых тенденций и достижений в науке и технике позволят сохранить суверенитет в XXI веке»¹¹.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Винокуров Ю. Е.* Модернизация юридического образования — насущная проблема современности // Проблемы модернизации юридического образования : материалы круглого стола 15 февраля 2007 г. — М., 2007. — С. 3–5.
2. *Емельянов С. А.* Русская идея и звуки вечности. — СПб. : Алетейя, 2016. — 112 с.
3. История России не ходит по кругу // Российская газета. — 02.11.2017.
4. *Малинецкий Г.* Век инженеров // Знание — сила. — 2018. — № 12. — С. 20–23.
5. *Мирзоян М. Э.* Образование в условиях развития цифровых технологий: проблемы и перспективы // Современное юридическое образование: традиции и инновации Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) : сборник статей. — М. : Норма, 2022. — С. 190–197.
6. *Монтень.* Опыты. — М. : Эксмо, 2015. — 214 с.
7. *Сафуанов Р. М., Лехмус М. Ю., Колганов Е. А.* Цифровизация системы образования // Вестник УГНТУ. Серия «Экономика». — 2019. — № 2. — С. 110–115.
8. *Шакарян М. С.* О методике чтения установочных лекций для студентов-заочников // Проблемы методики преподавания в заочном юридическом вузе : сборник науч. трудов. — М., 2002. — С. 20–25.

Материал поступил в редакцию 30 декабря 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vinokurov Yu. E. Modernizatsiya yuridicheskogo obrazovaniya — nasushchnaya problema sovremennosti // Problemy modernizatsii yuridicheskogo obrazovaniya: materialy kruglogo stola 15 fevralya 2007 g. — M., 2007. — S. 3–5.
2. Emelyanov S. A. Russkaya ideya i zvuki vechnosti. — SPb.: Aleteyya, 2016. — 112 s.
3. Istoriya Rossii ne khodit po krugu // Rossiyskaya gazeta. — 02.11.2017.
4. Malinetskiy G. Vek inzhenerov // Znanie — sila. — 2018. — № 12. — S. 20–23.
5. Mirzoyan M. E. Obrazovanie v usloviyakh razvitiya tsifrovyykh tekhnologiy: problemy i perspektivy // Sovremennoe yuridicheskoe obrazovanie: traditsii i innovatsii Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA): sbornik statey. — M. : Norma, 2022. — S. 190–197.
6. Monten. Opyty. — M. : Eksmo, 2015. — 214 s.
7. Safuanov R. M., Lekhmus M. Yu., Kolganov E. A. Tsifrovizatsiya sistemy obrazovaniya // Vestnik UGNTU. Seriya «Ekonomika». — 2019. — № 2. — S. 110–115.
8. Shakaryan M. S. O metodike chteniya ustanovochnykh lektsiy dlya studentov-zaochnikov // Problemy metodiki prepodavaniya v zaochnom yuridicheskom vuze: sbornik nauch. trudov. — M., 2002. — S. 20–25.

¹⁰ СЗ РФ. 2023. № 20. Ст. 3535.

¹¹ История России не ходит по кругу // Российская газета. 02.11.2017.

Арбитражный суд как субъект процессуального правоотношения

Аннотация. В статье осуществлена попытка проанализировать статус арбитражного суда, вступающего в ходе рассмотрения конкретного дела в процессуальное правоотношение с участниками процесса. Исследование проведено на основе как общетеоретических, так и выработанных наукой гражданского процессуального права подходов к сущности правоотношения и гражданского процессуального правоотношения. С учетом места и роли арбитражного суда в системе органов судебной власти в работе выявляются специфические особенности данного субъекта процессуального правоотношения. Особое значение для характеристики арбитражного суда, по мнению автора, имеет то обстоятельство, что через процессуальное правоотношение арбитражным судом реализуется судебная власть. Статус арбитражного суда как органа судебной власти, в свою очередь, определяет форму осуществления им процессуальной деятельности. Посредством совершения процессуальных действий арбитражным судом осуществляются властные полномочия. Рассмотрен вопрос о компетенции арбитражного суда как о его характеристике, определяющей способность стать субъектом процессуального правоотношения и одновременно выступающей основанием его вступления в процессуальное правоотношение. Проанализированы правовые институты, в результате применения которых при рассмотрении конкретного дела взаимные процессуальные права и обязанности приобретают два арбитражных суда.

Ключевые слова: гражданское процессуальное правоотношение; арбитражный суд; процессуальное правоотношение, возникающее в ходе рассмотрения дела арбитражным судом; субъект гражданского процессуального правоотношения; компетенция суда; судебная власть; властные полномочия суда; содержание гражданского процессуального правоотношения; процессуальные права и обязанности арбитражного суда; должностные лица арбитражного суда.

Для цитирования: Носенко М. С. Арбитражный суд как субъект процессуального правоотношения // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 2. — С. 63–71. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.063-071.

The Arbitrazh Court as a Subject of a Procedural Legal Relationship

Marina S. Nosenko, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Chairman of the Arbitration Court of the Republic of North Ossetia — Alania, Candidate of Law, Associate Professor
marinnko@mail.ru

Abstract. The author makes an attempt to analyze the status of an arbitrazh court that enters into a procedural legal relationship with the participants during consideration of a particular case. The study was conducted on the basis of both general theoretical approaches and approaches developed by the science of civil procedure

© Носенко М. С., 2024

* Носенко Марина Сергеевна, Председатель Арбитражного суда Республики Северная Осетия — Алания, кандидат юридических наук, доцент
Свободы пл., д. 5, г. Владикавказ, Россия, 262040
marinnko@mail.ru

law to the essence of legal relations and civil procedural legal relations. Taking into account the place and role of the arbitrazh court in the system of judicial authorities, the work identifies specific features of this subject of procedural legal relations. In the author's opinion, the fact that judicial power is exercised by the arbitrazh court through a procedural legal relationship is of particular importance for the characterization of the arbitrazh court. The status of the arbitrazh court as a judicial authority, in turn, determines the form of its procedural activity. Through the performance of procedural actions, the arbitrazh tribunal exercises its powers. The question of the competence of the arbitrazh court is considered as its characteristic, which determines the ability to become a subject of a procedural legal relationship and, at the same time, to act as the basis for its entry into a procedural legal relationship. The author analyzed legal institutions, as a result of which, when considering a particular case, two arbitrazh courts acquire mutual procedural rights and obligations.

Keywords: civil procedural legal relationship; arbitrazh court; procedural legal relationship arising during the consideration of a case by an arbitrazh court; subject of civil procedural legal relationship; competence of the court; judicial authority; powers of the court; content of civil procedural legal relationship; procedural rights and obligations of the arbitrazh court; officials of the arbitrazh court.

Cite as: Nosenko MS. The Arbitrazh Court as a Subject of a Procedural Legal Relationship. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(2):63-71. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.063-071.

Оправным моментом для выбора темы настоящего исследования послужило, с одной стороны, стремление отдать дань уважения своему учителю, одному из виднейших ученых-процессуалистов, внесшему существенный вклад в исследование правового статуса субъектов гражданского процессуального права России. С другой — осознание актуальности исследования правоотношений, возникающих в ходе разрешения арбитражными судами экономических споров, и правового положения арбитражного суда, который, вступая в правоотношения с конкретными лицами по поводу разрешения имеющегося между ними спора, реализует властные полномочия от имени государства, участвуя в реализации судебной власти в Российской Федерации.

Обращает на себя внимание и малоизученность проблематики процессуальных правоотношений, складывающихся с участием арбитражного суда. Даже в учебной литературе данному вопросу не уделяется достаточного внимания, причем и теми авторами, которые обосновывают самостоятельность арбитражного процессуального права по отношению к гражданскому процессуальному праву.

Не задаваясь целью в рамках работы вступить в дискуссию о самостоятельности арби-

тражного процессуального права как отрасли права, полагаем возможным в рассуждении о сущности процессуального правоотношения, возникающего в ходе разрешения экономического спора, исходить из единства природы процессуальных отношений, складывающихся при рассмотрении гражданских дел (в широком смысле понимания) как судами общей юрисдикции, так и арбитражными судами. Имеющиеся на современном этапе развития процессуального законодательства процессуальные особенности рассмотрения гражданских споров в арбитражных судах обусловлены скорее техническими возможностями, которые созданы для арбитражных судов, а также спецификой субъектного состава спора (участники экономических отношений) и сферой применения гражданско-правовых норм (экономическая и предпринимательская деятельность). Признание арбитражного судопроизводства в качестве самостоятельного вида судопроизводства в Российской Федерации посредством указания в ст. 118 Конституции РФ не влечет изменения природы правоотношения, складывающегося в ходе рассмотрения экономических споров арбитражными судами, а самое главное — изменения предмета и метода правового регулирования этих правовых отношений¹.

¹ Автор полностью поддерживает позицию и аргументацию С. С. Казихановой о том, что «отношения, складывающиеся в арбитражном и гражданском процессе, входят в предмет одной отрасли права»

За основу исследования сущности процессуальных правоотношений, складывающихся с участием арбитражных судов при рассмотрении отнесенных к их компетенции дел, должны быть взяты как общетеоретические, так и выработанные наукой гражданского процессуального права подходы к сущности правоотношения и гражданского процессуального правоотношения.

Аксиоматичными представляются следующие утверждения о характерных чертах правоотношения: возникновение и существование правоотношений основано на нормах права; субъектами правоотношений выступают конкретные лица; содержание правоотношений составляют взаимные права и обязанности (юридическое содержание) и взаимное поведение их участников (материальное содержание), которое находит в правоотношении свое юридическое закрепление; правоотношения «обеспечены силой государственного принуждения»².

Правоотношение как сложное правовое явление состоит из нескольких элементов, к которым относят: субъектов правоотношения, объект и содержание.

Правоотношение возникает между субъектами, наделенными возможностью владеть правом (правоспособность), а также способными осуществлять эти права (дееспособность). Для возникновения правоотношения необходимы нормы права, которые наделяют его субъектов правами и обязанностями, а также юридические факты, влекущие возникновение правоотношения. Для гражданского процессуального правоотношения такими фактами выступают процессуальные действия, регламентированные законом. Спецификой гражданского процессуального правоотношения является многообразие процессуальных действий, имеющих по своей сути значение юридических фактов, а также значительное число субъектов, с которыми суд вступает в процессуальное правоотношение при рассмотрении одного спора.

Специфику гражданских процессуальных правоотношений определяют «только им присущие признаки»: гражданские процессуальные правоотношения складываются между судом и участниками процесса в ходе рассмотрения конкретного дела; без суда гражданское процессуальное правоотношение невозможно, он является его обязательным субъектом; гражданские процессуальные правоотношения — это отношения неравных субъектов, в этих отношениях суд как орган власти реализует властные полномочия; гражданские процессуальные правоотношения возникают только в связи с рассмотрением и разрешением судом конкретного дела; гражданские процессуальные правоотношения могут существовать только в правовой форме; данные отношения находятся в постоянном движении и взаимосвязи, сменяют друг друга (возникновение одного обусловлено существованием другого); правоотношения в судопроизводстве служат механизмом осуществления правосудия и средством реализации норм гражданского процессуального права³.

Вряд ли могут быть найдены возражения распространить перечисленные признаки на процессуальные правоотношения между арбитражным судом и участниками процесса. Полагаем, что названные признаки присущи им в полной мере.

С учетом сказанного применительно к изучению такого субъекта процессуального правоотношения, как арбитражный суд, обоснованными являются следующие утверждения: урегулированные нормами АПК РФ правовые отношения возникают между арбитражным судом и участниками процесса по поводу разрешения конкретного экономического спора. Арбитражный суд является обязательным субъектом этих правоотношений, наделенным властными полномочиями, что порождает неравенство субъектов правоотношения.

(Казиханова С. С. Входит ли отношения, складывающиеся при рассмотрении дел арбитражными судами, в предмет гражданского процессуального права (в продолжение одной научной дискуссии) // Вестник гражданского процесса. 2022. Т. 12. № 4. С. 313–340).

² См.: Курс советского гражданского процессуального права. М., 1981. Т. 1. С. 186.

³ Курс советского гражданского процессуального права. С. 187.

Основой вступления арбитражного суда в процессуальное правоотношение по поводу разрешения конкретного дела является наделение его властными полномочиями по осуществлению правосудия. Осуществление правосудия арбитражными судами происходит путем разрешения экономических споров и рассмотрения иных дел, отнесенных к их компетенции законом⁴. Арбитражное судопроизводство (процесс) урегулировано нормами АПК РФ⁵ и представляет собой форму (способ⁶) реализации правосудия. Правоотношение с участием арбитражного суда возникает из юридически значимого действия. Формализация процесса предопределяет утверждение конкретного перечня действий, совершение которых влечет за собой возникновения процессуального правоотношения с участием арбитражного суда. Сами процессуальные действия рассматриваются в качестве материального содержания правоотношения.

Характеристика арбитражного суда как субъекта процессуального правоотношения не может состояться без учета его специфики, места, роли в системе органов судебной власти, а равно без учета предназначения судебной власти в нашем государстве. Ибо арбитражные суды, являясь частью судебной системы Российской Федерации, выполняют в рамках закрепленной за ними компетенции функции судебной власти. Общеизвестно, что одной из основных функций судебной власти является осуществление право-

судия. Как верно подчеркнула Н. А. Громошина, «в цивилистическом процессе осуществляется правосудие и судебная власть»⁷.

Осуществление правосудия возможно только в рамках процессуального правоотношения. Суд становится участником правоотношения, складывающегося по поводу разрешения конкретного спора (урегулирования правового конфликта). Вне зависимости от вида судопроизводства процессуальное правоотношение всегда характеризуется императивным началом в регулировании процессуальной деятельности его участников, так как оно возникает с судом как органом власти. В научной литературе подчеркивается, что «в специальной процессуальной форме, установленной рамками правил, составляющих систему гражданского процессуального права», осуществляется деятельность суда как властного органа всегда⁸.

Роль суда как главного субъекта процессуальной деятельности точно подмечена Г. А. Жилиным. По мнению ученого, «осуществление судом властных полномочий делает возможным возникновение и развитие гражданских процессуальных правоотношений»⁹.

Через процессуальное правоотношение арбитражным судом реализуется судебная власть. Статус арбитражного суда как органа судебной власти, в свою очередь, определяет форму осуществления им процессуальной деятельности. Арбитражное судопроизводство, как, впрочем,

⁴ Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «Об арбитражных судах в Российской Федерации». Ст. 4 // СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1589.

⁵ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023, с изм. от 22.06.2023) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

⁶ Так, Г. А. Жилин считает, что «гражданское судопроизводство — это процессуальная форма правосудия по гражданским делам и средство осуществления судебной власти, единственным носителем которой является суд» (Жилин Г. А. Суд первой инстанции в гражданском процессе : учеб.-практ. пособие. М., 2001. С. 5). М. Ш. Пацация определяет судопроизводство в качестве категории, показывающей способ реализации правосудия, и в то же время полагает, что «судопроизводство — это процессуальная форма, фиксирующая ход и исход реализации исключительного полномочия судебной власти» (Пацация М. Ш. К вопросу о понятии «процессуальная деятельность арбитражного суда» // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. № 5. 2006 / под ред. д-ра юрид. наук В. В. Яркова. СПб., 2007. С. 26).

⁷ См.: Громошина Н. А. Дифференциация, унификация и упрощение в гражданском судопроизводстве : монография. М. : Проспект, 2010. С. 107.

⁸ Гражданский процесс : учебник / под ред. В. А. Мусина, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота. М., 1998. С. 54.

⁹ Жилин Г. А. Указ. соч. С. 5.

и другие виды судопроизводства, названные в ст. 118 Конституции РФ, строится на принципе независимости суда и подчинения его только закону. Данный принцип является продолжением независимости судебной власти от законодательной и исполнительной ветвей власти. Гарантии независимости арбитражного суда обеспечены императивным регламентированием возможных процессуальных действий субъектов правоотношений, которые складываются в ходе разрешения конкретного спора арбитражным судом.

Властный характер правоотношений с участием арбитражных судов по поводу разрешения ими экономических споров позволяет отнести их к так называемым судебно-властным отношениям, которые по предложенному Н. Ф. Колоколовым определению представляют собой общественные отношения, возникающие в процессе реализации судами в установленных законом случаях и в установленной законом форме государственной власти при разрешении конфликтов, возникающих в процессе взаимодействия между субъектами права¹⁰.

Таким образом, арбитражным судом как субъектом процессуального правоотношения посредством совершения процессуальных действий осуществляются властные полномочия.

В настоящее время в науке гражданского процессуального права не оспаривается утверждение М. С. Шакарян о том, что «правовое положение суда не может быть сведено к правоспособности. <...> При характеристике суда как субъекта гражданского процессуального права мы исходим из того, что закон устанавливает определенный круг процессуальных прав и обязанностей суда, составляющих его компетенцию, для осуществления которых суд совершает соответствующие процессуальные действия»¹¹.

При этом под компетенцией суда понимаются полномочия по разрешению конкретных дел, переданных государством суду как своему органу по осуществлению правосудия. В рамках этих полномочий суд наделяется полным объемом прав и обязанностей, осуществляемых в каждом конкретном случае (по делу) в зависимости от конкретных обстоятельств¹².

В АПК РФ понятие «компетенция» применяется для определения критериев отнесения дел к ведению арбитражных судов (гл. 4)¹³. Понятие «компетенция суда» как основание его участия в процессуальном правоотношении и понятие «компетенция суда», регламентированное в гл. 4 АПК РФ, не тождественны, но, как нам представляется, взаимосвязаны. Эта взаимосвязь проявляется в том, что при определении правового статуса арбитражного суда как участника процессуального правоотношения должен учитываться круг дел, правосудие по которым им может быть осуществлено. По сути, арбитражный суд наделен полномочиями на осуществление правосудия по правовым конфликтам только в определенной сфере отношений. То есть правосудие арбитражным судом может быть реализовано через процессуальные правоотношения, возникшие по спору в сфере предпринимательской или экономической деятельности.

Иную позицию о соотношении этих двух понятий высказала Е. А. Трещева. Автор, ссылаясь на высказывания М. С. Шакарян, ограничила понятие «компетенция суда» только конкретными правами и обязанностями, «которыми закон наделяет субъектов арбитражных процессуальных правоотношений, в частности арбитражный суд как обязательный субъект таких отношений»¹⁴.

Следует признать, что арбитражный суд может стать субъектом процессуального право-

¹⁰ Колоколов Н. А. Судебная власть как общеправовой феномен. М. : Юрист, 2007.

¹¹ Шакарян М. С. Субъекты советского гражданского процессуального права. М., 1970. С. 3, 7.

¹² Шакарян М. С. Указ. соч. С. 4.

¹³ В ГПК РФ круг дел, отнесенных к ведению конкретного суда, определяется понятием «подсудность» (гл. 3), в АПК РФ применены понятия «компетенция» (гл. 4, ст. 27–33) и «подсудность» (ст. 34–39).

¹⁴ Трещева Е. А. Компетенция арбитражного суда первой инстанции как обязательного субъекта арбитражных процессуальных правоотношений // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2006. № 5 / под ред. В. В. Яркова. СПб., 2007. С. 101–106.

отношения и в случае предъявления исковых заявлений по требованиям, не отнесенным к его компетенции. Такая ситуация образуется, например, когда суд производит замену ненадлежащего ответчика на надлежащего, которым является гражданин. Кроме того, арбитражные суды рассматривают требования вне рамок своей компетенции в случаях, когда гражданин лишается возможности реализовать право на судебную защиту в суде общей юрисдикции в связи с отказом в принятии его искового заявления как неподведомственного. В настоящее время суды общей юрисдикции передают в арбитражные суды споры по правилам передачи неподсудных суду дел (ч. 2.1 ст. 33 ГПК РФ¹⁵). Арбитражный суд вынужден рассмотреть по существу спор, ошибочно переданный ему на рассмотрение из суда общей юрисдикции, споры между судами недопустимы. С аналогичными проблемами при рассмотрении гражданских дел сталкиваются и суды общей юрисдикции. Если в примере с заменой ненадлежащего ответчика арбитражный суд, не разрешив спор по существу, правосудие не осуществит, то в других приведенных примерах арбитражными судами осуществляется правосудие вне пределов их компетенции, определенной главой 4 АПК РФ.

Несмотря на указанные исключения, всё же полагаем, что компетенция арбитражного суда — это его полномочие на рассмотрение по существу (т.е. осуществление правосудия) именно тех дел, которые отнесены к его ведению. Именно по этим делам арбитражный суд наделен полным объемом процессуальных прав и обязанностей.

Таким образом, компетенция арбитражного суда составляет его характеристику, определяю-

щую способность стать субъектом процессуального правоотношения, одновременно является основанием его вступления в процессуальное правоотношение. Юридическое содержание правоотношения составляют права и обязанности его субъектов, реализуемые в рамках этого правоотношения.

В науке вопрос о содержании гражданского процессуального правоотношения был дискуссионным. М. А. Гурвич полагал, что содержание правоотношений составляет право на одностороннее волеизъявление¹⁶, суд несет обязанности перед государством¹⁷.

В дальнейшем М. С. Шакарян убедительно аргументировала вывод о том, что суд несет обязанности перед лицами, участвующими в деле. Эта позиция была воспринята в теории гражданского процесса большинством авторов. Так, А. А. Добровольский указывал: «Требования суда обязательны для других участников процесса, определена и мера дозволенного поведения для суда»¹⁸.

М. С. Шакарян утверждала также, что суд обладает процессуальными правами и обязанностями и в отношении вышестоящих судов¹⁹. «Между нижестоящими и вышестоящими судебными органами возникают процессуальные правоотношения как главные и административно-правовые как второстепенные»²⁰. Это утверждение было воспринято критически. В частности, анализируя арбитражное процессуальное законодательство, Е. А. Трещева указывает, что «процессуальный закон в своих нормах, определяющих права и обязанности суда (его компетенцию), не содержит правил, в соответствии с которыми, например, суд первой инстанции имеет какие-либо права по отноше-

¹⁵ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 24.06.2023, с изм. от 20.07.2023) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

¹⁶ См.: Гурвич М. А. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия // Труды ВЮЗИ. М., 1965. Т. 3. С. 65–68.

¹⁷ См.: Гурвич М. А. К вопросу о предмете науки советского гражданского процесса // Ученые записки ВЮОН. Вып. 4. М., 1955. С. 54–57.

¹⁸ Курс советского гражданского процессуального права. С. 237.

¹⁹ Шакарян М. С. Указ. соч. С. 7–8.

²⁰ Шакарян М. С. Указ. соч. С. 8.

нию к вышестоящему суду либо несет перед этим судом какие-либо обязанности»²¹. В действительности примеров норм, содержащих права и обязанности суда первой инстанции по отношению к суду какой-либо вышестоящей инстанции (апелляционной, кассационной, надзорной) нет ни в АПК РФ, ни в ГПК РФ. Вряд ли обязанность направить дело с поступившей жалобой в суд апелляционной или кассационной инстанции возникает по отношению к вышестоящему суду (ч. 2 ст. 257, ч. 2 ст. 275 АПК РФ, ст. 325, ч. 1 ст. 377 ГПК РФ). Эта обязанность противопоставляется праву лица на судебную защиту и оспаривание судебного акта.

Как представляется, вопрос о субъектах процессуального правоотношения возникает в случае направления арбитражным судом, рассматривающим дело, судебного поручения (ст. 73 АПК РФ), а также в случае реализации стороной права участвовать в судебном заседании посредством видео-конференц-связи (ст. 153.1 АПК РФ). Так, в соответствии с ч. 1, 3 ст. 73 АПК РФ арбитражный суд, рассматривающий дело, в случае невозможности получения доказательств, находящихся на территории другого субъекта Российской Федерации, вправе поручить соответствующему арбитражному суду произвести отдельные процессуальные действия. Определение о судебном поручении обязательно для арбитражного суда, которому дано поручение. В соответствии с ч. 2, 3 ст. 152.1 АПК РФ в случае удовлетворения ходатайства об участии в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи арбитражный суд, рассматривающий дело, поручает соответствующему арбитражному суду, при содействии которого заявитель сможет участвовать в таком судебном заседании, организовать видео-конференц-связь в целях участия заявителя в судебном заседании, о чем выносится определение в соответствии со ст. 73 АПК РФ.

Следует признать, что суд, рассматривающий дело, и суд, выполняющий судебное поручение,

наделяются взаимными правами и обязанностями в рамках процессуального правоотношения, субъектом которого являются и лица, участвующие в деле. Причем оба суда наделены процессуальными правами и несут процессуальные обязанности перед лицами, участвующими в деле. Признание наличия взаимных процессуальных прав и обязанностей между судами означает, что имеет место множественность субъектов правоотношения, права и обязанности которых корреспондируют друг другу. Получается, что здесь образуется иная конструкция процессуального правоотношения: «суд — лицо, участвующее в деле — суд».

Завершая характеристику арбитражного суда как субъекта процессуального правоотношения, необходимо указать, что субъектом такого правоотношения выступает суд первой инстанции и суды проверочных инстанций в пределах закрепленных за ними полномочий по осуществлению правосудия по конкретному спору.

М. С. Шакарян определила круг должностных лиц, суда первой инстанции, права, обязанности и действия которых составляют в совокупности права и обязанности суда первой инстанции. К ним относятся: коллегиальный суд; единоличный судья, народные заседатели, секретарь судебного заседания, судебный исполнитель²². В настоящее время существенно изменились статус и роль судебного пристава-исполнителя в гражданском процессе — к должностным лицам суда он не относится. Применительно к арбитражным судам этот список может быть дополнен помощником судьи, который имеет право вести протокол судебного заседания (ст. 155 АПК РФ); помощнику судьи может быть заявлен отвод в порядке и по основаниям, предусмотренным статьей 23 АПК РФ.

А. В. Юдин предложил отнести к субъектам гражданских процессуальных правоотношений председателей судов, которые в последнее время наделены довольно большим объемом процессуальных прав и обязанностей²³.

²¹ *Трещева Е. А.* Указ. соч.

²² *Шакарян М. С.* Указ. соч. С. 12–13.

²³ *Юдин А. В.* Председатель суда как субъект гражданских процессуальных правоотношений // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2018. № 1.

По ряду позиций вывод автора следует поддерживать. Так, председатель суда вступает в процессуальное правоотношение, возникшее в ходе рассмотрения конкретного дела, в случаях рассмотрения заявления об ускорении рассмотрения дела (ч. 6 ст. 6.1 ГПК РФ, ч. 6 ст. 6.1 АПК РФ); отложения судебного разбирательства в связи с болезнью судьи или по иным причинам невозможности проведения судебного заседания на срок, не превышающий 10 дней (ч. 5 ст. 158 АПК РФ); продления срока рассмотрения дела (ч. 2 ст. 152, ч. 1 ст. 200, ч. 2 ст. 267, ч. 2 ст. 285, ч. 2 ст. 291.7, ч. 2 ст. 308.5 АПК РФ, ч. 3 ст. 382, ч. 2 ст. 391.6 ГПК РФ). Утверждение

о том, что председатель суда становится субъектом процессуального правоотношения, действуя как судья при рассмотрении дела, представляется ошибочным. В этом случае должность председателя не имеет значения для определения статуса суда.

Таким образом, арбитражный суд как субъект процессуального правоотношения выступает носителем властных полномочий, реализует одну из основных функций судебной власти, осуществляя в рамках процессуальных правоотношений правосудие по спорам в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гражданский процесс : учебник / под ред. В. А. Мусина, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота. — М., 1998. — 472 с.
2. Громошина Н. А. Дифференциация, унификация и упрощение в гражданском судопроизводстве : монография. — М., 2010. — 264 с.
3. Гурвич М. А. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия // Труды ВЮЗИ. Т. 3. — М., 1965. — С. 62–117.
4. Гурвич М. А. К вопросу о предмете науки советского гражданского процесса // Ученые записки ВЮЮН. Вып. 4. — М., 1955. — С. 28–59.
5. Жилин Г. А. Суд первой инстанции в гражданском процессе : учеб.-практ. пособие. — М., 2001. — 328 с.
6. Казиханова С. С. Входит ли отношения, складывающиеся при рассмотрении дел арбитражными судами, в предмет гражданского процессуального права (в продолжение одной научной дискуссии) // Вестник гражданского процесса. — 2022. — Т. 12. — № 4. — С. 313–340.
7. Колоколов Н. А. Судебная власть как общеправовой феномен. — М. : Юрист, 2007. — 328 с.
8. Курс советского гражданского процессуального права. Т. 1. — М., 1981. — 464 с.
9. Пацация М. Ш. К вопросу о понятии «процессуальная деятельность арбитражного суда» // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. № 5. 2006 / под ред. д-ра юрид. наук В. В. Яркова. — СПб., 2007. — С. 7–71.
10. Трещева Е. А. Компетенция арбитражного суда первой инстанции как обязательного субъекта арбитражных процессуальных правоотношений // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. — 2006. — № 5 / под ред. В. В. Яркова. — СПб., 2007. — С. 101–106.
11. Шакарян М. С. Субъекты советского гражданского процессуального права. — М., 1970. — 214 с.
12. Юдин А. В. Председатель суда как субъект гражданских процессуальных правоотношений // Вестник Арбитражного суда Московского округа. — 2018. — № 1. — С. 27–34.

Материал поступил в редакцию 1 ноября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Grazhdanskiy protsess: uchebnik / pod red. V. A. Musina, N. A. Chechinoy, D. M. Chechota. — M., 1998. — 472 s.
2. Gromoshina N. A. Differentsiatsiya, unifikatsiya i uproshchenie v grazhdanskom sudoproizvodstve: monografiya. — M., 2010. — 264 s.
3. Gurvich M. A. Grazhdanskije protsessualnye pravootnosheniya i protsessualnye deystviya // Trudy VYuZl. T. 3. — M., 1965. — S. 62–117.
4. Gurvich M. A. K voprosu o predmete nauki sovetskogo grazhdanskogo protsessa // Uchenye zapiski VIYuN. Vyp. 4. — M., 1955. — S. 28–59.
5. Zhilin G. A. Sud pervoy instantsii v grazhdanskom protsesse: ucheb.-prakt. posobie. — M., 2001. — 328 s.
6. Kazikhanova S. S. Vkhodit li otnosheniya, skladyvayushchiesya pri rassmotrenii del arbitrazhnymi sudami, v predmet grazhdanskogo protsessualnogo prava (v prodolzhenie odnoy nauchnoy diskussii) // Vestnik grazhdanskogo protsessa. — 2022. — T. 12. — № 4. — S. 313–340.
7. Kolokolov N. A. Sudebnaya vlast kak obshchepravovoy fenomen. — M.: Yurist, 2007. — 328 s.
8. Kurs sovetskogo grazhdanskogo protsessualnogo prava. T. 1. — M., 1981. — 464 s.
9. Patsatsiya M. Sh. K voprosu o ponyatii «protsessualnaya deyatel'nost arbitrazhnogo suda» // Rossiyskiy ezhegodnik grazhdanskogo i arbitrazhnogo protsessa. № 5. 2006 / pod red. d-ra yurid. nauk V. V. Yarkova. — SPb., 2007. — S. 7–71.
10. Treshcheva E. A. Kompetentsiya arbitrazhnogo suda pervoy instantsii kak obyazatel'nogo subekta arbitrazhnykh protsessualnykh pravootnosheniy // Rossiyskiy ezhegodnik grazhdanskogo i arbitrazhnogo protsessa. — 2006. — № 5 / pod red. V. V. Yarkova. — SPb., 2007. — S. 101–106.
11. Shakaryan M. S. Subekty sovetskogo grazhdanskogo protsessualnogo prava. — M., 1970. — 214 s.
12. Yudin A. V. Predsedatel suda kak subekt grazhdanskikh protsessualnykh pravootnosheniy // Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga. — 2018. — № 1. — S. 27–34.

Отсутствие административной процессуальной правоспособности как основание для признания административного иска не подлежащим рассмотрению в судах

Аннотация. Статья посвящена некоторым вопросам выявления административной процессуальной правоспособности у лиц, названных сторонами спора в административном исковом заявлении, и последствиям ее отсутствия. Основное внимание уделено выявлению административной процессуальной правоспособности у того, кто в административном исковом заявлении назван субъектом, обладающим публичными полномочиями (подразумевается орган государственной власти, иной государственный орган, орган местного самоуправления, должностное лицо, государственный и муниципальный служащий). Как отмечается в работе, административная процессуальная правоспособность указанных в ч. 1 ст. 5 КАС РФ органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления, их должностных лиц как их возможность быть сторонами и заинтересованными лицами по административному делу обусловлена их административной право- и дееспособностью, а административная право- и дееспособность этих лиц неразделимы и вместе представляют собой их компетенцию. Это позволяет сделать вывод о том, что условием признания за указанными лицами административной процессуальной право- и дееспособности является наличие у них компетенции в определенной публичной сфере. Отсутствие административной процессуальной правоспособности следует признать одним из случаев, когда административное исковое заявление не подлежит рассмотрению в судах, и является одним из предусмотренных пунктом 1 ч. 1 ст. 128 КАС РФ оснований для отказа в принятии заявления.

Ключевые слова: административный иск; отказ в принятии административного искового заявления; не подлежит рассмотрению в судах; гражданская процессуальная правоспособность; административная процессуальная правоспособность; административная правоспособность; административная дееспособность; компетенция в публичной сфере; статус субъекта публичного права; лицо, наделенное публичными полномочиями; статус юридического лица.

Для цитирования: Остроумов А. А. Отсутствие административной процессуальной правоспособности как основание для признания административного иска не подлежащим рассмотрению в судах // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 2. — С. 72–79. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.072-079.

Lack of Administrative Procedural Legal Capacity as a Ground to Recognize an Administrative Claim as not subject to Consideration in the Courts

Andrey A. Ostroumov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil and Administrative Procedure, Kutafin Moscow State Law University (MGUA)
aaostroumov@msal.ru

Abstract. The paper is devoted to examination of issues of identifying administrative procedural legal capacity of persons named as parties to a dispute in an administrative statement of claim, and the consequences of the lack of administrative legal capacity. The main attention is paid to identifying the administrative procedural legal capacity of someone who is named in the administrative statement of claim as a subject with public authority (meaning a state authority, another state body, a local government body, an official, a state and municipal official). As the author highlights, administrative procedural legal capacity of the bodies of state power specified in Part 1 of Article 5 of the Code on Administrative Procedure (CAP) of the Russian Federation, other state bodies, local self-government bodies, their officials as their ability to be parties and interested parties in an administrative case is predetermined by their administrative capacity and legal capacity, and the administrative capacity and legal capacity of these persons are inseparable and together they represent their competence. This allows the author to conclude that the condition for recognizing administrative procedural legal capacity for these persons is that they have competence in a certain public sphere. Lack of administrative procedural legal capacity should be recognized as one of the instances when an administrative statement of claim is not subject to consideration in courts and as one of the grounds to reject a claim under Paragraph 1 of Part 1 of Article 128 of the CAP of the Russian Federation.

Keywords: administrative claim; refusal to accept an administrative statement of claim; not subject to consideration in courts; civil procedural legal capacity; administrative procedural legal capacity; administrative capacity; administrative legal capacity; competence in the public sphere; status of a subject of public law; person endowed with public authority; status of a legal entity.

Cite as: Ostroumov AA. Lack of Administrative Procedural Legal Capacity as a Ground to Recognize an Administrative Claim as not subject to Consideration in the Courts. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(2):72-79. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.072-079.

Для раскрытия содержания понятия административной процессуальной правоспособности следует учитывать результаты выработанных на протяжении многих десятилетий теоретических исследований вопросов, посвященных гражданской процессуальной правоспособности, материальной правоспособности, в том числе административной правоспособности, а также компетенции органа государственной власти, иного государствен-

ного органа, органа местного самоуправления, должностного лица.

Гражданской процессуальной правоспособности посвящено значительное число работ ученых-процессуалистов¹. Особо следует отметить фундаментальный вклад в разработку учения о гражданской процессуальной правоспособности Марии Сумбатовны Шакарян².

Относительно административной процессуальной правоспособности в ч. 1 ст. 5 КАС РФ ука-

¹ См., например: Гурвич М. А. Право на иск // Избранные труды. Краснодар : Совет. Кубань, 2006. С. 73–78 ; Гукасян Р. Е. Соотношение материальной и процессуальной правоспособности // Материальное право и процессуальные средства его защиты. Калинин, 1981 ; Сергун А. К. О процессуальной правоспособности // Советское государство и право. 1974. № 2. С. 31–37 ; Ярков В. В. Гражданская процессуальная правоспособность (некоторые вопросы) // Судебная защита прав и охраняемых законом интересов граждан и организаций : сборник статей Междунар. науч.-практ. конференции, посвященной памяти д-а юрид. наук, проф. Р. Е. Гукасяна / отв. ред. Е. Г. Стрельцова. М. : Проспект, 2009.

² Шакарян М. С. Субъекты советского гражданского процессуального права // Избранные труды / вступ. ст. д-ра юрид. наук, проф. А. Т. Боннера и доц. М. Э. Мирзоян. СПб. : Изд. дом Р. Асланова «Юридический центр», 2014. С. 318–343.

зано следующее: «Способность иметь процессуальные права и нести процессуальные обязанности в административном судопроизводстве (административная процессуальная правоспособность) признается в равной мере за всеми гражданами, органами государственной власти, иными государственными органами, органами местного самоуправления, их должностными лицами, общественными объединениями, религиозными и иными организациями, в том числе некоммерческими, а также общественными объединениями и религиозными организациями, не являющимися юридическими лицами, если они согласно настоящему Кодексу и другим федеральным законам обладают правом на судебную защиту своих прав, свобод и законных интересов в публичной сфере».

Полагаем, что право на судебную защиту гарантируется тем, у кого могут быть (могут возникнуть, появиться) те права, свободы и законные интересы, которые нуждаются или могут нуждаться в судебной защите, т.е. потенциальным субъектам этих прав, свобод, законных интересов, тем лицам, у которых какие-то из этих прав, свобод и законных интересов уже имеются, а другие потенциально могут появиться в предусмотренных законом случаях. Поэтому наличие у лица административной процессуальной правоспособности должно обуславливаться наличием у него возможности иметь те административные и иные материальные публичные права, законные интересы, которые могут нуждаться в судебной защите. Считается, что для признания за лицом административной процессуальной правоспособности достаточно проверить, обладает ли это лицо административной правоспособностью. Значит, для того, чтобы выяснить, обладает ли административной процессуальной правоспособностью тот, кто назван в административном исковом заявлении административным истцом или административным ответчиком, нужно исходить из того, что понимается под административной правоспособностью, при каких условиях она признается за теми или иными субъектами. Мы не сможем

здесь подробно остановиться на этом объемном по содержанию вопросе, а попробуем показать и прокомментировать некоторые примеры того, как на практике выявляется отсутствие административной процессуальной правоспособности у тех, кто в административном исковом заявлении указывается в качестве той или другой стороны спора, занимающей, по мнению заявителя, положение властной стороны спорного правоотношения, т.е. субъекта, наделенного публичными полномочиями.

В судебной практике можно встретить примеры, когда наличие административной процессуальной правоспособности у организации или подразделения организации связывается или с наличием статуса юридического лица, или с наличием статуса субъекта публичного права, или с возложением компетенции в публичной сфере.

Например, суд кассационной инстанции при рассмотрении административного дела сделал вывод, что подразделение Госавтоинспекции может обладать административной процессуальной правоспособностью на районном уровне, только если оно является обособленным подразделением территориального органа МВД России по субъекту Российской Федерации, наделено имуществом, имеет счета, а также печати, штампы и бланки со своим наименованием, то есть обладает признаками юридического лица. В иных случаях подразделение Госавтоинспекции, будучи структурным подразделением отдела МВД России по субъекту Российской Федерации, не вправе выступать самостоятельной стороной по административному делу³. С таким обоснованием трудно согласиться. Полагаем, суду надлежало выяснить, наделено ли данное подразделение не признаками или статусом юридического лица, а наделено ли оно непосредственно конкретной компетенцией в соответствующей публичной сфере, имеет ли оно возможность от своего имени осуществлять публичные права и обязанности.

В другом случае суд указал, что процессуальный закон не связывает правоспособность

³ Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 01.09.2020 № 88а-18143/2020 по делу № 2а-444/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

органов государственной власти и иных государственных органов с наличием у них статуса юридического лица. Правовое положение этих органов в административных правоотношениях определяется их статусом как субъектов публичного права⁴.

Эта же позиция отражена в одном из комментариев к КАС РФ: «Для признания административной процессуальной правоспособности за организациями нет необходимости в наличии статуса юридического лица, поскольку последний является основанием для участия в отношениях, регулируемых гражданским законодательством. Правовое положение организаций в административных и иных публичных правоотношениях определяется их статусом как субъектов публичного права. Статус же юридического лица предоставляется, например, органам государственной власти, государственным органам для материально-технического обеспечения их деятельности и не связан с наделением административной процессуальной правоспособностью»⁵.

Полагаем, чтобы выяснить, обладает ли статусом субъекта публичного права тот, кто в заявлении назван административным истцом или ответчиком, наделенным публичными полномочиями, нужно вернуться к вопросу о том, в каких случаях признается обладание таким статусом; вытекает ли он из административной правоспособности, или обусловлен иными условиями. В связи с этим интересен следующий пример из практики.

В рамках производства по административному делу суд первой инстанции пришел к выводу о том, что призывная комиссия города и военный комиссариат города самостоятельной правоспособностью не обладают, поскольку призывная комиссия города является структурным подразделением военного комиссариата области, а военный комиссариат города пре-

кратил свою деятельность путем реорганизации в форме присоединения к военному комиссариату области. Суд апелляционной инстанции с этим выводом не согласился, указав, что военные комиссариаты муниципальных образований наделены самостоятельной компетенцией по осуществлению организации призыва на военную службу, а призывная комиссия также обладает компетенцией по осуществлению призыва на военную службу и не является структурным подразделением военного комиссариата⁶.

Как видим, в обоснование наличия у призывной комиссии города и военного комиссариата города административной процессуальной правоспособности суд апелляционной инстанции сослался не на обладание ими административной правоспособностью, а на наличие у них компетенции в той публичной сфере, в которой возникло спорное правоотношение. В этой связи заслуживает внимания соотношение понятий административной правоспособности и компетенции, относительно которого, не вдаваясь в подробное обсуждение ввиду его масштабов, хотелось бы отметить следующее.

А. К. Сергун исследовала допустимость в целом использования конструкции правоспособности во всех традиционных отраслях материального права, в частности в административном праве, а также содержание гражданской процессуальной правоспособности в свете тех позиций, которые были высказаны учеными в период с 1920-х до начала 1970-х гг. Так, она указывает, что в гражданском праве правоспособность является свойством всех субъектов этой отрасли права. Каждый субъект гражданского права (благодаря тому, что он наделен правоспособностью) может иметь любые гражданские права и обязанности, может быть любым участником любых гражданских правоотношений. Изъятия из этого специально оговариваются в законе. Не меняет этого

⁴ Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 19.10.2021 № 88А-25775/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации : постатейный, научно-практический / под ред. В. В. Яркова. М. : Статут, 2016. С. 42 (автор комментария к гл. 1 — В. В. Ярков).

⁶ Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24.03.2021 № 88А-5369/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

общего положения «специальный» характер правоспособности юридических лиц. Специальная правоспособность не означает, что юридическое лицо может быть обладателем только некоторых определенных прав, может участвовать только в нескольких определенных гражданских правоотношениях. Правоспособность юридических лиц дает им возможность участвовать в самых различных правоотношениях, в которых это будет для них необходимо. «Специальный характер» правоспособности определяет лишь целевую направленность, а не виды правоотношений, в которых могут участвовать юридические лица. Следовательно, в той единственной отрасли права, где существование правоспособности всегда было несомненным, так как она прямо предусматривалась в законе, ее функция в правовом регулировании заключается, в частности, в том, что благодаря наделению правоспособностью все субъекты гражданского права становятся в принципе в равное правовое положение в отношении возможности участия в правоотношениях⁷.

По мнению Е. А. Флейшиц, государственные органы обладают не правоспособностью, а компетенцией, включающей в себя совокупность наличных прав и обязанностей. Административные права госорганов не возникают для них на основе правоспособности, а закрепляются за ними с установлением конкретного содержания законом. Совокупность этих прав и связанных с ними обязанностей и составляет компетенцию госоргана⁸.

Здесь хочется привести пример того, что в учебной литературе по административному праву административная правоспособность и компетенция рассматриваются не просто как тесно взаимосвязанные, а фактически тождественные категории: «Под административной правоспособностью обычно предлагается понимать особое юридическое качество, объединя-

ющее всех субъектов административного права, являющееся проявлением общей правоспособности, т.е. установленной и охраняемой правовыми нормами возможности данного субъекта (гражданина, исполнительного органа и т.п.) вступать в различного рода правовые отношения. Административная правоспособность в своей сущности определяется особенностями управленческой сферы. Соответственно, каждый, кто нормами административного права наделен правами и обязанностями в этой сфере, рассматривается в качестве субъекта административного права. Под административной дееспособностью понимается способность субъекта административного права своими действиями осуществлять предоставленные права, выполнять установленные обязанности и нести административную ответственность за свое поведение. При этом для органов исполнительной власти административная правоспособность и дееспособность неразделимы, являются, по существу, двумя элементами единого административно-правового статуса и наступают одновременно, т.е. с момента образования и юридического закрепления их компетенции. В компетенции выражена административная правоспособность. В ней определяются и полномочия данного органа по участию в административно-правовых отношениях, т.е. их дееспособность. В качестве субъектов административного права можно рассматривать российское государство, субъекты Федерации. В такой роли они являются носителями административной правоспособности, однако в конкретных административно-правовых отношениях они не участвуют. Административная дееспособность приходится на долю представляющих их органов исполнительной власти, в отличие от граждан, сочетающих в себе оба эти юридические качества»⁹.

Из приведенной позиции следует, что если административная процессуальная правоспо-

⁷ Сергун А. К. Процессуальная правоспособность и правосубъектность (в литературе и в ГК) // Вопросы науки советского гражданского процессуального права. Труды ВЮЗИ. М. : РИО ВЮЗИ, 1975. Т. 38. С. 95.

⁸ Флейшиц Е. А. Соотношение правоспособности и субъективных прав // Вопросы общей теории советского права. М., 1960. С. 255.

⁹ Административное право Российской Федерации : учебник для бакалавров / отв. ред. Л. Л. Попов. М. : Оригинал-макет, 2017. С. 72–74.

способность указанных в ч. 1 ст. 5 КАС РФ органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления, их должностных лиц как их возможность быть сторонами и заинтересованными лицами по административному делу обусловлена их административной право- и дееспособностью, а административная право- и дееспособность этих лиц неразделимы и вместе представляют собой их компетенцию, то это позволяет сделать вывод о том, что условием признания за указанными лицами административной процессуальной право- и дееспособности является наличие у них компетенции в определенной публичной сфере. Предусмотренная КАС РФ и другими федеральными законами возможность защиты принадлежащих им в силу наделения компетенцией в той или иной публичной сфере прав и законных интересов в судах общей юрисдикции в порядке административного судопроизводства указывает на наличие у них как административной процессуальной правоспособности, так и административной процессуальной дееспособности одновременно.

Из компетенции органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления может вытекать возможность не только защищать те права, которые им предоставляются для выполнения возложенных на них функций в рамках определенных материальных правоотношений в публичной сфере, но и обращаться от своего имени в суд в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц, неопределенного круга лиц, публичных интересов, относящихся к публичной сфере. В последнем случае под обращением в защиту публичных интересов, на наш взгляд, следует понимать обращение в защиту прав и законных интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в публичной сфере.

Поскольку объем процессуальных прав и обязанностей административного истца (ч. 2, 3 ст. 38, ст. 46 КАС) и лица, обращающегося от своего имени в защиту прав других лиц (ст. 39, 40 КАС РФ), различен, то при обращении в суд лица, наделенного публичными полномочиями, не в интересах других лиц, неопределенного

круга лиц, а только в защиту публичных интересов, важно определить, какой процессуальный статус должен быть признан за таким лицом: статус административного истца или лица, обращающегося от своего имени в защиту прав других лиц. Думается, нужно исходить из того, что если это лицо может предполагаться субъектом материального правоотношения, выносимого на рассмотрение суда, то оно действует как субъект, наделенный компетенцией в рамках этого материального правоотношения отстаивать интересы публично-правового образования, и, следовательно, оно должно признаваться административным истцом. А лицом, обращающимся в суд в защиту публичных интересов на основании ст. 40 КАС РФ, должен признаваться субъект, наделенный публичными полномочиями, если он не предполагается субъектом материального правоотношения, в связи с которым обращается в суд, и при этом имеется другое лицо, наделенное компетенцией, из которой вытекает возможность этого лица быть стороной соответствующего материального правоотношения для реализации полномочия действовать в интересах публично-правового образования в рамках этого правоотношения.

Для того чтобы выяснить, имеется ли административная процессуальная правоспособность у того, кто в административном исковом заявлении назван субъектом, обладающим публичными полномочиями, необходимо еще на этапе решения о принятии заявления к производству выяснить, наделен ли он компетенцией в соответствующей сфере публичных правоотношений. При этом вопрос, входило ли в его компетенцию, например, принятие конкретного оспариваемого решения, должен исследоваться уже после возбуждения дела, при подготовке дела к судебному разбирательству и в ходе судебного разбирательства.

Отсутствию административной процессуальной правоспособности у административного истца, административного ответчика или одновременно у обеих этих сторон не указано в ст. 128 КАС РФ напрямую в качестве основания для отказа в принятии административного искового заявления. Очевидно, что если

те, кто в административном исковом заявлении названы сторонами или один из них не обладают административной процессуальной правоспособностью, то соответствующее процессуальное положение стороны они занять не могут, это обстоятельство не устранимо и должно влечь за собой отказ в принятии заявления в связи с невозможностью рассмотрения требования в судах. Обычно именно так поступают суды в соответствующих случаях, но иногда допускаются и ошибки, в том числе при выяснении того, обладает ли конкретное лицо административной процессуальной правоспособностью.

Так, имел место случай, когда административное исковое заявление было возвращено по основанию неподсудности требований данному суду, поскольку административные ответчики самостоятельной правоспособностью не обладают, являются структурными подразделениями конкретного органа, по месту которого и должен был быть предъявлен административный иск.

Определение о возвращении было отменено вышестоящей инстанцией¹⁰.

Выявление отсутствия административной процессуальной правоспособности у одной из сторон в период после возбуждения дела должно с точки зрения теории и по смыслу закона влечь за собой прекращение производства по делу, так как, например, неправопособный ответчик не может быть признан ненадлежащим ответчиком и заменен на надлежащего, так как надлежащий ответчик — это лицо, которое может участвовать в деле, иметь права и обязанности ответчика по делу. Но судебной практике известны случаи, когда суд, обнаружив, что иск предъявлен не к юридическому лицу, наделенному отдельными публичными полномочиями, а к его филиалу, сразу же после возбуждения административного дела привлекал в качестве административного ответчика непосредственно юридическое лицо¹¹. Думается, что, исходя из целей процессуальной экономии, такую практику можно признать допустимой.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Административное право Российской Федерации : учебник для бакалавров / отв. ред. Л. Л. Попов. — М. : Оригинал-макет, 2017. — 568 с.
2. Гукасян Р. Е. Соотношение материальной и процессуальной правоспособности // Материальное право и процессуальные средства его защиты. — Калинин, 1981.
3. Гурвич М. А. Право на иск // Избранные труды / М. А. Гурвич ; МГУ имени М.В.Ломоносова, Юрид. фак. Кубан. гос. ун-т, каф. гражд. процесса и трудового права. — Краснодар : Совет. Кубань, 2006. — 672 с.
4. Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации : постатейный, научно-практический / под ред. В. В. Яркова. — М. : Статут, 2016. — 1295 с.
5. Сергун А. К. О процессуальной правоспособности // Советское государство и право. — 1974. — № 2. — С. 31–37.
6. Сергун А. К. Процессуальная правоспособность и правосубъектность (в литературе и в ГПК) // Вопросы науки советского гражданского процессуального права. Труды ВЮЗИ. Т. 38. — М. : ИО ВЮЗИ, 1975.
7. Флейшиц Е. А. Соотношение правоспособности и субъективных прав // Вопросы общей теории советского права. — М., 1960.
8. Шакарян М. С. Субъекты советского гражданского процессуального права // Избранные труды / вступ. ст. д-ра юрид. наук, проф. А. Т. Боннера и доц. М. Э. Мирзоян. — СПб. : Изд. дом Р. Асланова «Юридический центр», 2014. — 880 с.

¹⁰ Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24.03.2021 № 88А-5369/2021.

¹¹ Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 20.01.2021 № 88А-619/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Ярков В. В. Гражданская процессуальная правоспособность (некоторые вопросы) // Судебная защита прав и охраняемых законом интересов граждан и организаций : сборник статей Междунар. науч.-практ. конференции, посвященной памяти д-ра юрид. наук, проф. Р. Е. Гукасяна / отв. ред. Е. Г. Стрельцова. — М. : Проспект, 2009. — 224 с.

Материал поступил в редакцию 1 ноября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Administrativnoe pravo Rossiyskoy Federatsii: uchebnik dlya bakalavrov / otv. red. L. L. Popov. — M.: Original-maket, 2017. — 568 s.
2. Gukasyan R. E. Sootnoshenie materialnoy i protsessualnoy pravospособnosti // Materialnoe pravo i protsessualnye sredstva ego zashchity. — Kalinin, 1981.
3. Gurvich M. A. Pravo na isk // Izbrannye trudy / M. A. Gurvich; MGU imeni M.V.Lomonosova, Yurid. fak. Kuban. gos. un-t, kaf. grazhd. protsessy i trudovogo prava. — Krasnodar: Sovet. Kuban, 2006. — 672 s.
4. Kommentariy k Kodeksu administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii: postateynyy, nauchno-prakticheskiy / pod red. V. V. Yarkova. — M.: Statut, 2016. — 1295 s.
5. Sergun A. K. O protsessualnoy pravospособnosti // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1974. — № 2. — S. 31–37.
6. Sergun A. K. Protsessualnaya pravospособnost i pravosubektnost (v literature i v GPK) // Voprosy nauki sovetskogo grazhdanskogo protsessualnogo prava. Trudy VYuZl. T. 38. — M.: RIO VYuZl, 1975.
7. Fleyshits E. A. Sootnoshenie pravospособnosti i subektivnykh prav // Voprosy obshchey teorii sovetskogo prava. — M., 1960.
8. Shakaryan M. S. Subekty sovetskogo grazhdanskogo protsessualnogo prava // Izbrannye trudy / vstup. st. d-ra yurid. nauk, prof. A. T. Bonnera i dots. M. E. Mirzoyan. — SPb.: Izd. dom R. Aslanova «Yuridicheskiy tsentr», 2014. — 880 s.
9. Yarkov V. V. Grazhdanskaya protsessualnaya pravospособnost (nekotorye voprosy) // Sudebnaya zashchita prav i okhranyaemykh zakonom interesov grazhdan i organizatsiy: sbornik statey Mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii, posvyashchennoy pamyati d-ra yurid. nauk, prof. R. E. Gukasyana / otv. red. E. G. Streltsova. — M.: Prospekt, 2009. — 224 s.

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.080-089

М. В. Самсонова*

Проблемы совершенствования института подсудности гражданских дел

Аннотация. Институт подсудности гражданских дел претерпел значительные изменения за последние 20 лет, в него вносились многочисленные дополнения, что свидетельствует об изменении концепции распределения дел между судами, выработанной еще при подготовке ГПК РСФСР 1964 г. Усложнение судебной системы, а также увеличение разнообразия дел, поступающих на рассмотрение в суды, потребовало подготовки новых правил, устанавливающих относимость того или иного дела суду. Однако, как показал анализ происходивших изменений, большинство из них вносилось для решения текущих задач, вне какой-либо общей концепции, которая пришла бы на замену советской. В целях совершенствования института подсудности гражданских дел необходим комплексный подход, который позволит дать ответ о значении норм подсудности на современном этапе развития гражданского процессуального права; выработать обоснованные критерии распределения дел между различными судами; повысить гарантии интересов лиц, участвующих в деле, при передаче дел из одного суда в другой; усовершенствовать механизм передачи дел; определиться с вопросом о допустимости и границах соглашения о подсудности; обосновать критерии малозначительности дел для определения подсудности мировых судей; актуализировать основания альтернативной, исключительной подсудности.

Ключевые слова: подсудность гражданских дел; подведомственность гражданских дел; родовая подсудность; территориальная подсудность; передача дела в другой суд; гражданское процессуальное право; научная школа; трансформация понятия подсудности; система гражданского процессуального права; концепция института подсудности гражданских дел.

Для цитирования: Самсонова М. В. Проблемы совершенствования института подсудности гражданских дел // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 2. — С. 80–89. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.080-089.

Problems of Improving the Institution of Jurisdiction in Civil Cases

Maria V. Samsonova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil and Administrative Procedure, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
msamsonova@mail.ru

Abstract. The institution of jurisdiction in civil cases has undergone significant changes over the past 20 years with numerous additions been made to it, which indicates a change in the concept of distribution of cases between courts, developed during the preparation of the Civil Procedure Code of the RSFSR in 1964. A complicated judicial system, as well as an increase in the variety of cases submitted to the courts, required new rules establishing the

© Самсонова М. В., 2024

* Самсонова Мария Витимовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
msamsonova@mail.ru

relevance of a particular case to the court. However, as the analysis of the changes that took place showed, the most of the changes were made to resolve current problems beyond any general concept replacing the Soviet one. In order to improve the institution of jurisdiction in civil cases, an integrated approach is needed that will allow us to elucidate the meaning of the norms of jurisdiction at the present stage of the development of civil procedure law; to develop reasonable criteria for the distribution of cases between different courts; to increase safeguards of the interests of persons involved in the case when transferring cases from one court to another; to improve the mechanism for transferring cases; to resolve the question of admissibility and boundaries of the agreement on jurisdiction; to substantiate the criteria of insignificance of cases to determine jurisdiction of Justices of the Peace; to update the grounds for alternative, exclusive jurisdiction.

Keywords: civil cases jurisdiction; admissibility of civil cases; generic jurisdiction; territorial jurisdiction; transfer of a case to another court; civil procedural law; scientific school; transformation of the concept of jurisdiction; system of civil procedural law; concept of the institution of jurisdiction of civil cases.

Cite as: Samsonova MV. Problems of Improving the Institution of Jurisdiction in Civil Cases. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(2):80-89. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.080-089.

Профессор Мария Сумбатовна Шакарян удивительным образом гармонично сочетала научную, педагогическую и руководящую работу. Такой непростой симбиоз высокоинтеллектуальной деятельности обеспечил достижение значительных результатов по каждому направлению. В течение 32 лет Мария Сумбатовна возглавляла кафедру гражданского процесса ВЮЗИ — МЮИ — МГЮА, принимала активное участие в законотворческой деятельности¹.

Как заведующий кафедрой, М. С. Шакарян уделяла большое внимание разработке учебников и учебных пособий по гражданскому и арбитражному процессу для студентов, а также научно-практических комментариев к ГПК и АПК². Материал учебников, подготовленных под ее редакцией, всегда отличался четкостью, внутренней логикой, был емкий и доступный для понимания студентами.

Под руководством профессора М. С. Шакарян 25 ее учеников защитили кандидатские

диссертации, а двое стали докторами юридических наук, профессорами³. М. С. Шакарян как руководитель аспирантов нацеливала молодых ученых на тщательное изучение юридической теории, судебной практики, на кропотливую, вдумчивую работу по подготовке предложений по улучшению гражданского процессуального законодательства и практики его применения. М. С. Шакарян очень требовательно относилась к текстам диссертаций, статей, аналитических материалов, многократно вносила правки, доводя до совершенства точность и лаконичность формулировок. Это воспитывало в нас, ее аспирантах, ответственность за разрабатываемые предложения и качество юридического текста в документах.

М. С. Шакарян подчеркивала, что «важнейшей задачей науки гражданского процессуального права является выявление того, в какой степени действующее законодательство отвечает объективным закономерностям и потребностям общества и насколько деятельность органов

¹ В 1962–1964 гг. профессор М. С. Шакарян была членом рабочей группы Президиума Верховного Совета СССР по координации работы над ГПК всех союзных республик и руководителем подгруппы по пересмотру судебных постановлений; с мая 1993 г. по 2002 г. — членом рабочей группы по подготовке ГПК РФ 2002 г. С 1973 г. Мария Сумбатовна являлась членом научно-консультативных советов Верховных Судов СССР и РСФСР (РФ), а с 1995 г. — членом Научно-консультативного совета Высшего Арбитражного Суда РФ.

² В 10 изданиях учебников по гражданскому процессу, выпущенных с 1957 по 2003 г., профессор М. С. Шакарян являлась одним из основных авторов, а в пяти изданиях учебников и четырех комментариев к ГПК РСФСР, ГПК РФ, АПК РФ — еще и ответственным редактором.

³ См. подробнее: *Шакарян М. С. Избранные труды*. СПб.: Изд. дом Р. Асланова «Юридический центр», 2014. С. 16.

правосудия осуществляется в точном соответствии с законом. Объектом изучения при этом должна быть законная деятельность, а не только неправильная практика применения закона, как обычно имеет место»⁴. Такой взвешенный подход к проведению научных исследований очень важен в настоящее время. Он позволяет избежать неконструктивной критики изменений и одновременно сформировать фундамент для дальнейшего развития законодательства, отражающего потребности практики в широком смысле этого слова. «Обобщение судебной практики позволяет выявить как положительные стороны, так и недостатки правового регулирования судебной формы защиты субъективных прав граждан и организаций. С этих позиций и следует подходить к решению проблем правосудия по гражданским делам и гражданского процессуального права, рассматривать вопрос о том, необходимы ли перемены в гражданском судопроизводстве, как следует понимать перестройку применительно к гражданскому судопроизводству»⁵.

Во многих своих научных работах М. С. Шакарян, критически оценивая изменения в гражданском процессуальном законодательстве, отмечала, что «совершенствование законодательства должно быть основано на определенной концепции...»⁶, «...только широкая гласность при подготовке законопроектов может обеспечить принятие надлежащих совершенных законов...»⁷, «законодательство должно соответствовать объективной действительности, отражать объективные общественные отношения»⁸.

Приведенные высказывания профессора М. С. Шакарян в отношении Основ законодательства о судопроизводстве 1961 г. и ГПК РСФСР 1964 г. всё также актуальны, должны и

дальше служить ориентиром для законотворческой и научной деятельности.

Предметом исследования для статьи был избран институт подсудности гражданских дел. Проблематика подсудности не являлась ведущей в работах М. С. Шакарян. Но поскольку М. С. Шакарян выступала ответственным редактором учебников по гражданскому процессу, подготовленных авторским коллективом кафедры гражданского процесса ВЮЗИ — МГЮА, данные вопросы, несомненно, находились в поле ее научного зрения. Одна из работ, посвященная подсудности гражданских дел, была написана ею совместно с профессором В. Ф. Тараненко.

Толчком для выбора данной темы послужили размышления М. С. Шакарян о значимости гласности и об обсуждении в научном сообществе вносимых в процессуальное законодательство изменений, их концептуальности, соответствия объективной действительности, с одной стороны, а с другой — многочисленные изменения в одном из важнейших институтов гражданского процессуального права, дискуссионность и неоднозначная их оценки в работах процессуалистов.

В науке гражданского процессуального права в советский период институт подсудности был достаточно хорошо разработан: сформирован понятийный аппарат, определены виды подсудности, основания изменения подсудности и последствия несоблюдения этих правил. С принятием ГПК РСФСР 1964 г. произошла дифференциация правил подведомственности и подсудности⁹ и сложилось единообразное понимание отличия подсудности от подведомственности. Подведомственность гражданских дел как совокупность правил, определяющих относимость гражданских дел к ведению народных судов,

⁴ Шакарян М. С. Вопросы юридических гарантий применения норм гражданского процессуального права // Избранные труды. С. 161.

⁵ Шакарян М. С. Проблемы совершенствования правосудия по гражданским делам и гражданского процессуального законодательства в современный период // Избранные труды. С. 182.

⁶ Шакарян М. С. Проблемы совершенствования правосудия по гражданским делам... С. 190.

⁷ Шакарян М. С. Проблемы совершенствования правосудия по гражданским делам... С. 189.

⁸ Шакарян М. С. Проблемы совершенствования правосудия по гражданским делам... С. 183.

⁹ Глава 3 ГПК РСФСР 1923 г., в которой определялся круг дел, относящихся к ведению народных судов, а также устанавливались правила определения надлежащего суда, именовалась «Подсудность».

затем судов общей юрисдикции, прошла значительный путь развития: от определения перечня дел в законе (ГПК РСФСР 1923 г.) до современного всеобщего правила о подведомственности судам любого спора о праве или об охраняемом законом интересе (ст. 46 Конституции РФ, ГПК РФ 2002 г., АПК РФ 2002 г.). В науке это привело к формированию понятия судебной подведомственности¹⁰. Интересно отметить, что закрепление положения о судебной защите любого субъективного права не поставило под сомнение дальнейшее существование института подведомственности, поскольку сохранялись и дальше развиваются иные порядки защиты нарушенных прав.

Применительно к институту подсудности гражданских дел в учебниках по гражданскому процессу в целом единообразно и четко раскрывались данные вопросы, что являлось важным для формирования знаний будущих юристов. Дискуссии относительно понятия подсудности, которые имели место среди ученых-процессуалистов, не усложняли уяснения основных правил подсудности, закрепленных в гражданском процессуальном законодательстве.

В качестве примера раскрытия общих положений о подсудности можно обратиться к работе М. С. Шакарян «Некоторые новые положения гражданского процессуального права по ГПК союзных республик» (1967 г.)¹¹, подготовленной совместно с профессором В. Ф. Тараненко. Четкие и понятные определения правил подсуд-

ности излагались и в учебниках, которые выходили впоследствии¹².

«Подсудность — это институт процессуального права, регулирующий распределение дел, подлежащих судебному рассмотрению, как между отдельными звеньями судебной системы, так и судами равной компетенции, определяющий полномочия конкретных судов на разбирательство и разрешение по первой инстанции подведомственных судебным органам дел»¹³.

«Разграничение подсудности производится в двух направлениях:

А) закон разграничивает подсудность различного рода судов, то есть судов различных звеньев судебной системы, точно определяя пределы их полномочий в качестве суда первой инстанции в области разрешения гражданских дел. Установленная таким образом подсудность называется родовой;

Б) закон разграничивает подсудность между судами, относящимися между судами к одному и тому же звену судебной системы, устанавливая признаки, указывающие, какой именно, точно определенный суд, в соответствии с территориальным административным делением страны, вправе разрешить то или иное дело. Такое разграничение области деятельности судов называется территориальной, или местной, подсудностью»¹⁴.

Изложенные в учебниках понятия являлись общепризнанными¹⁵, не одно поколение моло-

¹⁰ Гражданский процесс : учебник / под ред. М. С. Шакарян. М. : Юрид. лит., 1993. С. 147 ; Гражданский процесс : учебник / отв. ред. В. В. Ярков. М. : Бек, 1999. С. 124 ; Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. М. : Норма, 2008. С. 397.

¹¹ Шакарян М. С. Некоторые новые положения гражданского процессуального права по ГПК союзных республик // Избранные труды. С. 71–94.

¹² Советский гражданский процесс : учебник / под ред. М. А. Гурвича. М., 1975 ; Советский гражданский процесс : учебник / под ред. М. С. Шакарян. М., 1985 ; Гражданское процессуальное право России : учебник / под ред. М. С. Шакарян. М. : Былина, 1996, а также издаваемые впоследствии учебники (1998, 2002, 2004 гг.).

¹³ Шакарян М. С. Некоторые новые положения гражданского процессуального права по ГПК союзных республик. С. 74.

¹⁴ Шакарян М. С. Некоторые новые положения гражданского процессуального права по ГПК союзных республик. С. 77.

¹⁵ См., например: Курс советского гражданского процессуального права / под ред. А. А. Мельникова. М., 1981. Т. 2. С. 19 (автор главы — Ю. К. Осипов) ; Советский гражданский процесс / под ред. Н. А. Чечи-

дых юристов осваивало на их основе теорию гражданского процессуального права.

С начала 1990-х гг. институт подсудности гражданских дел переживает значительные и довольно частые изменения. Обозначим ключевые вехи:

1. В соответствии с идеей доступности правосудия для населения все гражданские дела были отнесены в ГПК РСФСР 1964 г. к подсудности районных (городских) народных судов (ст. 113). Как отмечал А. Ф. Клейнман в отношении проекта ГПК РСФСР в 1957 г., «разграничение подсудности между народными судами и областными судами явно нецелесообразно. Все гражданские дела должны быть отнесены к подсудности народного суда как территориально наиболее близкого к населению и достаточно подготовленного для разрешения дел...»¹⁶. Поэтому в ГПК РСФСР отсутствовали нормы о подсудности гражданских дел вышестоящим судам, однако в кодексе было закреплено право изъять любое гражданское дело у нижестоящего суда и принять его к производству в качестве суда первой инстанции (ст. 114–116 ГПК РСФСР). Такое полномочие рекомендовалось применять в отношении наиболее сложных гражданских дел, а также после повторной отмены решения суда.

С конца 1980-х гг. до ГПК РФ 2002 г. был принят ряд законов, которые изменили правило родовой подсудности об отнесении всех граж-

данских дел к ведению районного (городского) народного суда и отнесли к подсудности областных (приравненных к ним судов), Верховного Суда РСФСР отдельные дела для рассмотрения по правилам суда первой инстанции¹⁷. Причем изменения в правила родовой подсудности вносились не только посредством дополнений в тексте ГПК РСФСР — многочисленные изменения содержались в различных законах материально-правового характера¹⁸.

Среди указанных изменений представляет интерес норма ст. 46 Закона РФ от 28.11.1991 № 1948-1 «О гражданстве Российской Федерации»¹⁹, определившая в качестве компетентного суда Московский городской суд для рассмотрения дел «по жалобам лиц, постоянно проживающих за пределами Российской Федерации, на неправомерные действия должностных лиц дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации». В дальнейшем такой подход в виде отнесения определенных дел к ведению конкретного суда определенного уровня получил распространение. Так, был расширен круг дел, подсудных Московскому городскому суду (ст. 26 ГПК РФ), поименованы Арбитражный суд Московской области, Арбитражный суд Тверской области и определены дела, относящиеся к их исключительной подсудности (ст. 38 АПК РФ), а также к подсудности Суда по интеллектуальным правам

ной, Д. М. Чечот. Л., 1984. С. 103 (автор — Н. И. Авдеенко) ; Советский гражданский процесс / под ред. М. К. Треушникова. М., 1989. С. 131 (автор главы — С. А. Иванова).

¹⁶ Клейнман А. Ф. Основные вопросы кодификации советского гражданского процессуального права // Избранные труды. СПб. : Изд. дом Р. Асланова «Юридический центр», 2009. Т. 2. С. 661.

¹⁷ Закон РФ от 31.03.1993 № 4717-1 «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Гражданский процессуальный кодекс РСФСР о порядке рассмотрения дел, связанных с государственной тайной» // Российская газета. № 79. 24.04.1993 ; Федеральный закон от 30.11.1995 № 189-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР» // Российская газета. № 239. 09.12.1995 ; Федеральный закон от 26.11.1996 № 140-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР» ; Федеральный закон от 07.08.2000 № 120-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР» // Российская газета. № 232. 04.12.1996.

¹⁸ Например: Закон СССР от 20.05.1991 № 2179-1 (с изм. от 17.05.1995) «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» // Ведомости СНД и ВС СССР. 05.06.1991. № 23. Ст. 654 ; Закон РФ от 05.03.1992 № 2449-1 «О краевом, областном Совете народных депутатов и краевой, областной администрации» // Российская газета. № 65. 20.03.1992.

¹⁹ Российская газета. № 30. 06.02.1992.

(ст. 34 АПК РФ). Если говорить о виде подсудности в данном случае, то сформировался особый подвид родовой подсудности — исключительная родовая подсудность.

Важно также отметить исключение права вышестоящего суда изымать у нижестоящего суда дело и принимать его к своему производству, а также передавать без согласия сторон дело в другой суд.

Развитие законодательной базы, регламентирующей деятельность военных судов, и включение их в систему судов общей юрисдикции стали основанием для дополнения ГПК РСФСР правилами о подсудности гражданских дел военным судам (ст. 114.1 ГПК РСФСР, ст. 7 Федерального конституционного закона от 23.06.1999 № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации»).

Воссоздание института мировых судей привело к определению перечня дел, относящихся к подсудности мировых судей, и, как следствие, к изменению норм о подсудности гражданских дел районным (городским) судам²⁰.

При разработке нового ГПК РФ были учтены указанные выше изменения правил родовой подсудности, а также закреплены новые положения.

Принятие КАС РФ в 2015 г. явилось причиной исключения из ГПК РФ правил, определяющих подсудность дел, возникающих из публичных правоотношений.

2. Правила родовой подсудности дел арбитражным судам формировались в период с 1991 г. по 2003 г. параллельно с развитием системы арбитражных судов. В итоге к 2003 г. сложились правила, распределившие гражданские дела между арбитражными судами субъектов РФ, арбитражными судами округов и

Высшим Арбитражным Судом РФ. Впоследствии они были дополнены новыми положениями в связи с созданием в системе арбитражных судов специализированного арбитражного суда²¹ — Суда по интеллектуальным правам. В законе был определен круг дел, относящихся к подсудности этого суда как суда первой инстанции. Помимо этого, законодатель установил, что Суд по интеллектуальным правам действует в качестве специализированной кассационной инстанции, что предопределило формирование правил исключительной подсудности вышестоящему суду.

3. В связи с изменением статуса Верховного Суда РФ в 2014 г. были исключены из ГПК РФ и АПК РФ нормы, определяющие подсудность гражданских дел высшему судебному органу, с одновременным их закреплением в специальном законе, посвященном Верховному Суду РФ²². Однако этот подход не был последовательно до конца реализован. В КАС РФ сохранена статья 21, устанавливающая перечень административных дел, относящихся к компетенции Верховного Суда РФ как суда первой инстанции.

4. Процессуальная реформа 2018 г.²³ внесла существенные изменения в содержание правил подсудности гражданских дел:

— содержательно изменился подход к определению правил, устанавливающих отнесимость гражданских дел к ведению судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Эти правила стали именоваться подсудностью. При этом были изменены последствия ошибочного направления искового заявления не в тот суд. Подача искового заявления в суд общей юрисдикции с требованием, относящимся к ведению арбитражного суда, стало рассматриваться

²⁰ Федеральный закон от 07.08.2000 № 120-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР» // Российская газета. № 158. 15.08.2000.

²¹ Федеральный конституционный закон от 06.12.2011 № 4-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации” и Федеральный конституционный закон “Об арбитражных судах в Российской Федерации” в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам» // Российская газета. № 278. 09.12.2011.

²² Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» // Российская газета. № 27. 07.02.2014.

²³ Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 272. 04.12.2018.

в качестве основания для возвращения искового заявления (ст. 135 ГПК РФ). Аналогичные последствия были предусмотрены в АПК РФ в отношении искового заявления, подаваемого в арбитражный суд, но относящегося согласно закону к подсудности суда общей юрисдикции (ст. 129 АПК РФ). До внесения данных изменений такого рода ошибки в выборе суда являлись основанием для отказа в принятии искового заявления (ст. 134 ГПК РФ, ст. 127.1 АПК РФ). Выявление в последующем такой ошибки перестало быть основанием для оставления заявления без рассмотрения, теперь заявление должно передаваться в арбитражный суд (ст. 33.1 ГПК РФ) или в суд общей юрисдикции из арбитражного суда соответственно (ч. 4 ст. 39 АПК РФ);

— терминологические изменения: в ГПК РФ в отношении дел, относящихся к ведению судов, термин «подведомственность» был заменен на «подсудность». В АПК РФ термин «подведомственность» был также исключен. Вместо него был введен термин «компетенция арбитражных судов», охватывающий, по сути, прежние правила подведомственности и подсудности. В КАС РФ правила, определяющие относимость административных дел судам общей юрисдикции, именуются по-прежнему — «подведомственность». Правила подсудности сохранили свое традиционное значение.

5. Иные нововведения в правилах подсудности после 2002 г. касались изменения распределения дел между районными судами и мировыми судьями, а также вводили новые правила подсудности для отдельных категорий споров.

Например, с момента создания в нашей стране в 2000 г. мировой юстиции перечень дел, относящихся к этому звену, изменялся пять раз:

— в 2002 г. из подсудности мировых судей были исключены дела о разрешении коллективных трудовых споров, но отнесены дела по спорам об определении порядка пользования движимым имуществом;

— в 2008 г. были изъяты дела о наследовании имущества, из отношений по созданию и использованию результатов интеллектуальной деятельности, а также все дела из трудовых отношений, изменена цена иска по требованиям имущественного характера²⁴;

— в 2010 г. были изъяты дела по спорам о детях и дела о признании брака недействительным, снижена цена иска по имущественным требованиям²⁵;

— в 2016 г. было введено ограничение до 500 000 руб. размера взыскиваемых денежных сумм (стоимости истребуемого движимого имущества) на основании судебного приказа, выдаваемого мировым судьей²⁶;

— в 2018 г. исключены практически все дела, возникающие из семейно-правовых отношений (кроме дел о расторжении брака при отсутствии спора о детях и разделе совместно нажитого имущества при цене иска, не превышающей 50 000 руб.), а также изъяты дела об определении порядка пользования имуществом; одновременно законодатель увеличил размер цены иска по имущественным спорам о защите прав потребителей до 100 000 руб.²⁷

6. Помимо рассмотренных изменений в законодательстве и судебной практике, термин

²⁴ Федеральный закон от 22.07.2008 № 147-ФЗ «О внесении изменений в статью 3 Федерального закона “О мировых судьях в Российской Федерации” и статью 23 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 160. 30.07.2008.

²⁵ Федеральный закон от 11.02.2010 № 6-ФЗ «О внесении изменений в статью 3 Федерального закона “О мировых судьях в Российской Федерации” и статью 23 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 31. 15.02.2010.

²⁶ Федеральный закон от 02.03.2016 № 45-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. № 47. 04.03.2016.

²⁷ Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 272. 04.12.2018.

«подсудность» стал использоваться не только для определения суда, рассматривающего дело по правилам суда первой инстанции, но и для определения надлежащего суда пересматривающей инстанции. Так, в соответствии с абз. 6 ст. 380 ГПК РФ в редакции 2002 г. «подлежит возвращению надзорная жалоба или представление прокурора, поданные с нарушением правил подсудности, установленных в ст. 377 настоящего кодекса». Между тем в указанной статье установлены правила определения суда, осуществляющего пересмотр в порядке надзора. Еще в конце 1990-х гг. в ряде своих постановлений Конституционный Суд РФ использовал термин «инстанционная подсудность», определяя, что «надлежащим судом для рассмотрения дела признается суд, компетенция которого определена законом, обосновывающим как разграничение видов судебной юрисдикции, так и определение предметной, территориальной и инстанционной подсудности»²⁸.

На момент введения в юридический оборот понятие «инстанционная подсудность» российской процессуальной науке не было известно. Впоследствии в учебнике по гражданскому процессу под редакцией профессора В. В. Яркова (автор главы о подсудности — Д. Б. Абушенко) в перечне видов подсудности стала выделяться «функциональная (инстанционная) подсудность», определяемая как «распределение компетенции между судами, рассматривающими дела по первой инстанции, в апелляционном, кассационном, надзорном порядке, а также при

пересмотре судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам»²⁹.

В настоящее время задача определения надлежащего суда вышестоящей инстанции также сохраняется. Кроме того, вопрос об определении надлежащего суда не менее актуален при обращении в суд с иными заявлениями, например о разъяснении судебного акта, возмещении судебных расходов, а также и в других случаях, когда требуется решение частных вопросов, а дело находилось в производстве нескольких судебных инстанций.

Итак, обзор ключевых изменений института подсудности³⁰ гражданских дел позволяет сделать следующие выводы.

Изменилась концепция института подсудности, заложенная в ГПК РСФСР, взамен нее не создана иная, многочисленные изменения вносились хаотично, обеспечивая решение текущих задач. Каких-либо научных работ, обосновывающих новые подходы, модели, механизмы передачи дел, критерии распределения дел между судами, последствия несоблюдения правил подсудности, не подготовлено. Имеющиеся на данный момент диссертационные исследования не сформировали целостную концепцию института подсудности, в них освещаются лишь отдельные вопросы.

Между тем в новых социально-экономических условиях потребность в такой концепции существенно возрастает. В ней должен быть найден баланс частных и публичных интересов при решении вопросов о распределении дел

²⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» // Российская газета. № 121. 30.06.1998; постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2003 № 13-П «По делу о проверке конституционности положений статей 115 и 231 ГПК РСФСР, статей 26, 251 и 253 ГПК Российской Федерации, статей 1, 21 и 22 Федерального закона “О прокуратуре Российской Федерации” в связи с запросами Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан, государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан» // Российская газета. № 150. 29.07.2003.

²⁹ Гражданский процесс : учебник для студентов выс. юрид. учеб. заведений. 5-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. В. В. Ярков. М. : Статут, 2004. С. 167.

³⁰ За рамками статьи остался вопрос о последствиях несоблюдения правил подсудности как основания для отмены судебного решения, по которому Верховный Суд РФ принимал диаметрально противоположные решения: от признания данной ошибки в качестве безусловного основания для отмены решения как нарушающего ст. 47 Конституции РФ до квалификации в качестве условного основания для отмены решения, поставленного в зависимость от процессуального поведения сторон в суде первой инстанции

между различными судами, об учете интересов участвующих в деле лиц при возникновении вопросов о соблюдении правил выбора надлежającego суда; разработан универсальный механизм передачи дел; внесена ясность о допустимости и границах соглашения о подсудности; определены в современных реалиях критерии малозначительности дел для определения подсудности мировых судей; комплексно пересмотрены основания альтернативной подсудности; проверена обоснованность существования исключительной подсудности с учетом развития информационных технологий и государственных информационных систем, проведен анализ эффективности и допустимости введения правила «единого окна» при подаче обращений в суды³¹, а также дан ответ в целом о значении института подсудности на современном этапе развития гражданского процессуального права.

Следующий вопрос, требующий теоретической проработки, — это определение содержания института подсудности. Анализ нормативных изменений показывает, что в ГПК РФ и АПК РФ содержится массив разнородных процессуальных норм, на основе которых определяется не только суд первой инстанции для рассмотрения дела по существу, но и суд проверочной инстанции, компетентный суд иностранной или российской юрисдикции, а также надлежající суд для решения иных (частных) вопросов по делу.

Все ли эти нормы образуют единый институт подсудности? Или перед нами различные правовые образования? Эти вопросы не являются абстрактными, сугубо теоретическими, поскольку включение процессуальных норм в единый правовой институт предполагает подчинение их общим принципам и методам правового регулирования, внутреннее согласование, установление механизма реализации, включая последствия несоблюдения, а также влияет на определение места в структуре кодексов.

Разработка обозначенных концептуальных положений института подсудности позволит в дальнейшем провести классификацию видов и критериев подсудности, а также ответить на другие частные вопросы. Многочисленные публикации, а также разнообразные точки зрения, изложенные в учебниках по гражданскому процессу, изданных после 2018 г., свидетельствуют об отсутствии единства в отношении как терминологии, так и в оценки изменений.

Изменения в институте подсудности явились отражением значительных перемен в политико-правовом, территориальном устройстве нашей страны, отразили перемены в социальной и экономической сферах. И это, безусловно, является объективной предпосылкой совершенствования процессуального законодательства и стимулом для развития науки гражданского процессуального права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гражданский процесс : учебник / под ред. М. С. Шакарян. — М. : Юрид. лит., 1993. — 560 с.
2. Гражданский процесс : учебник / отв. ред. В. В. Ярков. — М. : Бек, 1999. — 624 с.
3. Клейнман А. Ф. Основные вопросы кодификации советского гражданского процессуального права // Избранные труды. Т. 2. — СПб. : Изд. дом Р. Асланова «Юридический центр», 2009. — 816 с.

(п. 56 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Российская газета. № 144. 02.07.2021).

³¹ Интересен опыт Республики Казахстан о введении правила экстерриториальной подсудности, согласно которому по соглашению сторон ИТ-система сама распределяет поступившее дело в суд (ст. 32 ГПК РК в редакции Закона Республики Казахстан от 20.12.2021 № 84-VII ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования гражданского процессуального законодательства и развития институтов внесудебного и досудебного урегулирования споров»), правило вступило в силу с 1 августа 2022 г.

4. Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. — М. : Норма, 2008. — 752 с.
5. Шакарян М. С. Некоторые новые положения гражданского процессуального права по ГПК союзных республик // Избранные труды. — СПб. : Изд. дом Р. Асланова «Юридический центр», 2014.
6. Шакарян М. С. Проблемы совершенствования правосудия по гражданским делам и гражданского процессуального законодательства в современный период // Избранные труды. — СПб. : Изд. дом Р. Асланова «Юридический центр», 2014. — С. 181–200.
7. Шакарян М. С. Вопросы юридических гарантий применения норм гражданского процессуального права // Избранные труды. — СПб. : Изд. дом Р. Асланова «Юридический центр», 2014. — 880 с.

Материал поступил в редакцию 1 ноября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Grazhdanskiy protsess: uchebnik / pod red. M. S. Shakaryan. — M.: Yurid. lit., 1993. — 560 s.
2. Grazhdanskiy protsess: uchebnik / otv. red. V. V. Yarkov. — M.: Bek, 1999. — 624 s.
3. Kleynman A. F. Osnovnye voprosy kodifikatsii sovetskogo grazhdanskogo protsessualnogo prava // Izbrannye trudy. T. 2. — SPb.: Izd. dom R. Aslanova «Yuridicheskiy tsentr», 2009. — 816 s.
4. Osokina G. L. Grazhdanskiy protsess. Obshchaya chast. — M.: Norma, 2008. — 752 s.
5. Shakaryan M. S. Nekotorye novye polozheniya grazhdanskogo protsessualnogo prava po GPK soyuznykh respublik // Izbrannye trudy. — SPb.: Izd. dom R. Aslanova «Yuridicheskiy tsentr», 2014.
6. Shakaryan M. S. Problemy sovershenstvovaniya pravosudiya po grazhdanskim delam i grazhdanskogo protsessualnogo zakonodatelstva v sovremennyy period // Izbrannye trudy. — SPb.: Izd. dom R. Aslanova «Yuridicheskiy tsentr», 2014. — S. 181–200.
7. Shakaryan M. S. Voprosy yuridicheskikh garantiy primeneniya norm grazhdanskogo protsessualnogo prava // Izbrannye trudy. — SPb.: Izd. dom R. Aslanova «Yuridicheskiy tsentr», 2014. — 880 s.

Современный взгляд на состав лиц, участвующих в деле, в трудах М. С. Шакарян

Аннотация. В статье рассмотрены основные научные труды Марии Сумбатовны Шакарян, посвященные проблеме субъектов гражданского процессуального права. Характеризуется эволюция взглядов автора на определение понятия «лица, участвующие в деле», определяются критерии их разграничения, а также объединяющие признаки. На основе анализа многочисленных трудов М. С. Шакарян утверждается, что автор различал понятия «субъект гражданского процессуального права» и «субъект гражданского процессуального правоотношения», что являлось существенным аспектом в определении состава лиц, участвующих в деле. Особое внимание в статье уделяется полемике Марии Сумбатовны Шакарян с другими юристами по вопросам состава субъектов процессуальных правоотношений и влияния на него материально-правовых отношений. В статье подчеркивается роль Марии Сумбатовны Шакарян в разработке гражданского процессуального законодательства СССР и союзных республик, отмечаются различные подходы к определению состава лиц, участвующих в деле, в ГПК союзных республик.

Ключевые слова: субъект гражданского процессуального права; субъект гражданского процессуального правоотношения; надлежущая сторона; юридический интерес; лицо, участвующее в деле; прокурор в гражданском процессе; защита чужого интереса; гражданское процессуальное законодательство СССР и союзных республик; принцип диспозитивности; судебные представители.

Для цитирования: Фомина О. Ю. Современный взгляд на состав лиц, участвующих в деле, в трудах М. С. Шакарян // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 2. — С. 90–96. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.090-096.

A Modern View on Persons Involved in a Case in the Works of M.S. Shakaryan

Olga Yu. Fomina, Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer, Department of Civil and Administrative Court Proceedings, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
oyufomina@msal.ru

Abstract. The paper examines the main scientific works by Maria Sumbatovna Shakaryan, devoted to the problem of subjects in civil procedural law. The evolution of the author's views on the definition of the concept of «persons involved in a case» is characterized, the criteria for their delimitation, as well as unifying features are determined. Based on an analysis of numerous works by M.S. Shakaryan, it is argued that the author distinguished between the concepts of «subject of civil procedural law» and «subject of civil procedural legal relations,» which was an essential aspect in determining the persons involved in a case. The paper gives particular attention to the polemics of Maria Sumbatovna Shakaryan with other lawyers on the subjects of procedural legal relations and the way

© Фомина О. Ю., 2024

* Фомина Ольга Юрьевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
oyufomina@msal.ru

substantive legal relations influence them. The paper emphasizes the role of Maria Sumbatovna Shakaryan in the development of civil procedural legislation in the USSR and the Union republics, and notes different approaches to determining the persons involved in a case in the Civil Procedure Code of the Union republics.

Keywords: subject of civil procedural law; subject of civil procedural legal relations; proper party; legal interest; person involved in a case; prosecutor in civil proceedings; protecting the interests of others; civil procedural legislation in the USSR and union republics; principle of dispositivity; judicial representatives.

Cite as: Fomina OYu. A Modern View on Persons Involved in a Case in the Works of M.S. Shakaryan. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(2):90-96. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.090-096.

Одной из центральных тем научного интереса Марии Сумбатовны Шакарян были вопросы субъектного состава гражданского процессуального правоотношения, которые наиболее полно нашли свое отражение в положениях диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук.

Научная дискуссия о надлежащем составе лиц, участвующих в деле, в гражданском процессе продолжается и по сей день, что подтверждает бессмертность научного наследия Марии Сумбатовны¹, поскольку риск отмены судебного решения как незаконного и необоснованного нередко обусловлен неправильным определением процессуального положения участников правоотношения.

Мария Сумбатовна внесла значительный вклад в разработку гражданского процессуального законодательства, в частности по вопросам определения надлежащего состава лиц, участвующих в деле, и наделения их соответствующими процессуальными правами, одновременно борясь за чистоту юридических понятий в науке.

Определяя субъектов гражданского процессуального правоотношения, автор обоснованно начинала рассуждения с разграничения понятий «субъект гражданского процессуального права» и «субъект гражданского процессуального

правоотношения»², понимая под «субъектом права — признанного нормами гражданского процессуального права *потенциального* носителя процессуальных прав и процессуальных обязанностей», а под «субъектом правоотношения — *лицо, занимающее* в процессе по конкретному делу *определенное процессуальное положение* (стороны, третьи лица и др.)»³. По причине идентичности состава субъектов Мария Сумбатовна отстаивала позицию о тождественности понятий «субъект процессуальных отношений», «лица, участвующие в процессе» и «субъекты процессуальной деятельности» в одной из своих знаковых работ⁴.

Говоря о процессуальном правоотношении, Мария Сумбатовна подчеркивала, что все лица, участвующие в процессе, являются субъектами процессуального отношения, в котором одной стороной всегда является суд⁵ (и должностные лица суда), а с другой стороны находятся все иные участники процесса, среди которых особое место отводилось лицам, участвующим в деле.

Выделяя лиц, участвующих в деле, из круга субъектов гражданского процессуального правоотношения, Мария Сумбатовна анализировала сущность юридического интереса и его характер применительно к отдельным участникам⁶. Она разграничивала личный интерес

¹ См.: Фомина О. Ю. Трансформация процессуального положения лиц, участвующих в деле, в гражданском судопроизводстве. М., 2018. С. 4.

² Шакарян М. С. Понятие субъектов советского гражданского процессуального права и правоотношения и их классификация // Труды ВЮЗИ. М., 1971. Т. 17. С. 70–165.

³ Шакарян М. С. Понятие субъектов советского гражданского процессуального права и правоотношения и их классификация. С. 74.

⁴ Шакарян М. С. Понятие субъектов советского гражданского процессуального права и правоотношения и их классификация. С. 74.

⁵ Шакарян М. С. Понятие субъектов советского гражданского процессуального права и правоотношения и их классификация. С. 108.

и интерес общественный, а также материальный и процессуальный юридический интерес. Автором отмечалась важность «практического, а не абстрактного подхода к определению юридического интереса того или иного субъекта»⁷, различая потребность и форму удовлетворения потребности.

Юридический интерес Мария Сумбатовна раскрывала как ожидаемый положительный правовой результат, потребность в защите своего нарушенного или оспариваемого материального права, в то время как удовлетворить названную потребность способно лишь решение суда, «процессуальный интерес к которому имеют все участвующие в деле лица»⁸.

Рассуждая о предпосылках права на предъявление иска, автор с сомнением описывала юридический интерес в качестве такового, обосновывая это тем, что из искового заявления на этапе принятия можно лишь предполагать, имеется ли та или иная заинтересованность у обращающегося в суд лица, или же она отсутствует⁹. Предполагается, что определенность в вопросе наличия или отсутствия заинтересованности может быть установлена лишь в итоговом решении суда по делу. При этом возможны ситуации, когда суд устанавливает незаинтересованность истца при наличии заинтересованности ответчика в вынесении решения об отказе в удовлетворении исковых требований¹⁰.

Из изложенного следует заключение, что недопустим сценарий отказа в принятии заявления при установлении незаинтересованности

истца, поскольку в рассматриваемой ситуации не исключается заинтересованность других лиц, участвующих в деле. Представляется, что из названного правила исключением может быть лишь случай очевидного и несомненного отсутствия юридического интереса у лица, например при обращении в суд с требованием о расторжении чужого брака.

Изначально, в 1957 г., понятие лиц, участвующих в деле, было сформулировано так: «это участники процесса, имеющие самостоятельный юридический интерес (личный или общественный) к его исходу; действующие в процессе от своего имени; имеющие право на совершение процессуальных действий, направленных на движение процесса»¹¹. Далее авторская дефиниция несколько меняется: «это те участники процесса, которые имеют право на совершение действий (волеизъявлений), направленных на возникновение, развитие и окончание процесса»¹².

Следует осветить критику Марии Сумбатовны на определение некоторыми ГПК союзных республик места представителей среди участников процессуальных правоотношений (например, ГПК Белорусской ССР, Эстонской ССР, Латвийской ССР и некоторыми другими), которые в состав лиц, участвующих в деле, включали представителей сторон и третьих лиц. Таким образом, перечисленные кодексы закрепляли в составе лиц, участвующих в деле, тех, кто осуществляет в процессе права других лиц от их имени и в их интересах. При этом подход к наделению пред-

⁶ Советский гражданский процесс : учеб. пособие / отв. ред. М. А. Гурвич. М., 1967. С. 62.

⁷ Цит. по: Фомина О. Ю. Шакарян Мария Сумбатовна о процессуальном положении лиц, участвующих в деле // Право. Законодательство. Личность. 2017. № 2 (25). С. 72.

⁸ Цит. по: Фомина О. Ю. Шакарян Мария Сумбатовна о процессуальном положении лиц, участвующих в деле. С. 73.

⁹ По этому вопросу Мария Сумбатовна дискутировала с Маргаритой Андреевной Виду, которая утверждала, что отсутствие юридической заинтересованности является основанием для отказа в принятии заявления, а отсутствие интереса у ответчика является основанием непривлечения его в процесс и прекращения производства по делу (Виду М. А. Стороны — основные лица искового производства. Саратов, 1968. С. 9–12).

¹⁰ Гурвич М. А. Право на иск. М. — Л., 1949. С. 77–78.

¹¹ Шакарян М. С. Субъекты гражданского процессуального правоотношения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1972. С. 21.

¹² Советское гражданское процессуальное право : учеб. пособие / отв. ред. М. А. Гурвич. М., 1964. С. 73.

ставителей процессуальными правами решался одинаково во всех процессуальных кодексах союзных республик¹³. На сегодняшний день также наиболее правильным представляется подход о выделении представителя в отдельную группу субъектов процессуального правоотношения, учитывая сущность его участия в деле, не совпадающую с иными участниками процесса.

М. С. Шакарян состав лиц, участвующих в деле, определяла следующим образом: стороны, третьи лица (заявляющие и не заявляющие самостоятельных требований), прокурор, а также органы государственного управления, профсоюзы, учреждения, предприятия, организации и отдельные граждане, защищающие права других лиц¹⁴, заявители и заинтересованные лица в особом производстве. Причем последних автор обоснованно именовала «сторонами»¹⁵, что не являлось каким-либо противоречием по сути их участия.

Одной из наиболее ярких точек соприкосновения процесса и материально-правовых отношений, безусловно, является влияние последних на формирование состава участников процессуального правоотношения¹⁶. В то же время было бы в корне неверным трактовать понимание сторон в деле исключительно как субъектов спорных материальных правоотношений¹⁷. Мария Сумбатовна отмечала, что «по сути своей стороны в гражданском процессе являются институтом процессуального права, и в определении стороны не может не учитываться процессуальный аспект»¹⁸. Безусловно, процессуальные правоотношения не могут определяться только наличием (отсутствием) материальных правоотношений, поскольку сто-

ронами становятся те субъекты, спор о праве которых конкретный суд должен разобрать и разрешить¹⁹.

Акцентируя внимание на характере юридического интереса, Мария Сумбатовна проводила четкое разграничение личного и общественного интереса лиц, участвующих в деле, отмечая отсутствие у прокурора и органов государственного управления материально-правового юридического интереса.

В работах автора использовалось словосочетание «истец в процессуальном смысле»²⁰, когда рассматривались проблемные аспекты участия прокурора и иных лиц, выступающих в процессе от своего имени, но в чужом интересе. Автором подчеркивалось, что такое участие является лишь формой надлежащего осуществления ими своих функций по защите прав других лиц и одновременно надзора за судебной деятельностью (говоря о прокуроре). Интерес органов государственного управления, учреждений, организаций и отдельных граждан, защищающих права других лиц, определяется задачами, возложенными на них в определенной сфере их компетенции²¹. Поэтому невозможно подмена «материального» истца в процессе «процессуальным».

Таким образом, определяя относимость того или иного субъекта процессуального отношения к лицам, участвующим в деле, необходимо соотнести характер юридического интереса и необходимый объем процессуальных прав и обязанностей. И если для сторон, третьих лиц, заявителей и заинтересованных лиц характерны обе составляющие юридического интереса (и материально-правовая, и процессуально-пра-

¹³ Советский гражданский процесс : учеб. пособие / отв. ред. М. А. Гурвич. М., 1967. С. 63.

¹⁴ Шакарян М. С. Субъекты советского гражданского процессуального права. С. 118–212.

¹⁵ Шакарян М. С. Избранные труды. СПб., 2014. С. 631.

¹⁶ Шакарян М. С. Понятие субъектов советского гражданского процессуального права и правоотношения и их классификация. С. 112.

¹⁷ Шакарян М. С. Субъекты советского гражданского процессуального права. С. 120.

¹⁸ Фомина О. Ю. Шакарян Мария Сумбатовна о процессуальном положении лиц, участвующих в деле. С. 75.

¹⁹ Советский гражданский процесс : учеб. пособие. С. 79.

²⁰ Шакарян М. С. Субъекты советского гражданского процессуального права. С. 35.

²¹ Шакарян М. С. Субъекты гражданского процессуального правоотношения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1972. С. 36.

вовая), то для прокурора — только процессуальная, в связи с чем ставить в один ряд субъектов с такими разными по содержанию юридическими интересами представляется не совсем корректным. Юридический интерес прокурора в конкретном деле формируется исходя из задач деятельности прокуратуры как системы государственных органов.

В этой связи видится необходимым и обоснованным выделение прокурора и иных лиц, выступающих в процессе от своего имени, но в защиту чужих интересов, в отдельную группу участников процесса, поскольку их юридический интерес существенно отличается от интереса сторон, третьих лиц, заявителей и заинтересованных лиц по делам особого производства (отсутствует материально-правовая составляющая). Указанные субъекты не связаны с материально заинтересованным истцом, действуют самостоятельно, не замещая его.

В науке встречаются попытки разграничить характер юридического интереса прокурора в зависимости от того, в чьих именно интересах он обращается в суд. Е. В. Михайлова отстаивает позицию, согласно которой прокурор является «полноценной» стороной в деле и обладает материально-правовой заинтересованностью в случае защиты в суде интересов публично-правовых образований и неопределенного круга лиц. При этом автор использует конструкцию участия прокурора «от имени и в интересах государства», что смешивает случаи участия прокурора от своего имени (по ст. 45 ГПК РФ или ст. 52 АПК РФ) и представительства государства (когда оно является субъектом спорного материального правоотношения)²².

Стоит согласиться с авторами, полагающими, что по логике законодателя «прокурор» скорее

именно процессуальное положение, а не должность конкретного лица, участвующего в деле²³.

Кроме того, на первый взгляд одинаковые процессуальные права также имеют свою специфику в применении. Например, прокурор наделен законодателем правом на отказ от иска, но он не вправе реализовывать его исходя исключительно из своего желания, как это может делать истец. Представляется, что отказ от иска допустим только в ситуациях, когда либо произошло добровольное удовлетворение требований материального истца, либо в процессе рассмотрения дела в суде отпали предусмотренные законом основания для участия прокурора и иных лиц, обращающихся в суд для защиты чужого интереса, либо стало очевидным изначальное отсутствие таких оснований (ошибочное обращение в суд).

Принцип диспозитивности существенно отличается по своему содержанию при отказе истца от иска и прокурора, государственных органов, органов местного самоуправления, организаций и граждан, выступающих в процессе в защиту чужих интересов.

При этом представляется обоснованной позиция М. С. Шакарян о том, что важнее не определиться с термином, а выявить роль, которую выполняют в процессе те или иные лица²⁴. Однако нельзя согласиться с утверждением, что, предъявляя иск, прокурор и государственные органы «становятся активными истцами, выполняющими все процессуальные функции, свойственные истцу»²⁵, поскольку в таком случае происходит смешение двух различных процессуальных статусов.

В этой связи видится правильным переименование главы 4 ГПК РФ в «Лица, участвующие в деле, и другие участники процесса» с учетом

²² Михайлова Е. В. Некоторые проблемы участия прокурора в цивилистическом процессе // Пролог : журнал о праве. 2023. № 2. С. 76.

²³ Шеменева О. Н. Прокурор как лицо, участвующее в деле, в гражданском и административном судопроизводстве // Журнал административного судопроизводства. 2022. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prokuror-kak-litso-uchastvuyushchee-v-dele-v-grazhdanskom-i-administrativnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 01.11.2023).

²⁴ Шакарян М. С. Избранные труды. С. 784.

²⁵ Добровольский А. А. Исковая форма защиты права. Основные вопросы учения об иске. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1965. С. 46–47.

различного по сути и содержанию процессуального положения лиц, с одной стороны обладающих только процессуальной заинтересованностью к исходу дела, а с другой — характеризующихся как материальной, так и процессуальной составляющими юридического интереса. При этом логика законодателя в переименовании главы, к сожалению, свелась к добавлению ст. 47.1 «Помощник судьи», которая резко кон-

трастирует со всеми остальными нормами указанной главы и выбивается из ее смысла.

Таким образом, значение научной деятельности Марии Сумбатовны и ее результатов для законодательства недооценить невозможно, поскольку, несмотря на все изменения и дополнения процессуального законодательства, абсолютное большинство заключений автора не утратило актуальности по сей день.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гурвич М. А. Право на иск / отв. ред. А. Ф. Клейнман. — М. — Л. : Изд-во АН СССР, 1949. — 216 с.
2. Джалилов Д. Р. Правовое положение лиц, участвующих в гражданском деле. — Душанбе : РИКО Тадж. ун-та, 1962. — С. 32–76.
3. Добровольский А. А. Исковая форма защиты права. Основные вопросы учения об иске. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1965. — 190 с.
4. Михайлова Е. В. Некоторые проблемы участия прокурора в цивилистическом процессе // Пролог : журнал о праве. — 2023. — № 2. — С. 71–77.
5. Советский гражданский процесс : учеб. пособие / отв. ред. М. А. Гурвич. — М. : Высшая школа, 1967. — 435 с.
6. Советское гражданское процессуальное право : учеб. пособие / отв. ред. М. А. Гурвич. — М. : Высшая школа, 1964. — 536 с.
7. Фомина О. Ю. Трансформация процессуального положения лиц, участвующих в деле, в гражданском судопроизводстве. — М. : Юрлитинформ, 2018. — 144 с.
8. Фомина О. Ю. Шакарян Мария Сумбатовна о процессуальном положении лиц, участвующих в деле // Право. Законодательство. Личность. — 2017. — № 2 (25). — С. 70–76.
9. Чечина Н. А. Гражданские процессуальные правоотношения. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. — 68 с.
10. Чечот Д. М. О бесспорном не спорят // Известия. — 1966. 17 июля.
11. Шакарян М. С. Возбуждение гражданского дела в защиту чужих интересов // Советская юстиция. — 1971. — № 13. — С. 19–20.
12. Шакарян М. С. Понятие и состав лиц, участвующих в гражданских делах // Труды ВЮЗИ. Т. 16, ч. 2. — М., 1970. — С. 160–195.
13. Шакарян М. С. Понятие субъектов советского гражданского процессуального права и правоотношения и их классификация // Труды ВЮЗИ. Т. 17. — М., 1971. — С. 70–165.
14. Шакарян М. С. Соучастие по советскому гражданскому процессуальному праву // Вопросы науки советского гражданского процессуального права. Труды ВЮЗИ. Т. 38. — М., 1975. — С. 103–123.
15. Шакарян М. С. Субъекты гражданского процессуального правоотношения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1972. — 42 с.
16. Шакарян М. С. Субъекты советского гражданского процессуального права. — М., 1970. — 214 с.
17. Шакарян М. С. Третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований // Советская юстиция : Журнал Верховного Суда РСФСР и Юридической комиссии Совета министров РСФСР. — 1966. — № 19.
18. Шакарян М. С. Избранные труды. — СПб. : Изд. дом Р. Асланова «Юридический центр», 2014. — 880 с.
19. Шеменева О. Н. Прокурор как лицо, участвующее в деле, в гражданском и административном судопроизводстве // Журнал административного судопроизводства. — 2022. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prokuror-kak-litso-uchastvuyushee-v-dele-v-grazhdanskom-i-administrativnom-sudoproizvodstve>.

20. Щеглов В. Н. Гражданское процессуальное правоотношение : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Томск, 1968. — 36 с.
21. Элькин П. С. Правоотношения в советском уголовном процессе // Вестник Ленинградского университета. Серия экономики, философии и права. — 1959. — № 5. — С. 29–34.

Материал поступил в редакцию 1 ноября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gurvich M. A. Pravo na isk / otv. red. A. F. Kleynman. — M. — L.: Izd-vo AN SSSR, 1949. — 216 s.
2. Dzhailov D. R. Pravovoe polozhenie lits, uchastvuyushchikh v grazhdanskom dele. — Dushambe: RIKO Tadz. un-ta, 1962. — S. 32–76.
3. Dobrovolskiy A. A. Iskovaya forma zashchity prava. Osnovnye voprosy ucheniya ob iske. — M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1965. — 190 s.
4. Mikhaylova E. V. Nekotorye problemy uchastiya prokurora v tsivilisticheskoy protsesse // Prolog: zhurnal o prave. — 2023. — № 2. — S. 71–77.
5. Sovetskiy grazhdanskiy protsess: ucheb. posobie / otv. red. M. A. Gurvich. — M.: Vysshaya shkola, 1967. — 435 s.
6. Sovetskoye grazhdanskoye protsessualnoye pravo: ucheb. posobie / otv. red. M. A. Gurvich. — M.: Vysshaya shkola, 1964. — 536 s.
7. Fomina O. Yu. Transformatsiya protsessualnogo polozheniya lits, uchastvuyushchikh v dele, v grazhdanskom sudoproizvodstve. — M.: YurLitinform, 2018. — 144 s.
8. Fomina O. Yu. Shakaryan Mariya Sumbatovna o protsessualnom polozhenii lits, uchastvuyushchikh v dele // Pravo. Zakonodatelstvo. Lichnost. — 2017. — № 2 (25). — S. 70–76.
9. Chechina N. A. Grazhdanskoye protsessualnoye pravootnosheniya. — L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1962. — 68 s.
10. Chehot D. M. O besspornom ne sporyat // Izvestiya. — 1966. 17 iyulya.
11. Shakaryan M. S. Vozbuzhdeniye grazhdanskogo dela v zashchitu chuzhikh interesov // Sovetskaya yustitsiya. — 1971. — № 13. — S. 19–20.
12. Shakaryan M. S. Ponyatie i sostav lits, uchastvuyushchikh v grazhdanskikh delakh // Trudy VYuZl. T. 16, ch. 2. — M., 1970. — S. 160–195.
13. Shakaryan M. S. Ponyatie subektov sovetskogo grazhdanskogo protsessualnogo prava i pravootnosheniya i ikh klassifikatsiya // Trudy VYuZl. T. 17. — M., 1971. — S. 70–165.
14. Shakaryan M. S. Souchastie po sovetskomu grazhdanskomu protsessualnomu pravu // Voprosy nauki sovetskogo grazhdanskogo protsessualnogo prava. Trudy VYuZl. T. 38. — M., 1975. — S. 103–123.
15. Shakaryan M. S. Subekty grazhdanskogo protsessualnogo pravootnosheniya: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 1972. — 42 s.
16. Shakaryan M. S. Subekty sovetskogo grazhdanskogo protsessualnogo prava. — M., 1970. — 214 s.
17. Shakaryan M. S. Treti litsa, ne zayavlyayushchie samostoyatelnykh trebovaniy // Sovetskaya yustitsiya: Zhurnal Verkhovnogo Suda RSFSR i Yuridicheskoy komissii Soveta ministrov RSFSR. — 1966. — № 19.
18. Shakaryan M. S. Izbrannyye trudy. — SPb.: Izd. dom R. Aslanova «Yuridicheskiy tsentr», 2014. — 880 s.
19. Shemenyeva O. N. Prokuror kak litso, uchastvuyushcheye v dele, v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve // Zhurnal administrativnogo sudoproizvodstva. — 2022. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prokuror-kak-litso-uchastvuyushcheye-v-dele-v-grazhdanskom-i-administrativnom-sudoproizvodstve>.
20. Shcheglov V. N. Grazhdanskoye protsessualnoye pravootnosheniye: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — Tomsk, 1968. — 36 s.
21. Elkind P. S. Pravootnosheniya v sovetskom ugovnom protsesse // Vestnik Leningradskogo universiteta. Seriya ekonomiki, filosofii i prava. — 1959. — № 5. — S. 29–34.

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.097-103

И. И. Черных*

Философский смысл гражданского процесса

Аннотация. Статья затрагивает общетеоретические положения права и гражданского процесса, изложенные в одной из научных работ профессора М. С. Шакарян. Основой для оценки указанных воззрений является онтологический подход к определению смысла существования как философской категории, неразрывно связанной с моментной бытийностью, представляемой в качестве грани проекции личного и общественного опыта в будущее. Опора на бытийную трактовку категории смысла в указанном подходе помогает выявить философское содержание гражданского процесса, оценить роль и значение для судебного правоприменения в гражданских спорах такого феномена, как ошибка. Раскрываются сущностные черты этого явления, привлекается внимание к различию природы ошибки стороны в гражданском процессе и ошибки суда, сравниваются определяющиеся бытийностью феномены гражданского права и уголовного процесса с ошибкой как феноменом гражданского процесса. Обосновывается подход к рассмотрению решения суда как переломного момента трансформации объективно исследованного личного опыта в подтвержденный общественный.

Ключевые слова: категория смысла; бытие; гражданский процесс; ошибка; защита права; процессуальная форма; научная школа; материальное право; процессуальное право; доверие в праве; общественный опыт.

Для цитирования: Черных И. И. Философский смысл гражданского процесса // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 2. — С. 97–103. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.097-103.

Philosophical Meaning of Civil Proceedings

Irina I. Chernykh, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil and Administrative Court Proceedings, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
iichernykh@msal.ru

Abstract. The paper touches upon the general theoretical provisions of law and civil proceedings, set out in one of the scientific works of Professor M.S. Shakaryan. The basis for assessing these views is an ontological approach to defining the meaning of existence as a philosophical category inextricably linked with momentary existence, presented as a facet of the projection of personal and social experience into the future. Reliance on the existential interpretation of the category of meaning in this approach helps to identify the philosophical content of civil proceedings, assess the role and significance of such a phenomenon as error for judicial enforcement in civil disputes. The essential features of this phenomenon are revealed, attention is drawn to the difference in the nature of a party's mistake in a civil proceeding and a court's mistake, the phenomena of civil law and criminal proceedings determined by existence are compared with an error as a phenomenon of civil proceedings. The approach to considering a court decision as a turning point in the transformation of objectively studied personal experience into confirmed public experience is substantiated.

© Черных И. И., 2024

* Черных Ирина Ильинична, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
iichernykh@msal.ru

Keywords: category of meaning; being; civil proceedings; error; protection of rights; procedural form; school of thought; substantive law; procedural law; trust in law; social experience.

Cite as: Chernykh II. Philosophical Meaning of Civil Proceedings. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(2):97-103. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.097-103.

Если говорить об архетипе ученого, мудреца, то для бытового сознания — это, пожалуй, литературный образ Паганеля, человека одержимого и вследствие того до нелепости отрешенного от всего мешающего научному познанию. Для профессиональной среды человек, являющийся образцом ученого, как правило, воплощает в себе сочетание разнообразных достижений: плодотворного участия в обучении студентов, т.е. чтения лекций, подготовки учебников и т.д.; создания значимой научной школы, когда основополагающие взгляды ученого разделяются и развиваются коллегами и последователями, чаще всего это сопряжено с осуществлением не только научного, но и административного руководства структурными или обособленными коллективами; наконец, собственно научной деятельности — продуктивных исследований в избранной области.

Мария Сумбатовна Шакарян была и остается одним из наиболее заметных лиц советского и российского гражданского процесса. Все вышеперечисленные направления деятельности ученого нашли отражение в ее работе, в ее жизни. Если говорить патетически, привлекая в помощь часто употребляемое выражение «высокого штиля», можно заключить, что ее служение науке было наполнено высоким смыслом. И это хороший повод поговорить о смысле, о том, каков он по отношению к жизни и работе ученого и как смысл человеческого бытия отражается в науке вообще, в науке гражданского процесса и исследуемой ею области социальных отношений.

Смысл, особенно если иметь в виду смысл бытия, является категорией насколько очевидной, настолько же и трудноуловимой, легко выходящей за рамки любой общефилософской дуалистической ловушки. Форма и содержание, материальное и идеальное, бытие и познание, личность и общество, логика и метафизика — все эти дуалистически-уравновешенные подходы к выявлению категории смысла в той или иной мере подводят к отождествлению смысла

с целью или ценностью (либо с обеими вместе), но одновременно и оставляют очевидное в понимании: полностью отождествить смысл ни с целью, ни ценностью не получится. И тот и другой варианты раскрытия смысла основываются на постулате свободы воли. Когда мы отделяем собственно бытие от представлений по поводу бытия, замешанных на возможности выбирать. То есть возникает проект (представление о бытии) и инструмент (собственно бытие), который должен позволить воплотить проект. Очевидно, что в этом случае проявляется огромный дефицит внимания к смыслу как неизбежному, как состоянию, как характеристике пребывания в бытии. В бытии понятийно, логически выделяется, существует тот момент, который можно назвать «прямо сейчас», секундное существование, в котором только и возможен чувственный опыт. Каждое мгновение, проходя, уносит с собой звуки, вкусы, ароматы, превращая их в воспоминания. В силу способностей к абстрактному мышлению и возможности вызывать воспоминания, которыми наделен человек, его «прямо сейчас» становится постоянной точкой перелома, фокусным центром, проходя через который память трансформируется в планы, в видение личного и общего будущего. Хотел бы того человек или нет, но до тех пор, пока интеллект его физиологически не угас, он, словно Сизиф, обречен это делать. Вечное состояние осмысления и переосмысления бытия неизбежно. И в силу этой неизбежности оно не может быть сведено к одним только волевым аспектам, субъективным шаблонам ценностей и целей, хотя они, включаясь в предвидение, задают его направленность.

Если же снова говорить об обобщенной фигуре большого ученого и о смысле ее бытийности, о постоянной работе чрезвычайно развитого интеллекта, то явление «высокого смысла» получает вполне очевидное разъяснение. Человек, как правило, уже немолодой, встретивший на своем пути многих личностей разнообразного

склада и типа мышления, в том числе научного, ознакомившийся с огромным количеством идей и их аргументаций, относящихся к определенной области знаний, приобретает колоссальный социальный и профессиональный опыт. В силу этого обстоятельства переработанная его сознанием информация, анализ, проводимый как целенаправленно, так и подспудно, синтезируется в научном прогнозе, точке обзора с максимально широким углом. То есть при совпадении необходимых и достаточных условий, относящихся к уровню интеллекта, способности социального взаимодействия, состояния здоровья, наконец, вероятность изучения таким специалистом фундаментальных проблем в своей области, а не проведения фрагментарных исследований частных вопросов многократно повышается. Для ученого стремительно сокращается то индивидуальное расстояние, на котором «видится большое». Вместе с этим растет и объективное значение бытийности конкретного человека, поскольку уровень совершенных им методологических и теоретических обобщений предполагает их востребованность в научных исследованиях, охватывающих самый широкий диапазон проблем соответствующей отрасли науки.

Возвращаясь непосредственно к фигуре профессора Шакарян, рассматривая ее работы применительно к изложенному взгляду на отражение бытийного смысла в выборе направлений научных исследований максимального охвата, в общем ряду сочинений следует отметить статью, посвященную исследованию теоретических аспектов формы, в данном случае — процессуальной формы, написанную в соавторстве с А. К. Сергун¹.

Эта работа стала критической реакцией на выход коллективной монографии «Юридиче-

ская процессуальная форма»². Вообще, исследователи обращаются к теме юридической процессуальной формы довольно часто, но, при всей опасности категоричных обобщений, хочется отметить, что эта тема в большей мере нуждается в сохранении и сбережении логически и теоретически обоснованных взглядов, нежели в попытках подойти к ней широко и обновить с размаху. Так случилось и с мнениями авторов упомянутой монографии. Лейтмотивом ее содержания стала уверенность в том, что любое расширение процессуальной формы — это уже само по себе хорошо. М. С. Шакарян и А. К. Сергун в связи с этим пришлось переосмыслить и в очередной раз формулировать очевидные, казалось бы, доводы, опирающиеся на основания гражданского процесса.

О неравнозначности и неоднородности порядка (формы), присущего правоохранительной и правоприменительной деятельности³; о независимом от обслуживаемых отраслей материального права существовании гражданского и уголовного процессуального права⁴; о том, что связь материального права с процессуальным правом не может быть сведена к простому соотношению формы и содержания, а процессуальное право — как гражданское, так и уголовное — имеет свое собственное содержание и свою форму, закрепленную нормами процессуального права⁵; о том, что наличие процедурных норм в каждой отрасли права не дает оснований для выделения специального процесса, а наличие совокупности процедурных правил в любой отрасли права не является основанием для их выделения как особых процессуальных норм, поскольку юридическая природа самостоятельных процессуальных норм не может быть сведена к процедурным правилам⁶. О том, наконец, что процессуальная форма правосу-

¹ Сергун А. К., Шакарян М. С. К вопросу о теории так называемой «юридической процессуальной формы» // Шакарян М. С. Избранные труды. СПб., 2014. С. 39–70.

² Юридическая процессуальная форма: теория и практика / под общ. ред. П. Е. Недбайло и В. М. Горшенева. М., 1976.

³ Сергун А. К., Шакарян М. С. Указ. соч. С. 41.

⁴ Сергун А. К., Шакарян М. С. Указ. соч. С. 50–51.

⁵ Сергун А. К., Шакарян М. С. Указ. соч. С. 51.

⁶ Сергун А. К., Шакарян М. С. Указ. соч. С. 57.

дия — особая форма. Это не просто порядок, урегулированный правом. Сущность процессуальной формы правосудия — в определенной системе гарантий, установленных Конституцией. Единственный орган, принципы организации и деятельности которого подробно определены Основным Законом, — это суд⁷.

Но, по-видимому, поле абстракций гражданского процесса не является легко- и общедоступным. В стремлении найти к нему простейший путь, отразив личное ощущение проблемы, доходят и до странностей, до откровенной примитивизации. «По важнейшему для авторов упомянутой монографии вопросу о разграничении материальных и процессуальных норм предлагается использовать такой критерий: если можно поставить вопрос “что?”, “что делает?” — материальная норма; если же она отвечает на вопрос “как?”, “каким образом?”, то норма — процессуальная»⁸. Нет ни малейшего желания использовать приведенную идею как повод для насмешки, потому что это всего лишь отражение дефицита подходов к иному образу мышления, мышления с позиции общесоциологической, тем не менее предполагающей ясную юридическую проекцию. Путаются в следствиях, если не видят первооснову.

С этой позиции обнаружение смысла в непрерывной бытийности, смысла как ежеминутного состояния переработки одного идеального мира (опыта) в другой (предвидение), о чем выше говорилось, применимо к социальной деятельности и продуктивно для исследования. Каким образом? Если мы говорим о постоянной точке перелома в чувственном моменте, о необходимости преодолеть перевал для желающего попасть из одной горной долины в другую, то обнаружение категории, имманентно присущей конкретной области социальной деятельности, такой идеи, которую нельзя миновать, безусловно, поможет не смешивать несмешиваемые понятия и не забывать о смысле этой социальной деятельности.

Откроем поиск указанных идей не применительно к гражданскому процессу, но в других,

ближайших к нему отраслях. Для того, чтобы придать объемность рассматриваемому ландшафту, для того, чтобы оценить место гражданского процесса в общей картине права и показать, таким образом, пороки смешения понятий.

Начнем с гражданского права. Как можно представить, как отыскать ту категорию, что является точкой преломления в гражданских правоотношениях, в которой правовой интерес вполне конкретизируется? Взглянув на систему гражданского права, его институтов под углом зрения, соответствующим поставленному заданию, нетрудно будет заметить, что искомым является доверие. Полагаем, вся цивилистика направлена на формализацию доверия в человеческом общении.

Разделы гражданского права, его институты, предлагают различные шаблоны для заблаговременного оформления доверия в различной же степени. Начиная с наивысшей степени, которая отражена в отношениях ссуды, например, или агентских, иной фидуциарной деятельности и заканчивая демонстрацией доверия в минимальной степени к участнику отношения, но проявлением доверия (скорее — уверенности в прочности и неизменности всего неодушевленного) к материальным и нематериальным объектам, что выражается в установлении вещного обременения. Конечно же, следует сказать и о вещных титулах, которые преследуют получение не только власти над выделенным имуществом, но и абсолютной защиты титула, что опять-таки характеризует восприятие всех окружающих как лиц, потенциально способных посягнуть на имущество и доверия не заслуживающих. Сердцевиной же гражданского права является большой массив детализированных личных обязательств, что демонстрирует умеренную степень доверия одного лица к другому в отношениях.

Доверие не поддается формализации во многих проявлениях жизненного круговорота, прежде всего этических, но, что касается такой его части, как гражданский оборот, здесь доверие сколь неотъемлемо от его сути в силу по-

⁷ Сергун А. К., Шакарян М. С. Указ. соч. С. 70.

⁸ Сергун А. К., Шакарян М. С. Указ. соч. С. 62.

шаговости, цикличности самого оборота, столь же и подвластно формализации, нормативному описанию пределов.

Не противоречит такому воззрению и явление деликта. Причинение вреда имущественного, морального можно рассматривать, как и злоупотребление правом, в качестве злоупотребления доверием. Наделение лица гражданским статусом, право- и дееспособностью означает получение кредита доверия от общества, что в дальнейшем в определенной части словно бы не оправдывается.

Привлекая еще одну близкую гражданскому процессу отрасль права, также сосредоточенную на судебном разрешении конфликта — уголовный процесс, можно предположить, что для него определяющей категорией является наказание, поскольку определение личного наказания есть результат оценки угрозы публичному порядку. И наказание в виде нулевого, по сути, все равно выносится даже тогда, когда на условном нулевом уровне оценивается степень общественной опасности деяния в случаях необходимой обороны или крайней необходимости. Однако лицо в статусе подсудимого объективно может и не иметь связи с деянием, содержащим признаки общественной опасности и ему инкриминируемым. Поэтому категория связи является и определяющей для отрасли уголовного процесса, и критической точкой для осмысления суда, для вынесения вердикта.

Переходя, наконец, к гражданскому процессу, казалось бы, можно утверждать, что тем явлением общественного бытия, которое воплощается отраслью, является защита или охрана, коль скоро цель судопроизводства по гражданским делам есть защита нарушенных прав и законных интересов лиц. Однако если отталкиваться от сути правопонимания, подразумевающая под ним формализацию сопоставления или столкновения опытов⁹ — общественного и личного, то выделение в интересующем нас качестве защиты будет фрагментарным

и недостаточным. Более широкое, в полной мере воплощающее идею сопоставления опытов явление — ошибка. Защита нарушенного права может быть и не осуществлена в ходе производства по делу, в процессе, но явление ошибки безусловно и обязательно в конфликте. Это утверждение можно иллюстрировать таким решением суда, которым первоначальному истцу отказывается в иске, а первоначальному ответчику отказывается во встречном иске. Что означает: права и законные интересы сторон с точки зрения суда, применительно к общественному опыту, нарушены не были, а декларированный личный опыт сторон, выраженный в исках, расценивается судом как ошибочный и не востребуемый применительно к опыту общественному. И наоборот, даже если судом удовлетворены оба иска — и первоначальный, и встречный, то наряду с защищенным от нарушения правом каждой из сторон выявляются и их ошибки.

Не противоречат высказываемому мнению и модели неисковых производств. Например, в делах особого производства, на первый взгляд, ошибочный личный опыт не фигурирует. Нет прямого столкновения с общественным. Но есть логическая изнанка ситуации: личный взгляд, мнение, воплощаемое в попытке формализации самого факта существования лица (если, например, говорить о признании умершим), может стать ошибочным общественным опытом при условии небрежного выполнения судом процессуальных требований проверки.

Прежде чем двигаться дальше в своих рассуждениях, всё же следует подробнее остановиться на понятии ошибки. Что оно воплощает в себе, какое неотъемлемое содержание?

В первую очередь ошибка близка относительно и противостоит абсолюту. Это альтернативная позиция, пусть менее убедительная или не подтвержденная опытом. Как говорил О. Шпенглер, для настоящего мыслителя нет абсолютно верных или неверных точек зрения¹⁰. Чем слож-

⁹ Об указанном типе правопонимания см.: Черных И. И. Категория законных интересов на фоне единого концепта правопонимания // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 11 (144).

¹⁰ Шпенглер О. Закат Европы. М. : Мысль, 1993. Т. 1 : Очерки морфологии мировой истории. Гештальт и действительность. С. 155.

нее явление, тем оно неоднозначнее, и даже ошибочные взгляды полнее его раскрывают.

Далее: ошибки конкурентны. Они противостоят не только результату, признанному верным, но и друг другу, т.е. помимо внешней относительности присутствует и внутренняя, когда составляющие одних заблуждений оказываются ближе других к истине. В познании как поступательном процессе, таким образом, именно сами ошибки проделывают «черновую работу», замещая одно заблуждение иным, более продуктивным.

Еще одно качество ошибки — это относительность во времени. То, что видится ошибочным в одних условиях, в изменившихся может раскрыться совсем иначе и убедительно.

Непосредственно к гражданскому процессу относится такая яркая характеристика ошибки, как позитивная направленность допущения. Участники конфликта, потенциально допуская, что значение и содержание их личного опыта будет отвергнуто и расценено судом как ошибочное, тем не менее полагают, что именно он — их личный опыт — в наибольшей мере соответствует общественному, развивает его. Иными словами, суть гражданского процесса — выявление судом ошибочности либо подтверждение личного опыта, нацеленного на согласованность с общественным. В уголовном же процессе рассматривается личный опыт, противостоящий общественному, изначально отрицающий его ценность. Для уголовного судопроизводства значение имеет не сам факт ошибки, порока, содержащегося в личном опыте. Выявление этого порока, его содержания лишь предваряет вынесение судом оценки опасности этого опыта для общественного, степени компрометации последнего, подрыва публичных устоев.

Помимо ошибки как явления обобщенного, философского, нацеленного на анализ и уяснение положений гражданского процесса как науки, нельзя не затронуть и ошибку как явление конкретное. В мире, основанном на идеях сохранения материи, которая если в одном месте убавится, то в другом прибавиться должна, можно ли быть уверенным в незначимости, в возможности бесследного исчезновения того, что признано ошибочным? Для суда, задача

которого законом сформулирована как защита нарушенного права, выявленная ошибка — это то, от чего следует оттолкнуться в анализе конфликта, а затем отбросить. Суд может по собственной инициативе осуществить анализ рассмотрения сходных дел другими судами, но не обязан это делать; может прислушаться к обращениям сторон к предшествующему судебному опыту, но не обязан это делать. Всё это вытекает из декларируемых независимости и самостоятельности суда. Ошибка стороны, таким образом, имеет формальное значение. Если право одной стороны нарушено, это означает, что другая сторона допустила ошибку. Суд концентрируется на недопущении собственной ошибки, которая состоит в том, что нарушенному праву не будет предоставлена защита, т.е. ошибка стороны в сопоставлении с возможной ошибкой суда второстепенна. Вся аналитическая деятельность судов России, все обобщения, в особенности Верховного Суда, готовящего тематические материалы, направлены в первую очередь на выявление и разбор именно судебных ошибок. Однако технологические возможности современной цивилизации уже оказались у черты, за которой осуществимо самое тщательное исследование всего массива ошибок, всех конкретных несовпадений личного и общественного опыта. Не говоря уже о значимости результатов такого исследования для законотворческой деятельности, для приближения к недоступному ранее качеству судебного правоприменения, и в общем портрете человечества благодаря этому могут проявиться невидимые ранее черты.

Основываясь на философской оценке гражданского процесса при бытийной трактовке категории смысла, учитывая присущие судебному правоприменению возможности фиксации объективно выраженного поведения и субъективных мотивов личности, правосудие по гражданским делам способно показывать личные ошибки как содержательную сторону общественной жизни, а решение суда следует рассматривать в таком контексте как переломный момент трансформации объективно исследованного личного опыта в подтвержденный общественный.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Сергун А. К., Шакарян М. С. К вопросу о теории так называемой «юридической процессуальной формы» // Шакарян М. С. Избранные труды. — СПб., 2014. — С. 39–70.
2. Черных И. И. Категория законных интересов на фоне единого концепта правопонимания // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 11 (144). — С. 43–57.
3. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1 : Гештальт и действительность. — М. : Мысль, 1993. — 663 с.
4. Юридическая процессуальная форма: теория и практика / под общ. ред. П. Е. Недбайло и В. М. Горшенева. — М. : Юрид. лит., 1976. — 278 с.

Материал поступил в редакцию 1 ноября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Sergun A. K., Shakaryan M. S. K voprosu o teorii tak nazyvaemoy «yuridicheskoy protsessualnoy formy» // Shakaryan M. S. Izbrannyye trudy. — SPb., 2014. — S. 39–70.
2. Chernykh I. I. Kategoriya zakonnykh interesov na fone edinogo kontsepta pravoponimaniya // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2022. — T. 17. — № 11 (144). — S. 43–57.
3. Shpengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii. T. 1: Geshtalt i deystvitelnost. — M.: Mysl, 1993. — 663 s.
4. Yuridicheskaya protsessualnaya forma: teoriya i praktika / pod obshch. red. P. E. Nedbaylo i V. M. Gorsheneva. — M.: Yurid. lit., 1976. — 278 s.

О поле (судебном поединке) в русском праве XV — начала XVII в.

Аннотация. Поле (судебный поединок) — процессуальный институт, известный источникам права средневековой Руси как минимум с XIII в. В течение нескольких столетий поле широко использовалось как средство доказывания и уже в XV в. было подвергнуто детальной правовой регламентации. Ряд крупных нормативных правовых актов регулировали условия и порядок проведения поединка, его юридические последствия и размер «полевых пошлин». Возможность участия в поединке также подробно регулировалась законодательством. Сохранившиеся материалы судебной практики позволяют уточнить эти сведения и утверждать, что участниками поединка могли быть не только истец, ответчик, свидетели и их «наймиты», но и судьи, рассматривавшие дело до процедуры доклада. Кроме того, в судебном поединке могли принимать участие холопы, представлявшие своих господ и не считавшиеся «наймитами». Следует также отметить, что, несмотря на негативное отношение к судебным поединкам со стороны русской церкви, от участия в поле не отказывались монахи и священнослужители. Вместе с тем актовый материал свидетельствует о понимании необъективности данного средства доказывания и постепенном снижении количества проводимых поединков, которые стали редкостью уже в XVI в., хотя окончательное исчезновение следов этого правового института из законодательства произошло только в XVII в.

Ключевые слова: поле; судебный поединок; доказательства; доказывание; судебный процесс; Московская Русь; средневековая Русь; Псковская судная грамота; Судебник 1497 г.; Судебник 1550 г.

Для цитирования: Староверова Е. В. О поле (судебном поединке) в русском праве XV — начала XVII в. // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 2. — С. 104–115. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.104-115.

On the «Field» (Trial by Combat) in Russian Law in the 15th — Early 17th Centuries

Ekaterina V. Staroverova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Legal Disciplines of the Higher School of Public Audit (Faculty), Lomonosov Moscow State University
4staroverova@mail.ru

Abstract. The «Field» (trial by combat) is a procedural institution known to the sources of law of medieval Rus' at least from the 13th century. For several centuries, the «field» was widely used as a means of proof, and was subject to detailed legal regulation as early as in the 15th century. A number of major regulatory legal acts regulated the conditions and procedure for the trial by combat, its legal consequences and the amount of «field duties». The

© Староверова Е. В., 2024

* Староверова Екатерина Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин Высшей школы государственного аудита (факультета) МГУ имени М.В.Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, Россия, 119991
4staroverova@mail.ru

possibility of participating in such a trial was also regulated by law in detail. The surviving materials of judicial practice make it possible to clarify this information and assert that the participants to the trial of combat could have been not only the plaintiff, defendant, witnesses and their «hires,» but also the judges who considered the case before the reporting procedure. In addition, slaves who represented their masters and were not considered «hiremen» could take part in a trial by combat. It should also be noted that, despite the negative attitude towards trials by combat on the part of the Russian Church, monks and clergy did not refuse to participate in the «field». At the same time, the legal papers show that they understood the bias of this means of proof and a gradual decrease in the number of fights, which became rare as early as in the 16th century, although the final disappearance of traces of this legal institution from legislation occurred only in the 17th century.

Keywords: field; trial by combat; proof; establishment of evidence; trial; Moscow Rus'; medieval Rus'; Pskov judicial charter; Law Book of 1497; Law Book of 1550.

Cite as: Staroverova EV. On the «Field» (Trial by Combat) in Russian Law in the 15th — Early 17th Centuries. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(2):104-115. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.104-115.

Поле, или судебный поединок, — это процессуальное действие, имеющее древнее происхождение и языческие корни. По определению В. И. Сергеевича, «под судебным поединком разумеется решение спора силою: кто победит из спорящих сторон, тот и считается правым»¹.

Первые упоминания о судебных поединках на Руси можно встретить у арабских писателей X в. Например, Ибн-Даста пишет: «Когда царь (т.е. князь. — Е. С.) произнесет приговор, исполняется то, что он велит; если же обе стороны приговором царя недовольны, то, по его приказанию, должны предоставить окончательное решение оружию: чей меч острее, тот и одерживает верх»². Из этого описания создается впечатление, что в древнерусском праве «поле применялось как процедура пересмотра решений князя»³. Возможно, именно поэтому современный исследователь А. М. Смирнов озаглавил свою статью так противоречиво: «Судебный

поединок в Древней Руси как вид внесудебного разбирательства»⁴.

В действительности памятники русского права, в которых упоминается поле, не дают никаких оснований полагать, что судебные поединки на Руси осуществлялись вне суда или были напрямую связаны с пересмотром судебных актов. Скорее, наоборот, решение о назначении поединка могло быть пересмотрено — по крайней мере московское право допускает «с поля со всякого пересуд» (ст. 64 Судебника 1497 г.⁵ и ст. 51 Судебника 1550 г.⁶).

Основываясь на материалах русского законодательства и судебной практики, можно утверждать, что поле представляло собой процессуальное действие, производимое в рамках судопроизводства в состязательном процессе с целью разрешения спора «при отсутствии, недостаточности или сомнительности других доказательств»⁷. Не так давно было высказано мнение, что поединок являлся прообразом судебного

¹ Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910. С. 590.

² Известия о Хозарах, Буртасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея. СПб., 1869. С. 37–38.

³ История суда и правосудия в России / отв. ред. С. А. Колунтаев, В. М. Сырых. М., 2017. Т. 1. С. 387.

⁴ Смирнов А. М. Судебный поединок в Древней Руси как вид внесудебного разбирательства // Российский судья. 2014. № 2. С. 39–41.

⁵ Судебник 1497 г. приводится по: Российское законодательство X–XX веков. Т. 2 / отв. ред. А. Д. Горский. М., 1985. С. 54–61.

⁶ Судебник 1550 г. приводится по: Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 97–128.

эксперимента и судебной экспертизы⁸, однако эти виды процессуальных действий не имеют с полем ничего общего⁹. В отличие от судебной экспертизы и следственного эксперимента, которые позволяют проверить и уточнить данные, имеющие отношение к конкретному делу, судебный поединок, как и все средневековые ордалии, «по форме и образу имеет характер случайности»¹⁰, т.е. позволяет определить победителя в судебном споре на основе произвольного фактора, непосредственно с обстоятельствами дела не связанного.

Начиная с Договора Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г., поле упоминается во множестве источников права средневековой Руси¹¹, однако наиболее подробно особенности его применения в судопроизводстве раскрываются в таких законодательных актах, как Псковская судная грамота (далее — ПСГ)¹², Судебник 1497 г. и Судебник 1550 г. Некоторые из этих особенностей (в частности, связанные с определением размера «полевых пошлин», выплачиваемых в пользу различных должностных лиц¹³) обстоятельно анализировались в научной литературе и не нуждаются в дополнительном освещении. Другие хотелось бы рассмотреть более детально.

Согласно законам, судебные поединки могли назначаться в земельных спорах, в делах о займе, хранении, «торговле и поруке» и других обязательствах из договоров, а также в делах о вырывании бороды, «бое и грабеже», «пожеге», «душегубстве», разбое и «татьбе» (ст. 10, 13, 17, 18, 20, 21, 27, 36, 92, 101, 107, 117 ПСГ, ст. 6, 7, 38, 48 Судебника 1497 г., ст. 11, 12, 15, 16, 62 Судебника 1550 г.). Впрочем, следует согласиться с мнением С. В. Пахмана: «Поединком, как и присягою, решались вообще дела, производимые формою гражданского суда (т.е. состязательного процесса. — Е. С.), без различия предметов иска»¹⁴. Это косвенно подтверждается статьей 15 Судебника 1550 г., допускающей применение поля при разноречии свидетелей «в какове деле ни буди», и прямо — материалами судебной практики. Например, подавляющее число правых грамот Московской Руси, упоминающих поле, относятся к земельным спорам, которые в Судебниках 1497 г. и 1550 г. в качестве оснований для проведения судебного поединка не называются.

В научной литературе традиционно отмечается, что в судебном поединке могли участвовать истцы, ответчики, а также свидетели — «послухи»¹⁵. Об этом прямо говорится и в законо-

⁷ Пахман С. В. О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом их развитии. М., 1851. С. 183.

⁸ Игнатенко В. А. Судебные процедуры «ордалии» и «поле» в контексте правовой культуры древнерусского общества как прообразы судебных экспериментов и экспертиз: теоретико-правовой аспект // Формирование правовой культуры молодежи в условиях современной образовательной среды : материалы региональной (межвузовской) науч.-практ. конференции. Красноярск, 2021. С. 31–36.

⁹ При исследовании доказательств судьи действительно могли прибегать к методам, характерным для современной судебной экспертизы. Опираясь на тексты правых грамот, В. Б. Кобрин утверждал, что документы, предъявляемые в суде, «подлежали экспертизе, если одна из сторон подвергала сомнению их подлинность», причем в одном из дел «проводилась экспертиза не только почерка, но и характера подвески печатей» (Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 188, 189). Всё это, однако, никак не связано с судебным поединком.

¹⁰ Пахман С. В. Указ. соч. С. 35.

¹¹ Подробнее см.: Пашкова Т. И. Судебный поединок («поле») на страницах законодательных памятников средневековой Руси // Клио. 2004. № 3 (26). С. 57–62.

¹² ПСГ приводится по: Российское законодательство X–XX веков. Т. 1 / отв. ред. В. Л. Янин. М., 1984. С. 331–343.

¹³ Пашкова Т. И. Указ. соч. С. 58–60.

¹⁴ Пахман С. В. Указ. соч. С. 183.

дательных актах¹⁶. При этом материалы судебной практики позволяют сделать любопытные уточнения.

Во-первых, в Московской Руси, где окончательные решения по делу зачастую принимались в порядке доклада, в поле могли участвовать судьи, изначально проводившие судебное разбирательство. Когда судный список, составленный по результатам такого разбирательства, передавался на рассмотрение вышестоящего должностного лица или великого князя, на докладе сторонам процесса задавался вопрос: «Был ли вам таков суд, как в сем списке писано?» Если истец или ответчик утверждали, что «суд был, да не таков», судьи могли просить с ними поля. Такая ситуация имела место в 1557 г. в земельном споре между людьми помещиков Чулковых с крестьянами Троицкого Сергиева монастыря, но дело было решено без поля, поскольку «судные мужи», на которых ссылались истцы и судьи, «сказали, что им суд перед судьями, да и перед ними на спорной земле обоим исцем таков был, как в судном списке писано»¹⁷. В другом земельном споре 1558 г. истцы Даниил Андреевич Рясин и его сын Юшко на докладе утверждали, что чертеж размежевания земель по показаниям старожильцев «начертен неподелно и не по тому месту, куды <...> старожилцы шли»¹⁸, но царь и великий князь Иван IV вынес решение в пользу ответчиков, мотивировав его среди прочего тем, что «Данило же Рясин, да сын его Юшко <...> чертеж судьян лживили, а сказали что чертеж чертен неподелно; а судья Иван Асин говорил, что чертеж начертен подел-

но и против списка, как в списке писано, и ищя Данило Рясин, да сын его Юшко с судьей с Иваном Асиным поля и целованья не просили»¹⁹.

Из правой грамоты 1531 г. известен также любопытный случай оспаривания действий судьи спустя шесть недель после доклада. Истец Обляз Лодыгин утверждал, что судья Шарап Баскаков составлял черновой судный список, по содержанию отличавшийся от предъявленного на докладе. Вызванный к великому князю судья этот факт отрицал, и «в Облязово место человек его Истома попросил в том с Шарапом поля, что он тот список государю его дал, и Шарап с ним за поле поимался же»²⁰. Однако великий князь не стал назначать поединок, мотивировав решение тем, что истец «опричь поля в том списке черном довода на Шарапа не учинил никакова»²¹.

Как показывают материалы судебной практики, действия судей можно было обжаловать и в отдельном производстве. Тогда они могли участвовать в поединке, де-юре выступая в качестве ответчиков. Так, в 1538/1539 г. помещик Третьяк Гневашов предъявил иск к Левонтию Дунилову и Микифору Лихачеву, бывшими судьями в его споре с Пречистенским монастырем, которые якобы отвели землю «не по судному списку, и не по правой грамоте»²² и отняли у истца деревню Михайловскую. Судьи трижды просили поля, но оно так и не было назначено. В итоге они проиграли процесс, но в 1541 г. спорная земля была отсужена у Третьяка Гневашова по новому иску Пречистенского монастыря²³, что ставит

¹⁵ См., например: *Беляев И. Д.* Поле // *Москвитянин*. 1855. Т. 4. № 13–14. С. 47; *Михайлова И. Б.* Полевой поединок — норма права в средневековой Руси // *История повседневности*. 2016. № 1 (1). С. 136.

¹⁶ Об участии в поединке сторон судебного процесса упоминается в ст. 10, 13, 36, 37, 92, 101, 107 ПСГ, ст. 4–7, 52, 68 Судебника 1497 г., ст. 9–13, 19 Судебника 1550 г.; об участии послухов — в ст. 20, 21, 117 ПСГ, ст. 48, 49, 52 Судебника 1497 г., ст. 15–17 Судебника 1550 г.

¹⁷ Акты, относящиеся до гражданской расправы России. Т. 1 / сост. А. А. Федотов-Чеховский. Киев, 1860. № 70. С. 164 (далее — АГР-1).

¹⁸ АГР-1. № 71. С. 178.

¹⁹ АГР-1. № 71. С. 191.

²⁰ Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках / сост. Н. П. Лихачев. СПб., 1895. Вып. 1. Разд. II. № IX. С. 190 (далее — СА).

²¹ СА. Вып. 1. Разд. II. № IX. С. 190.

²² АГР-1. № 55. С. 79.

под вопрос справедливость вынесенного против судей решения.

Во-вторых, под свидетелями, которые были вправе участвовать в судебном поединке, следует понимать послухов в самом широком смысле этого слова. Это могли быть не только обычные «знахори» и «старожильцы», но и «судные мужи», присутствовавшие при рассмотрении дела²⁴, и «розъезжие люди», участвовавшие в размежевании земель по итогам рассмотрения судебного спора²⁵, и «обыскные люди», на которых стороны ссылались в судебном процессе²⁶. Последний факт наиболее любопытен, поскольку в московском праве «обыск» (т.е. опрос населения с целью выяснения тех или иных обстоятельств, имеющих отношение к делу), как правило, носил массовый характер. Известен спор 1556 г., в котором ответчики просили поля с обыскными людьми истца общим количеством 61 человек²⁷, а затем истец просил поля с обыскными людьми ответчиков, которых насчитывалось 266 человек²⁸. В итоге поле в этом деле так и не было назначено.

В-третьих, хотелось бы обратить внимание на участие в поле монахов и священнослужителей. Дело в том, что православная церковь относилась к судебным поединкам крайне негативно. Это и понятно. Как отмечал С. В. Пахман, «принадлежа к разряду судов Божьих, поединок заключал в себе начало суеверное, элемент грубого заблуждения и потому должен был, подоб-

но другим ордалиям, встретить сильное противодействие со стороны начал, принесенных к нам с истинною религиею»²⁹. Так, еще в 1410 г. митрополит Фотий в своем послании к новгородцам запрещал священникам причащать польщиков перед поединком и хоронить убитых в бою под угрозой лишения священного сана, а людей, причинивших смерть, велел отлучать от причастия на 18 лет³⁰. Тем не менее, несмотря на негативную оценку судебных поединков и столь суровые предписания, правые грамоты XV и XVI вв. демонстрируют, что монахи и приходские священники просили о назначении поля довольно часто³¹.

В Стоглаве 1551 г. «языческая суеверная основа»³² судебных поединков и «чародейства», к которым нередко прибегали их участники, вновь были осуждены и названы «ересью» (гл. 41, вопрос 17)³³, а также было указано: «А крестного целования и поля священническому и иноческому чину не присуживати ни в которых делех по священным правилом, кроме душегубства и разбоя с полишным. В таких винах градские судьи да судят по царским законом» (гл. 68)³⁴. Незаметно, однако, чтобы это предписание серьезно повлияло на ходатайства монахов и приходских священников о назначении поединков. Лишь в деле 1556 г. священники из числа обыскных людей сослались на необходимость благословения епископа: «Велит нам Государь Святитель с ними крест целовати и на поле би-

²³ АГР-1. № 55. С. 85.

²⁴ АГР-1. № 55. С. 80.

²⁵ АГР-1. № 55. С. 80.

²⁶ АГР-1. № 49, 67, 70, 71. С. 64, 141, 142, 159, 160, 178, 179.

²⁷ АГР-1. № 67. С. 141.

²⁸ АГР-1. № 67. С. 142.

²⁹ Пахман С. В. Указ. соч. С. 179.

³⁰ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. СПб., 1836. Т. 1. № 369. С. 462.

³¹ См., например: АГР-1. № 57, 71 с. 108, 110, 171; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. Ч. 1 / отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1951. № 1-а. С. 15 (далее — АФЗХ-1); Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. № 18. С. 37; СА. Вып. 1. Разд. II. № XII. С. 223, 227.

³² Беляев И. Д. Указ. соч. С. 51.

³³ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 307.

³⁴ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. С. 341.

тись; и мы, г-не, крест целуем, и на поле с ними битись лезем»³⁵.

Вместо участников судопроизводства в судебном поединке могли выступать «наймиты», которых не следует путать с «пособниками». В отличие от наймитов, пособники были призваны помогать сторонам во время судебного разбирательства, но не в поединке, выполняя роль судебных представителей и защищая их интересы словесно, а не физически. Именно поэтому пособники и наймиты полагались не совсем одинаковыми лицам³⁶. Например, глухому разрешалось иметь пособника, но не наймита, в то время как больной или увечный человек («немошна, или чем безвечен») мог иметь наймита, но не пособника (ст. 36 и 58 ПСГ).

Вообще, в законодательстве прослеживается желание «езде уравнивать механические силы состязающихся»³⁷, неразрывно связанное со стремлением «к устранению случайности поединков»³⁸. Так, ПСГ разрешала истцам и ответчикам прибегать к помощи наймитов, если это были люди старые, малолетние, больные или увечные, священники или монахи, а также если женщина выступала в суде против мужчины (ст. 22, 36, 119), причем противная сторона также имела право выставить наймита (ст. 36). А вот послухам наймиты не полагались (ст. 21). Судебник 1497 г. в целом повторил положения ПСГ, смягчив лишь одно предписание: если «послух» представлял истца или ответчика, имеющего право на наймита, то послух тоже мог его нанять (ст. 49, 52). Судебник 1550 г. пошел еще дальше и разрешил послуху выставлять наймита, если он будет «увечен без хитрости, или будет в послухах поп, или чернец, или черница, или жонка» (ст. 17), сформулировав при этом и общее правило: «А битися на поле бойцу з бойцом или небойцу с небойцом, а бойцу с

небойцом не битца; а похочет небоец з бойцом на поле битись, ино им на поле битись» (ст. 14).

Судебная практика показывает, что от наймитов следует отличать лиц, представляющих в поединке истца или ответчика в силу зависимых отношений. Так, например, в рязанской правой грамоте, датируемой 1464–1482 гг. приводятся слова ответчика Остафея: «Человек мой, господине, на том целует крест, а яз шлю битца»³⁹. Тот же подход можно увидеть в споре 1552 г., в котором истец Илья Арбузов просил судей назначить судебный поединок с бортниками и старцами Никольского Дудина монастыря, заявив: «Уличаю их, господине, Крестом Животворящим, мои, господине, человек Мартынок крест целует и на поле битца лезет»⁴⁰. На это старцы и бортники ответили: «Крест, господине, целуем и наймита против Ильина человека посылаем битися»⁴¹. Легко заметить, что ни в одной из реплик Мартынок не называется наймитом. Любопытно также, что ст. 19 Судебника 1550 г. предписывала «наймитом битися», но «крест целовати» должны были истец и ответчик. В приведенных же случаях люди истцов и ответчиков сами должны были целовать крест. Это лишний раз подчеркивает, что ни человек Остафея, ни Мартынок в качестве наймитов не рассматривались.

Законодательные акты подчеркивают, что поле могло заканчиваться примирением сторон. И если ПСГ упоминает только один вариант такого примирения — «а только прощение возмут» (ст. 37), то Судебники 1497 г. и 1550 г. указывают уже на два варианта: «а у поля не стояв, помирятся», «а у поля стояв помирятся» (ст. 4 и 5 Судебника 1497 г., ср.: ст. 9 и 10 Судебника 1550 г.). Связано это, разумеется, с тем, что поединок происходил не во время судебного разбирательства, а назначался на определенный день в

³⁵ АГР-1. № 67. С. 141.

³⁶ Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в Древней России. М., 1869. С. 374.

³⁷ Дювернуа Н. Л. Указ. соч. С. 408.

³⁸ Пахман С. В. Указ. соч. С. 184.

³⁹ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Т. 4 / сост. А. В. Антонов. М., 2008. № 494. С. 363 (далее — АСЗ-4).

⁴⁰ СА. Вып. 1. Разд. II. № XII. С. 223.

⁴¹ СА. Вып. 1. Разд. II. № XII. С. 223.

определенном месте, причем своевременная явка польщиков на поединок гарантировалась поручительством⁴². Организацией поединка занимались специальные должностные лица, и момент примирения влиял на выплату в их пользу полевых пошлин. А вот непосредственное участие в бою влияло уже на ответственность сторон — тот, кто его проигрывал, признавался виновным и подвергался взысканию по иску или уголовному наказанию, в зависимости от характера дела. При этом ПСГ устанавливала любопытное ограничение: «А на труп кун не имати, толко ему доспех сняти или ино што, в чем на поле лезет» (ст. 37). Ученые сходятся во мнении, что данная статья запрещала в случае причинения смерти на поединке взыскивать сумму иска с наследников убитого⁴³. С. В. Пахман считал, что в этом проявилось стремление «законодательства к уменьшению числа поединков»⁴⁴, однако можно предположить, что существовала и другая, чисто процессуальная причина оставить иск без удовлетворения в подобной ситуации. Несомненно, результаты поля считались доказательством по делу, но судебный процесс заканчивается не исследованием доказательств, а вынесением решения, которое, строго говоря, и определяет, кто «прав» и кто «виноват» в судебном споре⁴⁵. При этом судебное решение не может быть вынесено, если истец или ответчик умер до окончания процесса, так как спора больше нет. Иначе говоря, суд должен зафиксировать итог поединка и при-

дать ему юридическое значение, выдав одной из сторон правую грамоту, без чего взыскание по иску осуществить невозможно, а значит, и с наследников убитого на поединке ничего получить нельзя. В судебной практике Московской Руси есть случаи, когда вследствие смерти одной из сторон до окончания процесса решение по делу не выносилось вовсе⁴⁶ или, при множественности ответчиков, выносилось только в отношении оставшихся в живых⁴⁷. В этих делах поле не назначалось, но это не умаляет самого процессуального принципа, который, по-видимому, и отражен в ст. 37 ПСГ.

Перспектива летального исхода или получения тяжких ранений, равно как и очевидная необъективность данного средства доказывания, сделали судебные поединки непопулярными уже к XVI в. Несмотря на то что участники судебного процесса с завидной регулярностью «имались за поле», назначалось оно крайне редко. В тех же случаях, когда судьи всё же назначали поединок, до боя почти никогда не доходило из-за неявки польщиков, замены поля целованием креста или отказа одной из сторон от своих претензий. Следует согласиться с Д. М. Мейчиком, который утверждал: «Поле же, т.е. судебный поединок, держалось более по старой памяти, в действительности доверие к нему было подорвано еще до Судебника (1497 г. — Е. С.). Потому-то оно, как видно, редко присуждалось, а с другой стороны, люди, по-

⁴² См., например: АФЗХ-1. № 1-а. С. 15, 16.

⁴³ См., например: *Оспенников Ю. В.* Божий суд в древнерусском праве // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2010. № 1 (11). С. 128 ; *Пахман С. В.* Указ. соч. С. 183 ; Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 362.

Особняком здесь стоит версия Л. Е. Лаптевой, по мнению которой фраза «а на труп кун не имати» означает, что победитель в поединке «не имел права требовать выкупа за тело с родственников», однако данная позиция нуждается в дополнительном обосновании (см.: История отечественного государства и права : учебник и практикум для вузов / под ред. Л. Е. Лаптевой. М., 2023. С. 82).

⁴⁴ *Пахман С. В.* Указ. соч. С. 183.

⁴⁵ Примерно о том же писал И. Д. Беляев: «Так как поле было одним из актов следственного судопроизводства и им открывали только правду или вину ищущей или ответчика, то оказавшийся виноватым передавался судьям для окончательного заключения по делу» (*Беляев И. Д.* Указ. соч. С. 57).

⁴⁶ АГР-1. № 49. С. 58–59.

⁴⁷ АГР-1. № 55. С. 81–82.

нимавшие его нелепость, соглашались скорее терять дело, чем прибегать к такому способу»⁴⁸.

В опубликованных актах второй половины XV — первой половины XVI в. можно найти информацию лишь о нескольких случаях назначения поля. В трех из них дела были прекращены в связи с неявкой на поединок. В 1498 г. в земельном споре братьев Струниных против митрополичьих крестьян села Каринского Переяславского уезда было присуждено поле между «послухами». Один из свидетелей со стороны истцов «у поля у креста не стал»⁴⁹, в связи с чем они просили отсрочить поединок, однако ответчики были против, заявив судье: «Срока им, господине, не давай, а они, господине, нас волочат, своего знахоря не ставят; доложи о том государя великого князя»⁵⁰. Этого аргумента оказалось достаточно, и дело было решено в пользу ответчиков⁵¹. Указная грамота рязанского великого князя Ивана Ивановича 1517 г. свидетельствует о том, что в споре о «бое и лае» (т.е. о побоях и оскорблении словом) между Кузьмой Лихачевым и Никитой Горбцовым также было назначено поле. Истец явился в срок и, ожидая ответчика, простоял у поля три дня, после чего судьи написали великому князю грамоту с просьбой «велети на Никите на Горбцове Куземкина безчестия и полевые пошлыны правити»⁵². В другом рязанском деле о грабеже и пожоге 1520 г. истцы и вовсе простояли у поля три недели⁵³. Эти примеры показывают, что четких критериев по срокам неявки, которые бы определяли поражение в поединке, на практике не существовало.

К упомянутым судебным спорам примыкает дело о «бое и грабеже» 1521 г.: истцы и ответчики явились к полю в срок, однако холоп ответчика, который также должен был участвовать в поединке, «от поля збежал»⁵⁴. Простояв у поля семь дней, на восьмой истцы били челом о прекращении разбирательства, что и послужило причиной выдачи им правой грамоты. Здесь нетрудно усмотреть аналогию со сроками выдачи «бессудной грамоты» в случае неявки одной из сторон на разбирательство по ст. 27 Судебника 1497 г., где сказано: «А безсудные давати с осмаго дня».

В других известных случаях поле также, по-видимому, закончилось без боя. Небольшие сомнения вызывает только дело 1543 г., где монастырскому слуге Троицкого монастыря Белых песков было присуждено поле в части иска простив посадских людей и попов г. Каширы. Состоялся бой в итоге или нет, правая грамота прямо не упоминает, но похоже, что он был отменен на докладе⁵⁵. В остальных случаях все очевидно. Так, в споре о землях 1462 г. после назначения судебного поединка «княгин Офросиня Микуле Парфеневу и племянником на поле лести не велела битися, ни их знахорем, а отступилас тех земель Захаровы деревни да Микулиных Чиркова новин да Чепелевы поляны великому кнзю»⁵⁶. В деле о рыболовных угодьях, датированном примерно 1464–1482 гг., истцы Сатя и Михалко, став у поля, предложили ответчику Остафею: «Поцелуй, господине, на том крест твои <...> ино, господине, мы готовы — збиты»⁵⁷. После целования креста вели-

⁴⁸ Мейчик Д. М. Грамоты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции: их форма, содержание и значение в истории русского права. М., 1883. С. 48.

⁴⁹ АФЗХ-1. № 117. С. 111.

⁵⁰ АФЗХ-1. № 117. С. 111.

⁵¹ АФЗХ-1. № 117. С. 111.

⁵² Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 3 / отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1964. № 377. С. 394 (далее — АСЭИ-3).

⁵³ Древние грамоты и акты Рязанского края / сост. А. Н. Пискарев. СПб., 1854. № 13. С. 14.

⁵⁴ АФЗХ-1. № 1-а. С. 15.

⁵⁵ АГР-1. № 57. С. 110.

⁵⁶ Мейчик Д. М. Указ. соч. № IV-1. С. 109.

⁵⁷ АСЗ-4. № 494. С. 363.

кий князь ответчика «оправил»⁵⁸. Указная грамота рязанского великого князя Ивана Ивановича, составленная около 1514–1519 гг., также упоминает о поединке, присужденном его боярами в споре Бориса Мосолова и Ивана Иванова, с предписанием «спустить с поль» тяжущихся, т.е. освободить их от назначенной процедуры⁵⁹.

Итак, сохранившийся актовый материал свидетельствует о постепенном отказе от практики проведения таких поединков. Однако упоминания о поле не исчезают из правых грамот XVI в. еще очень долгое время. Судьи стараются «получить ясность без этого крайнего средства»⁶⁰, не только исследуя другие доказательства, но и учитывая заявления сторон по поводу возможного проведения поединка.

Отказ от участия в поле чаще всего приводил к проигрышу дела, хотя и не всегда, как полагают некоторые исследователи⁶¹. Так, из правой грамоты, составленной около 1463 г., следует, что старцы Симонова монастыря выиграли спор о земле, несмотря на отказ от участия в судебном поединке. В ответ на ходатайство истцов о проведении поля с участием «знахорей» монастырские старцы заявили: «А на поле, господине, мы своим знахорем лести не велим»⁶². Отказ был мотивирован тем, что спорные земли были «очищены великого князя грамотою жаловальною Василья Васильевича»⁶³. Опираясь на предъявленный документ, Иван III вынес решение в пользу монастыря⁶⁴.

В других случаях, когда отказавшаяся сторона не предоставляла убедительных доказательств своей правоты, отказ от поединка имел определяющее значение, что указывалось в мотивировочной части судебного решения⁶⁵. Причины отказа, если они не были связаны с наличием других доказательств, во внимание не принимались. Так, например, в земельном споре 1511 г. дети боярские (свидетели со стороны истца) проявили своего рода социальную гордость, заявив, что с монастырскими крестьянами в бой вступать не будут: «...а поставят, г-не, против нас детей боярских, и мы, г-не, против детей боярских на поле битися лезем»⁶⁶. Никакого отклика у судей такая аргументация не вызвала, и дело было решено в пользу ответчика⁶⁷. Несмотря на то что разбирательство по данному делу состоялось задолго до издания Судебника 1550 г., М. Ф. Владимирский-Буданов рассматривал его как иллюстрацию к ст. 14 данного акта («А битися на поле бойцу з бойцом...»), замечая, что в судебном поединке «требуется только равенство физических сил; никакие другие различия не принимаются во внимание»⁶⁸, в том числе, очевидно, и социальные.

Так же часто, как и отказ от участия в предложенном поединке, на решение суда влияло отсутствие ходатайства о проведении поединка как такового. Во множестве правых грамот можно встретить указание на то, что истец или ответчик проиграли дело, потому что они сами или их свидетели, имея шаткие позиции в споре, поля не просили⁶⁹. А вот заявленная просьба о

⁵⁸ АСЗ-4. № 494. С. 363.

⁵⁹ АСЭИ-3. № 375. С. 393.

⁶⁰ Дювернуа Н. Л. Указ. соч. С. 406.

⁶¹ См., например: Амплеева Т. Ю. По закону русскому. История уголовного судопроизводства Древней Руси. М., 2005. С. 176.

⁶² Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 2 / отв. ред. Л. В. Черепнин. М., 1958. № 375. С. 372–373 (далее — АСЭИ-2).

⁶³ АСЭИ-2. № 375. С. 373.

⁶⁴ АСЭИ-2. № 375. С. 373.

⁶⁵ См., например: АСЭИ-2. № 334. С. 322 ; АФЗХ-1. № 222. С. 196 ; СА. Вып. 1. Разд. II. № IV, XIII. С. 134, 239.

⁶⁶ АГР-1. № 51. С. 68.

⁶⁷ АГР-1. № 51. С. 68.

⁶⁸ Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. Вып. 2. Ярославль, 1873. С. 115.

⁶⁹ См., например: АГР-1. № 57, 71. С. 104, 191 ; Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Т. 1 / сост. А. В. Антонов и К. В. Баранов. М., 1997. № 277. С. 262 ; АСЗ-4. № 338. С. 257 ; АСЭИ-2. № 414.

проведении поединка, как правило, решение по делу не определяла, и судьи могли выслушивать подобные ходатайства многократно, рассчитывая выявить более веские доказательства правоты одной из сторон⁷⁰.

Нежелание судей назначать судебные поединки привело к тому, что во второй половине XVI в. началось отмирание поля как средства доказывания. Особую роль в этом, по-видимому, сыграл приговор о губных делах, утвержденный 22 августа 1556 г. Рассматривая различные ситуации, которые могут возникнуть при рассмотрении судебного спора, статьи 1, 2, 4, 8 и 9 этого акта настойчиво требуют «поль не присуждати» и дела «вершити без поля и целованья»⁷¹. Лишь статья 20 допускает проведение поединка, с оговоркой: «...а станет бить челом ответчик, что ему стояти у поля не мочно, чтобы присудили крестное целование, ино поля отставити, а дати на воле истцу: хочет сам целует или ему даст»⁷². Единственный известный случай назначения поединка во второй половине XVI в. является замечательной иллю-

страцией применения этой статьи. Так, правая грамота 1562 г. сообщает о присуждении поединка в деле «о бое и грабеже» между Троицким Сергиевым монастырем и посадскими людьми г. Балахны с возможностью замены поединка целованием креста: «А не похотят оба истца поля, и им дати крестное целование»⁷³. В итоге тяжущиеся просили решить дело без поля и «на срок став, у целованья помирились»⁷⁴.

К концу XVI в. просьбы о назначении поединка стали чистой формальностью и постепенно исчезли из судебных актов. Последние упоминания о поле в правых грамотах приходятся на 1580-е — начало 1590-х гг.⁷⁵ В законодательстве они сохранялись несколько дольше. Так, поле фигурирует в ст. 18 Второй указной книги Разбойного приказа 1616/1617 г.⁷⁶, но, судя по всему, это явление уже считалось анахронизмом и никакого практического значения не имело. Не удивительно поэтому, что Соборное уложение 1649 г., обобщившее право Московской Руси, о судебных поединках совсем не упоминает.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Амплеева Т. Ю. По закону русскому. История уголовного судопроизводства Древней Руси. — М., 2005. — 228 с.
2. Антонов А. В. Клинические акты XV–XVI веков // Русский дипломатарий. — Вып. 4. — М., 1998. — С. 53–110.
3. Беляев И. Д. Поле // Москвитянин. — 1855. — Т. 4. — № 13–14. — С. 33–62.
4. Владимирский-Буданов М. Ф. Хрестоматия по истории русского права. — Вып. 2. — Ярославль, 1873. — 220 с.
5. Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в Древней России. — М., 1869. — 420 с.

С. 445–446 ; АФЗХ-1. № 306. С. 256 ; Акты, относящиеся до юридического быта России. Т. 1. СПб., 1857. № 52 (VI). С. 218 ; Антонов А. В. Клинические акты XV–XVI веков // Русский дипломатарий. Вып. 4. М., 1998. № 6. С. 74.

⁷⁰ Подробнее см.: Dewey H. W. Judges and the Evidence in the Muscovite Law // The Slavonic and East European Review. Vol. 36. No. 86. P. 191.

⁷¹ Законодательные акты русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты / под ред. Н. Е. Носова. Л., 1986. № 16. С. 39, 40 (далее — ЗАРГ).

⁷² ЗАРГ. № 16. С. 42.

⁷³ АГР-1. № 75. С. 216.

⁷⁴ АГР-1. № 75. С. 216.

⁷⁵ См., например: грамоты 1584, 1588 и 1591 гг.: АСЗ-4. № 338. С. 257 ; № 497. С. 368 ; № 506. С. 402.

⁷⁶ ЗАРГ. № 80. С. 88.

6. *Игнатенко В. А.* Судебные процедуры «ордалии» и «поле» в контексте правовой культуры древнерусского общества как прообразы судебных экспериментов и экспертиз: теоретико-правовой аспект // Формирование правовой культуры молодежи в условиях современной образовательной среды : материалы региональной (межвузовской) научно-практической конференции. — Красноярск, 2021. — С. 31–36.
7. Известия о Хозарах, Буртасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века, по рукописи Британского музея. — СПб., 1869. — 214 с.
8. История отечественного государства и права : учебник и практикум для вузов / под ред. Л. Е. Лаптевой. — М., 2023. — 570 с.
9. История суда и правосудия в России. Т. 1 / отв. ред. С. А. Колунтаев, В. М. Сырых. — М., 2017. — 640 с.
10. *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). — М., 1985. — 280 с.
11. *Мейчик Д. М.* Грамоты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции: их форма, содержание и значение в истории русского права. — М., 1883. — 168 с.
12. *Михайлова И. Б.* Полевой поединок — норма права в средневековой Руси // История повседневности. — 2016. — № 1 (1). — С. 136–153.
13. *Оспенников Ю. В.* Божий суд в древнерусском праве // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. — 2010. — № 1 (11). — С. 127–131.
14. *Пахман С. В.* О судебных доказательствах по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, в историческом их развитии. — М., 1851. — 222 с.
15. *Пашкова Т. И.* Судебный поединок («поле») на страницах законодательных памятников средневековой Руси // Клио. — 2004. — № 3 (26). — С. 57–62.
16. Российское законодательство X–XX веков. Т. 1 / отв. ред. В. Л. Янин. — М., 1984. — 520 с.
17. Российское законодательство X–XX веков. Т. 2 / отв. ред. А. Д. Горский. — М., 1985. — 432 с.
18. *Сергеевич В. И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. — СПб., 1910. — 674 с.
19. *Смирнов А. М.* Судебный поединок в Древней Руси как вид внесудебного разбирательства // Российский судья. — 2014. — № 2. — С. 39–41.
20. *Dewey H. W.* Judges and the Evidence in the Muscovite Law // The Slavonic and East European Review. — Vol. 36. — No. 86. — P. 189–194.

Материал поступил в редакцию 3 июля 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Ampleeva T. Yu. Po zakonu russkomu. Istoriya ugolovnoy sudoproizvodstva Drevney Rusi. — M., 2005. — 228 s.
2. Antonov A. V. Klinskie akty XV–XVI vekov // Russkiy diplomatariy. — Vyp. 4. — M., 1998. — S. 53–110.
3. Belyaev I. D. Pole // Moskvityanin. — 1855. — T. 4. — № 13–14. — S. 33–62.
4. Vladimirovskiy-Budanov M. F. Khrestomatiya po istorii russkogo prava. — Vyp. 2. — Yaroslavl, 1873. — 220 s.
5. Dyuburnua N. L. Istochniki prava i sud v Drevney Rossii. — M., 1869. — 420 s.
6. Ignatenko V. A. Sudebnye protsedury «ordalii» i «pole» v kontekste pravovoy kultury drevnerusskogo obshchestva kak proobrazy sudebnykh eksperimentov i ekspertiz: teoretiko-pravovoy aspekt // Formirovaniye pravovoy kultury molodezhi v usloviyakh sovremennoy obrazovatel'noy sredy: materialy regional'noy (mezhvuzovskoy) nauchno-prakticheskoy konferentsii. — Krasnoyarsk, 2021. — S. 31–36.
7. Izvestiya o Khozarakh, Burtasakh, Bolgarakh, Madyarakh, Slavyanakh i Russakh Abu-Ali Akhmeda ben Omar Ibn-Dasta, neizvestnogo dosele arabskogo pisatelya nachala X veka, po rukopisi Britanskogo muzeya. — SPb., 1869. — 214 s.

8. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava: uchebnik i praktikum dlya vuzov / pod red. L. E. Laptevoy. — M., 2023. — 570 s.
9. Istoriya suda i pravosudiya v Rossii. T. 1 / otv. red. S. A. Koluntaev, V. M. Syrykh. — M., 2017. — 640 s.
10. Kobrin V. B. Vlast i sobstvennost v srednevekovoy Rossii (XV–XVI vv.). — M., 1985. — 280 s.
11. Meychik D. M. Gramoty XIV i XV vv. Moskovskogo arkhiva Ministerstva yustitsii: ikh forma, so derzhanie i znachenie v istorii russkogo prava. — M., 1883. — 168 s.
12. Mikhaylova I. B. Polevoy poedinok — norma prava v srednevekovoy Rusi // Istoriya povsednevnosti. — 2016. — № 1 (1). — S. 136–153.
13. Ospennikov Yu. V. Bozhiy sud v drevnerusskom prave // Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2010. — № 1 (11). — S. 127–131.
14. Pakhman S. V. O sudebnykh dokazatelstvakh po drevnemu russkomu pravu, preimushchestvenno grazhdanskomu, v istoricheskom ikh razvitii. — M., 1851. — 222 s.
15. Pashkova T. I. Sudebnyy poedinok («pole») na stranitsakh zakonodatelnykh pamyatnikov srednevekovoy Rusi // Klio. — 2004. — № 3 (26). — S. 57–62.
16. Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vekov. T. 1 / otv. red. V. L. Yanin. — M., 1984. — 520 s.
17. Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vekov. T. 2 / otv. red. A. D. Gorskiy. — M., 1985. — 432 s.
18. Sergeevich V. I. Lektsii i issledovaniya po drevney istorii russkogo prava. — SPb., 1910. — 674 s.
19. Smirnov A. M. Sudebnyy poedinok v Drevney Rusi kak vid vnesudebnogo razbiratelstva // Rossiyskiy sudya. — 2014. — № 2. — S. 39–41.
20. Dewey H. W. Judges and the Evidence is the Muscovite Law // The Slavonic and East European Review. — Vol. 36. — No. 86. — P. 189–194.

Понятие состава преступления «душегубство» в русском средневековом праве

Аннотация. В публикации особое внимание обращено на важность и давно назревшую необходимость более детального изучения историко-юридической терминологии, ревизии ее этимологии и семантики, правового значения с использованием всевозможных методологических конструкций, что, в свою очередь, может существенно расширить научное представление о правовой жизни прошлых поколений, стать ключом к познанию тонкостей их юридического быта, правосознания и многих других важнейших аспектов бытия. В работе нашли отражение идеи многоаспектного исследования российской государственности и культуры, которое уже много лет проводится автором. Особо подчеркивается, что изучение юридической терминологии периода средневековой Руси не должно осуществляться в отрыве от духовных традиций и обычаев и главным образом религиозно-философских устоев русского народа, которые были определяющими в сфере развития общества, государств и права. Используя обширный исследовательский материал, автор предпринимает попытку переосмыслить вопросы генезиса средневекового уголовного права. В дореволюционной, советской и постсоветской историко-юридической науке сформировалось сугубо узкое представление о понятии «душегубство» как о составе преступления против жизни в виде умышленного причинения смерти. В русских памятниках права периода Средневековья содержатся сведения, указывающие на то, что этим термином обозначался достаточно широкий спектр проступков и преступлений — как против жизни православных христиан, так и против их здоровья, благочиния, религии и т.д.

Ключевые слова: древнерусское право; уставные грамоты; история развития отечественного уголовного права; христианство; история православия; убийство; каноническое право; законодательство Московского княжества; проблемы и дискуссионные вопросы науки истории государства и права России; историко-юридическая терминология; душегубство.

Для цитирования: Шаталов Е. А. Понятие состава преступления «душегубство» в русском средневековом праве // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 2. — С. 116–122. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.116-122.

The Concept of Crime of «Murder» in Russian Medieval Law

Evgeny A. Shatalov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Law,
Siberian State University of Geosystems and Technologies
penalize@rambler.ru

Abstract. The paper pays special attention to the importance and long-overdue need for a more detailed study of historical and legal terminology, a revision of its etymology and semantics, legal meaning using all kinds of methodological structures, which, in turn, can significantly expand the scientific understanding of the legal life of

© Шаталов Е. А., 2024

* Шаталов Евгений Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Сибирского государственного университета геосистем и технологий
Плахотного ул., д. 10, г. Новосибирск, Россия, 630108
penalize@rambler.ru

past generations, become the key to understanding the intricacies of their legal life, legal consciousness and many other important aspects of life. The work reflects the ideas of a multidimensional study of Russian statehood and culture, which the author has been conducting for many years. It is especially emphasized that the study of the legal terminology of the period of medieval Rus' should not be carried out in isolation from the spiritual traditions and customs and mainly the religious and philosophical foundations of the Russian people, which were decisive in the development of society, states and law. Using extensive research material, the author makes an attempt to reconsider the issues of the genesis of medieval criminal law. In pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet historical and legal science, a purely narrow understanding of the concept of «murder» was formed as a crime against life in the form of intentionally causing death. Russian memorials of law related to the Middle Ages contain information indicating that this term denoted a fairly wide range of offenses and crimes — both against the life of Orthodox Christians and against their health, decency, religion, etc.

Keywords: ancient Russian law; charter; history of the development of domestic criminal law; Christianity; history of Orthodoxy; murder; canon law; legislation of the Moscow Principality; problems and controversial issues in the science of history of state and law in Russia; historical and legal terminology; murder.

Cite as: Shatalov EA. The Concept of Crime of «Murder» in Russian Medieval Law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(2):116-122. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.116-122.

При изучении научной литературы может сложиться впечатление о том, что состав преступления, упоминаемый в законодательстве Руси как «душегубство», — это убийство. Подобное объяснение содержится в уже ставшей хрестоматийной книге М. Ф. Владимирского-Буданова¹. Аналогичное определение можно встретить и в историко-юридической литературе советского периода².

Похожая точка зрения высказана в современном и достаточно авторитетном учебнике по истории отечественного государства и права под редакцией О. И. Чистякова³.

Однако отметим, что оснований и доказательств в пользу такого узкого подхода ни в одном научном источнике не представлено. Складывается впечатление, что это всего лишь умозрительный вывод авторов, с которым для удобства понимания отечественных памятников права, сохранения нерушимости устоявшихся в науке методологических традиций согласны многие.

Проблема сводится к тому, что в современной историко-юридической науке подчас предпринимаются попытки изучить, осмыслить существовавшие в истории общественные отно-

шения в отрыве от духовных традиций, да и еще сквозь призму современных научных понятий, категорий, порой несвойственных конкретной исторической эпохе.

Вполне очевидно, что результаты получаются далекими от истины. Достаточно сказать о типичной методологической ошибке, когда исследователи пытаются искусственно разделить общественные отношения, складывавшиеся в период Средневековья, на «светские» и «церковные» и изучать их в отрыве друг от друга. Но ведь именно религиозные традиции и ценности в указанную эпоху были ключевыми для всех без исключения отношений, на них базировались социальные, политические и все остальные устои социума, глубокое постижение которых может представить науке более объективные результаты.

По этой причине методология отечественной историко-юридической науки давно нуждается в ревизии и переосмыслении, поскольку не способна объективно и целостно сформировать взгляд на очень тонкие детали, от которых зависит результативность науки всеобщей и отечественной истории государства и права. Главным

¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1907. С. 327.

² См.: Развитие русского права в XV — первой половине XVII в. / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. В. С. Нерсисянц. М., 1986. С. 176.

³ История отечественного государства и права : учебник / под ред. проф. О. И. Чистякова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2000. Ч. I. С. 169.

образом речь должна пойти и о кардинальном переосмыслении фундаментальной терминологии — базисе любой науки, формирующем ее язык.

Например, с термином «душегубство» всё обстоит не так однозначно и просто: попытки определить его семантику, анализируя историю развития памятников русского права периода Средневековья и иные научные источники, приводят к различным результатам.

Весьма интересная точка зрения относительно душегубства встречается в современной справочной юридической литературе. Здесь сказано, что душегубство — это название убийства в Русском государстве, но де-факто в период с XVI по XVII в.⁴ На основании этого рассуждения можно предположить, что до XVI в. это понятие, по мнению авторов, могло иметь и иное значение. Действительно, этот термин, восходящий еще к эпохе раннего Средневековья, мог иметь совершенно иное содержание. Так, в ст. 27 Устава князя Ярослава Владимировича Восточно-Русской редакции убийство и душегубство обозначены как разные составы преступления: «бои и убийство, аже что чиниться, и душегубство, платять виру...»⁵. Однако толкование этого термина здесь не представлено. Тогда как в первой статье Двинской уставной грамоты 1397 г. указано, что с объективной стороны преступление «душегубство» заключается не в причинении смерти, как это принято утверждать в науке, а в нанесении телесных повреждений потерпевшему в виде «кровавых» и «синих ран»⁶.

Интересной представляется и точка зрения других авторов, которые поясняют, что душегубство, помимо убийства, одновременно может означать и самоубийство⁷. В некоторых словарях душегубство представлено как преступное

деяние, которое могло быть сопряжено еще и с порабощением⁸.

В связи с этим вполне закономерно возникает мысль о том, какая необходимость возникала у законодателя одно и то же деяние, направленное на умышленное причинение смерти, обозначать разными понятиями: именно «убийство» и «душегубство», это ведь могло внести неразбериху и путаницу в правоприменительную деятельность. Средневековый законодатель, который с юридико-технической точки зрения стремился к лаконичности и простоте изложения правового материала, вряд ли пошел бы по этому сложному пути.

Разбираясь в этих тонкостях, обратимся к этимологии самого понятия.

Так, душегубство является сложным словом и включает в себя две основы — «душа» и «губить». По общепринятому правилу «погубить» в древнерусском праве означало похитить или утратить, потерять что-либо⁹. Но речь здесь идет не о привычных материальных утратах, а, наоборот, о нематериальных составляющих, о личности и ее внутреннем мире.

С определенной долей уверенности можно сказать, что в термин «душегубство» закладывался именно религиозно-философский подтекст. В период средневековой Руси считалось, что душой обладает только прошедший процедуру крещения и глубоко верующий православный человек, душа которого после кончины, при условии праведного образа жизни, обретает бессмертие. Некрещеный человек был изгоем в православном обществе — наравне с отлученным от веры и церкви. В Уставе князя Ярослава Владимировича по этому поводу было прямо указано, что с некрещеным «ни ясти, ни пити с ним, дондеже крестится»¹⁰.

⁴ Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. М., 1998. С. 195.

⁵ Памятники русского права. Выпуск первый / под ред. проф. С. В. Юшкова. М., 1952. С. 261.

⁶ Карамзин М. Н. Примечания к истории государства Российского. СПб., 1852. Т. 4–6. С. 157.

⁷ Цечоев В. К., Власов В. И. История отечественного государства и права. Ростов н/Д, 2003. С. 253.

⁸ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994. С. 200.

⁹ Исаев М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов : От договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. М., 2001. С. 73.

¹⁰ Памятники русского права. Выпуск первый. С. 270.

Особый интерес представляет слово «душегубие», содержащееся в справочной литературе; это тот случай, когда наступала внезапная смерть ребенка, которого по «небрежению» родителей или священнослужителя не успели крестить¹¹. Таким образом, было принято считать, что, не успев принять ребенка перед смертью в лоно церкви, его обрекали на вечные муки и лишали возможности унаследовать вечную жизнь.

По общепринятому правилу если ребенок был слаб или ему грозила скорая смерть, его должны были немедленно крестить¹². По словам историка Н. И. Костомарова, русские всегда спешили крестить детей после их рождения, и это происходило во всех сословиях¹³.

Крещение на Руси, несомненно, имело в первую очередь духовное, но в то же время и юридическое значение: лица, принимавшие православие, получали от государства права и различного рода гарантии. Дело в том, что в период Средневековья принадлежность к государству, юридическая связь физического лица с монархом определялась главным образом не наличием подданства, а именно причастностью к официально установленной в нем религии. В Московском княжестве, как и в Киевском, уголовно-правовая защита жизни со стороны публичной власти предоставлялась в большей степени тем лицам, которые исповедовали православие.

Русская земля в период Средневековья сопрягается властью только с официальной религией, о чем открыто в своих грамотах писал великий князь Московский Василий Васильевич греческому царю Константину Палеологу: «...и со всею

сь нашу землю Русскою, со всею православною христианством...»¹⁴. В докончальной грамоте, составленной 20 июля 1447 г. от имени великого князя Московского Василия Васильевича, приводится классификация всех людей именно по религиозному принципу на «христиан» и «иноверцов»¹⁵. Отсюда становится очевидным тот факт, что Московская Русь являлась сугубо теократическим, христианским государством, ставшим таковым под некоторым влиянием Византии.

Религиовед А. И. Клибанов, рассуждая в этом ключе, также делал однозначный вывод о том, что «феодальная Россия была христианской страной с христианским населением»¹⁶.

Именно поэтому в некоторых русских канонических источниках содержится прямой запрет на убийство именно христиан: «Кровь христианская пролетит, и та вся кровь христианская на вас от Бога взыщется»¹⁷.

В другом послании митрополита Киевского и всея Руси Ионы, где подвергается критике деятельность новгородской власти, допускавшей междоусобицы среди местного населения, перечисляются наиболее общественно опасные деяния, совершаемые на этой территории: здесь идет речь об убийстве, раздорах, отдельной строкой Иона пишет о душегубстве, именно о душегубстве православного христианства¹⁸.

В более поздних юридических документах, а именно жалованной несудимой грамоте Василия III, выданной Чухломскому Покровскому монастырю, от 31.10.1518, можно увидеть, что душегубством именуется преступление, направленное на умышленное причинение смерти

¹¹ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1. С. 752.

¹² Полная энциклопедия быта русского народа, составленная Иваном Панкеевым. М., 1998. Т. 1. С. 289.

¹³ Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1860. С. 155.

¹⁴ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. 1 : 1334–1598. СПб., 1841. С. 84.

¹⁵ Духовные и договорные грамоты Великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950. С. 142.

¹⁶ Клибанов А. И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1994. С. 51.

¹⁷ Окружная грамота Митрополита Ионы (конец 1448 г.) // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. С. 87.

¹⁸ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. С. 88.

только в тех местностях, где как раз и проживали преимущественно православные христиане, находившиеся под юрисдикцией упомянутого выше духовного учреждения и государства: «А учинитца у них в той волости Конявинской и въ ихъ селахъ монастырских и в деревняхъ хлебных душегубство, а не доищутца душегубца, и намѣстницы наши Галицкие возмуть на монастырскихъ крестьянахъ за голову четыре рубли Московскихъ»¹⁹. В грамоте великого князя Василия Васильевича от 28.02.1453, направленной во Владимир, также сообщается о фактах совершения душегубства во время праздников и пиров применительно к митрополичьим селам и его населению²⁰.

Таким образом, душегубством в данном контексте именуется не любое преступление, направленное на умышленное причинение смерти, а исключительно то, которое совершалось в обществе православных христиан. Заметим, что ответчиками по подобному судебному делу также выступали монастырские люди, проживавшие на данной территории.

По этому же поводу профессор истории русского права Н. В. Калачов в своей книге обращал внимание на любопытный факт о том, что душегубец по установленным в Московском княжестве каноническим нормам, совершивший грех и одновременно преступление в виде умышленного причинения смерти, лишался права посещать церковь и проходить таинство причащения в течение продолжительного срока²¹. Из данного утверждения вытекает, что де-юре субъектом вышеуказанного преступления являлись православные христиане.

При этом следует обратить внимание и на тот факт, что термин «душегубство» в юридических

памятниках ассоциируется еще и со многими другими противоправными и общественно опасными деяниями, порицаемыми публичной властью. Это, по словам Н. П. Шалфеева, было некоторой юридико-технической особенностью русского средневекового законодательства и правоприменительной практики, когда один правовой термин мог обозначать целую группу правонарушений, и «душегубство» здесь не стало исключением²².

Помимо общепринятого значения исследуемого термина как умышленного причинения смерти православному христианину, в «Поучении» Владимира Мономаха душегубием обозначается и нарушение клятвы²³. К их числу также относились богохульство²⁴ и расколничество, которые губят христианские души²⁵, и многочисленные нарушения церковных норм.

Незаконная деятельность питейных заведений (корчм) рассматривалась властью как душегубство, причиняющее вред не только физическому здоровью, но и духовно-нравственному благополучию населения. В послании Белозерского монастыря игумена Кирилла Можайскому князю Андрею Дмитриевичу (примерно 1408–1413 гг.) по этому поводу указано, что от деятельности корчм «то велика пагуба душамъ: крестьяне ся, господине, пропиваютъ, а души гибнуть»²⁶.

В Важской уставной грамоте от 21.03.1552, изданной от имени царя и великого князя всея Руси Ивана Васильевича, упоминается еще и душегубство, совершенное «не хитростным делом», где речь идет о самоубийстве («кто утерается отъ своих рукъ») и наступлении смерти человека в результате несчастного случая («кто...

¹⁹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. С. 184.

²⁰ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи. СПб., 1836. Т. 1. С. 37.

²¹ Калачов Н. В. Значение Кормчей в системе древнерусского права. М., 1850. С. 53.

²² Шалфеев Н. Об уставной книге Разбойного приказа. СПб., 1868. С. 19.

²³ Власов Ю. Н. Государство и право Киевской Руси: становление политико-правовых отношений (VI–XIII веков). М., 1999. С. 238.

²⁴ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. С. 79.

²⁵ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. С. 32.

²⁶ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. С. 25.

утонеть, или сгорить, или кого водой принести, или кто съ дерева убьется, или кого возомъ со-треть...»²⁷).

На основании изложенных фактов можно сделать следующие выводы.

Во-первых, на рубеже Средневековья понятие «душегубство», весьма активно используемое отечественным законодателем в области уголовного права, как и множество других юридических терминов, в условиях бурного развития общественных отношений в сфере культуры, религии и под воздействием иных социальных факторов закономерно изменяло свой объем. Данным термином обозначалась целая группа различных проступков и преступлений: а) против жизни православных христиан и их здоровья; б) против здоровья христианского населения и общественной нравственности; в) против

религии. Этим понятием также обозначали и сам факт наступления смерти человека в результате несчастного случая или самоубийства — «бесхитростное душегубство».

Во-вторых, недостаточное изучение историко-юридической терминологии является одной из серьезнейших, фундаментальных проблем науки всеобщей и отечественной истории государства и права, которая, как и прежде, сохраняет свою актуальность и остроту. Она крайне нуждается в дальнейшем научно-экспертном исследовании, верификации с целью установления ее истинного, аутентичного значения, поскольку является архиважным средством, можно сказать — ключом к плодотворному изучению и осмыслению фактов, событий, некоторых общих закономерностей в развитии и формировании государства и права прошлых веков.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. 1 : 1334–1598. — СПб. : Тип. Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1841. — 614 с.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи. Т. 1. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836. — 548 с.
3. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. — Киев : Лито-типография товарищества И. Н. Кушнерев и Ко, 1907. — 714 с.
4. *Власов Ю. Н.* Государство и право Киевской Руси: становление политико-правовых отношений (VI–XIII веков). — М. : Юрайт, 1999. — 312 с.
5. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. — М. — Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1950. — 585 с.
6. История отечественного государства и права : учебник / под ред. проф. О. И. Чистякова. Ч. 1. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрист, 2000. — 430 с.
7. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. — М. : Инфра-М, 1998. — 790 с.
8. *Исаев М. А.* Толковый словарь древнерусских юридических терминов : От договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. — М. : Спарк, 2001. — 119 с.
9. *Калачов Н. В.* Значение Кормчей в системе древнерусского права. — М. : Университетская типография, 1850. — 128 с.
10. *Карамзин М. Н.* Примечания к истории государства Российского. Т. 4–6. — СПб. : Издательство Александра Смирдина, 1852. — 272 с.
11. *Клибанов А. И.* Духовная культура средневековой Руси. — М. : Аспект Пресс, 1994. — 368 с.
12. *Костомаров Н. И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. — СПб. : Типография Карла Вульфа, 1860. — 218 с.
13. Памятники русского права. Выпуск первый / под ред. проф. С. В. Юшкова. — М. : Государственное издательство юридической литературы, 1952. — 287 с.

²⁷ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи. С. 235.

14. Полная энциклопедия быта русского народа, составленная Иваном Панкеевым. Т. 1. — М.: Олма-Пресс, 1998. — 687 с.
15. Развитие русского права в XV — первой половине XVII в. / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. В. С. Нерсесянц. — М.: Наука, 1986. — 287 с.
16. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. — СПб.: Издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1893–1902. — 1018 с.
17. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. — М.: Русский язык, 1994. — 842 с.
18. Цечоев В. К., Власов В. И. История отечественного государства и права. — Ростов н/Д: Феникс, 2003. — 576 с.
19. Шалфеев Н. Об уставной книге Разбойного приказа. — СПб.: Тип. Морского министерства, 1868. — 82 с.

Материал поступил в редакцию 4 июля 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissiey. T. 1: 1334–1598. — SPb.: Tip. Ekspeditsii zagotovleniya Gosudarstvennykh bumag, 1841. — 614 s.
2. Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy imperii. T. 1. — SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy E. I. V. Kantselyarii, 1836. — 548 s.
3. Vladimirskiy-Budanov M. F. Obzor istorii russkogo prava. — Kiev: Lito-tipografiya tovarishchestva I. N. Kushnerev i Ko, 1907. — 714 s.
4. Vlasov Yu. N. Gosudarstvo i pravo Kievskoy Rusi: stanovlenie politiko-pravovykh otnosheniy (VI–XIII vekov). — M.: Yurayt, 1999. — 312 s.
5. Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udelnykh knyazey XIV–XVI vv. — M. — L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1950. — 585 s.
6. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava: uchebnik / pod red. prof. O. I. Chistyakova. Ch. 1. — 3-e izd., pererab. i dop. — M.: Yurist, 2000. — 430 s.
7. Bolshoy yuridicheskiy slovar / pod red. A. Ya. Sukhareva, V. D. Zorkina, V. E. Krutskikh. — M.: Infra-M, 1998. — 790 s.
8. Isaev M. A. Tolkovyy slovar drevnerusskikh yuridicheskikh terminov: Ot dogovorov s Vizantiey do ustavnykh gramot Moskovskogo gosudarstva. — M.: Spark, 2001. — 119 s.
9. Kalachov N. V. Znachenie Kormchey v sisteme drevnerusskogo prava. — M.: Universitetskaya tipografiya, 1850. — 128 s.
10. Karamzin M. N. Primechaniya k istorii gosudarstva Rossiyskogo. T. 4–6. — SPb.: Izdatelstvo Aleksandra Smirdina, 1852. — 272 s.
11. Klivanov A. I. Dukhovnaya kultura srednevekovoy Rusi. — M.: Aspekt Press, 1994. — 368 s.
12. Kostomarov N. I. Ocherk domashney zhizni i нравов великорусского народа в XVI i XVII stoletiyakh. — SPb.: Tipografiya Karla Vulfa, 1860. — 218 s.
13. Pamyatniki russkogo prava. Vypusk pervyy / pod red. prof. S. V. Yushkova. — M.: Gosudarstvennoe izdatelstvo yuridicheskoy literatury, 1952. — 287 s.
14. Polnaya entsiklopediya byta russkogo naroda, sostavlenaya Ivanom Pankeevym. T. 1. — M.: Olma-Press, 1998. — 687 s.
15. Razvitie russkogo prava v XV — pervoy polovine XVII v. / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. В. С. Нерсесянц. — М.: Наука, 1986. — 287 с.
16. Sreznevskiy I. I. Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pismennym pamyatnikam. T. 1. — SPb.: Izdanie Otd-niya rus. yaz. i slovesnosti Imperatorskoy akad. nauk, 1893–1902. — 1018 s.
17. Staroslavjanskiy slovar (po rukopisyam X–XI vekov) / pod red. R. M. Tseytlin, R. Večerki i E. Blagovoy. — M.: Russkiy yazyk, 1994. — 842 s.
18. Tsechoev V. K., Vlasov V. I. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava. — Rostov n/D: Feniks, 2003. — 576 s.
19. Shalfeyev N. Ob ustavnoy knige Razboynogo prikaza. — SPb.: Tip. Morskogo ministerstva, 1868. — 82 s.

Информационная функция государства: сущность и основные признаки в теоретических подходах отечественных исследователей

Аннотация. В условиях информатизации общества актуален вопрос соотношения государственной деятельности и информации. В отечественной науке количество работ, посвященных исследованию информационной функции государства, не велико. В статье рассмотрены и проанализированы теоретические подходы отечественных исследователей, изложенные в авторских монографиях. Ученые рассматривают информационную функцию как одну из основных функций государства, которая обладает подфункциями, ранее была выражена в дофункциональном состоянии. Через алгоритм «цель — задача — функция» раскрывается понятие, приведены предпосылки формирования, признаки, средства и методы информационной функции. В статье обращено внимание на особенность функции, которая выражена во влиянии на сознание людей через информационное воздействие. Так как информационная функция предполагает управление информационной сферой, рассмотрено соотношение понятий «информационная сфера» и «информационное пространство», приведено определение информационной сферы. В итоге сформулированы существенные характеристики и обобщенное определение информационной функции. Отмечена область, требующая дополнительного изучения.

Ключевые слова: государство; общество; информация; информатизация; функция; информационное общество; информационная функция; информационная сфера; информационное пространство; информационное влияние; информационное воздействие; информационное управление.

Для цитирования: Дмитриовский П. В. Информационная функция государства: сущность и основные признаки в теоретических подходах отечественных исследователей // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 2. — С. 123–130. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.123-130.

© Дмитриовский П. В., 2024

* Дмитриовский Павел Викторович, аспирант кафедры гражданского права и общеправовых дисциплин Среднерусского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Победы бульвар, д. 5а, г. Орел, Россия, 302028
dmitrovskiy@mail.ru

Information Function of the State: Essence and Main Features in the Theoretical Approaches of Domestic Researchers

Pavel V. Dmitrovsky, Postgraduate student, Department of Civil Law and General Legal Disciplines,
Central Russian Institute of Management, the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Branch)
dmitrovskiy@mail.ru

Abstract. In the context of informatization of society, the issue of the relationship between government activities and information is relevant. There are not many works devoted to the study of the information function of the state in domestic science. The paper examines and analyzes the theoretical approaches of domestic researchers, set out in the author's monographs. Scientists consider the information function as one of the main functions of the state, which has subfunctions that were previously expressed in a pre-functional state. Through the «goal — task — function» algorithm, the concept is revealed, the prerequisites for the formation, signs, means and methods of the information function are given. The paper draws attention to the peculiarity of the function, which is expressed in the influence on people's consciousness through information influence. Since the information function involves managing the information sphere, the relationship between the concepts of «information sphere» and «information space» is considered, and a definition of the information sphere is given. As a result, essential characteristics and a generalized definition of the information function are formulated. An area requiring further study is noted.

Keywords: state; society; information; informatization; function; Information society; information function; information sphere; information space; information influence; information impact; information management.

Cite as: Dmitrovsky PV. Information Function of the State: Essence and Main Features in the Theoretical Approaches of Domestic Researchers. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(2):123-130. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.123-130.

Существование общества в условиях хранения и обмена большого объема информации подталкивает ученых к теоретическому осмыслению реальности, в которой информация является важнейшим объектом отношений.

Теория постиндустриального общества, предполагающая преобладание сферы услуг над сферой производства, преобразовалась в теорию информационного общества, где информация является определяющим фактором. Появляются новые термины: информационная революция, информатизация, информационная сфера, информационная культура, информационное влияние и т.п.

Становится актуальным вопрос соотношения государственной деятельности и информации. Государство осуществляет деятельность посредством реализации государственных функций. В связи с этим в отечественной науке назрела проблема осмысления государственной функ-

ции, связанной с обработкой информации. Правоведами и политологами были предложены подходы к оценке государственной деятельности в условиях информатизации. Вопрос информационной функции был затронут Л. А. Морозовой и А. Б. Венгеровым, данной проблематике были посвящены исследования И. Ю. Никодимова, Ю. Г. Просвирнина, А. Н. Васениной, Ю. А. Нисневича.

Проблема выявления сущности и основных признаков информационной функции весьма актуальна, так как ее решение способствует систематизации выводов отечественных авторов, формированию концентрированного подхода к целостному осмыслению исследуемого явления.

Л. А. Морозова упоминала, что «на функции государства воздействуют также процессы информатизации общества, создание общепланетарного информационного пространства»¹. А. Б. Венгеров предположил, что информаци-

¹ Теория государства и права : учебник / В. К. Бабаев [и др.] ; под ред. В. К. Бабаева. М., 2001. С. 72.

онную функцию «характеризует деятельность четвертой власти — средств массовой информации»².

Первые теоретические представления отечественных исследователей в области права были развиты российскими учеными в научных монографиях и статьях.

И. Ю. Никодимов, оценивая информационную деятельность государства, указывает, что существуют информационно-коммуникационные процессы, которые по своему содержанию шире понятия «информационные отношения». Помимо связей между субъектами по вопросу производства, распространения и приобретения информации, в свое содержание они включают явления, выходящие за рамки социальной сферы: информационную деятельность в виде производства информации, оказания информационных услуг, подготовки информационных продуктов; технический аспект, проявляющийся в применении технических средств при регулировании движения информации. Деятельность государства по управлению информационно-коммуникационными процессами выражается в реализации информационно-коммуникационной функции. В зависимости от различной комбинации задач и методов работает целый комплекс вспомогательных функций, которые классифицируются на виды: функция информирования, организации поведения, обмена информацией, информационной безопасности. Ученый утверждает, «что значение информационно-коммуникативной функции государства проявляется прежде всего в воздействии на сознание людей»³. Средствами воздействия являются СМИ, а также учреждения образования и культуры.

Ю. Г. Просвирнин отмечает, что на любом этапе развития государства распределение и использование информации является его важнейшей задачей. Информационная функция существовала всегда в качестве функции органов государства.

Выделению информационной функции государства способствовало возрастающее значение информации, выразившееся в следующих факторах:

- образование информационного пространства и увеличение объема доступной информации;
- развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры;
- внедрение информационных технологий в экономические процессы;
- более высокий уровень образования, науки, техники и культуры;
- актуальность информационной безопасности личности, общества и государства.

Через алгоритм «цель — задача — функция» автор раскрывает понятие явления «информационная функция».

Информатизация общества и государства является одним из условий, которые государству необходимо создать для достижения конституционных целей своего существования. Под информатизацией подразумевается развитие информационных процессов, выраженных в обеспечении технической базы, в усовершенствовании социальных, организационных, экономических и государственно-правовых факторов и средств.

Цели государства в сфере информатизации заключаются в обеспечении субъектов достоверной информацией, а также в систематизации, поддержании и защите информационного пространства. Задачи в сфере информатизации заключаются в построении единой информационной системы, в гарантировании осуществления прав граждан, в развитии и обеспечении безопасности информационной инфраструктуры. Содержание информационной функции государства выражается в задачах.

Исследователь утверждает, что для информационной функции характерны признаки основных функций: выражение сущности современного государства и информационного общества,

² Венгеров А. Б. Теория государства и права : учебник для юридических вузов. 3-е изд. М., 2000. С. 239.

³ Никодимов И. Ю. Информационно-коммуникативная функция государства и механизм ее реализации в современной России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 152.

служебная роль, основное направление деятельности в виде информатизации общества. В итоге автор приходит к выводу, что «информационная функция государства — это основное направление деятельности государства по развитию информационной сферы России, которое охватывает всю совокупность производств и отношений, связанных с созданием, хранением, обработкой, передачей информации во всех ее видах — экономической, правовой, научной, образовательной, управленческой и т.п.»⁴.

Информационная деятельность государства способствует: развитию информационного пространства; реализации информационных прав граждан; внедрению информационных технологий; обеспечению защиты информации; регулированию информационных отношений и рынка информационных технологий на правовой основе; совершенствованию работы СМИ, а также информационных систем образования и науки.

А. Н. Васенина отмечает, что природа функции государства выражается в его основном направлении деятельности и может быть определена не просто как возможность или право, а обязанность государства выполнять определенные действия.

Ранее информационная функция характеризовалась «дофункциональным состоянием»⁵ в виде отдельных функций государственных органов.

Наметившиеся тенденции формирования информационного пространства: увеличение объема информации, развитие информационных технологий; влияние информационного пространства на отношения в обществе и на культурные ценности; возрастание проблемы в области обеспечения информационной безопасности — являются объективными и актуальными предпосылками формирования представлений об информационной деятельности как о государственной информационной функции.

По мнению А. Н. Васениной, определить информационную функцию возможно следующим образом: «это обусловленное потребностями социально-политического развития комплексное направление деятельности государственного механизма по обеспечению граждан, их объединений, в целом общества и государства актуальной в конкретный временной период публично значимой информацией посредством ее производства, распространения и контроля в законодательно установленных формах»⁶.

Признаки информационной функции автор называет ее сущностью и констатирует, что они выражаются:

- 1) в создании качественного информационного пространства, насыщенного объективными знаниями и информацией;
- 2) внутреннем контроле информационного рынка, а также в определении главных направлений во взаимодействии с внешними контрагентами. Государство генерирует информацию — создает сведения о явлениях и событиях, контролирует процесс ее создания другими субъектами, осуществляет обработку информации — контролирует распространение информации в обществе. Целью контроля за распространением информации является лояльная оценка обществом деятельности государства;
- 3) связи и координации деятельности отдельных органов государства, создании автономной системы коммуникаций — базового условия организации публичной политической власти;
- 4) качестве органичного и неотъемлемого компонента системы функций Российского государства;
- 5) тесном переплетении информационной функции с образовательной функцией государства, связи с иными функциями государства;
- 6) реализации на правовой основе, юридической регламентации и юридической значимости последствий.

⁴ Просвирнин Ю. Г. Теоретико-правовые аспекты информатизации в современном российском государстве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 49.

⁵ Васенина А. Н. Информационная функция современного российского государства : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 30.

⁶ Васенина А. Н. Указ. соч. С. 55.

Отдельно отмечено, что информационная функция представляет собой видоизменившуюся идеологическую функцию государства.

Цель информационной функции — управление информационной сферой.

Средства информационной функции определяются характеристиками информационного источника. Это средства массовой информации, информационные письма, обращения, разъяснения, рекомендации, брифинги, интернет-коммуникация.

Приоритетным методом, по мнению автора, является убеждение. Значение конкретной информации предопределяет применяемый метод и способ осуществления информационной функции. Метод классифицируется на принуждение, убеждение и поощрение, способ на запрет, дозволение, позитивное обязывание.

«Информационная функция — генеральное направление деятельности всего механизма Российского государства, всей системы государственных органов, наделенных властно-принудительными полномочиями по управлению обществом. Включает такие организационно-управленческие подфункции, как сбор, обработка, накопление, хранение, передача, согласование, интерпретация, удаление, изъятие, приостановление, прекращение»⁷. Информационную функцию невозможно классифицировать на внутреннюю или внешнюю, так как пределы государства ее не ограничивают. Информационная функция может выражаться в различных формах, которым А. Н. Васениной предложена авторская классификация.

Ученый отдельно указывает, что «информационная функция — самостоятельное направление деятельности с четко выраженным предметным объемом. Ее осуществление оказывает воздействие как на поведение отдельных граждан и юридических лиц, так и в комплексе на все общество и государственный механизм»⁸.

«Особая ценность информационной функции в оказании воздействия на субъектов, на уровне правосознания, чем определяются различные типы их поведения»⁹.

Отмечено, что информационная функция неотделима от информационной политики.

По мнению Ю. А. Нисневича, «задача государственной власти по формированию и реализации государственной информационной политики определяется как информационная функция государства»¹⁰.

Информационная сфера становится важнейшим объектом государственного управления. Причиной трансформации информационной сферы является информация и ее важное значение для общества и государства.

Основная задача информационной политики государства — управление информационной сферой. Информационное управление предполагает регулирование информационных потоков; развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры и информационного рынка; осуществление информационного воздействия.

«Информационное воздействие является эффективным методом информационной политики»¹¹, — резюмирует автор.

Из содержания изложенных концепций следует, что сущность информационной функции заключается в управлении информационной сферой (информационным пространством).

Понимание явлений «информационная сфера» и «информационное пространство» необходимо для единого осмысления концепции информационной функции.

И. Ю. Никодимов отмечает, что «информационная сфера является системообразующим фактором жизни общества. Информационное пространство является важнейшей составляющей информационной сферы и, в свою очередь, включает такие элементы, как информационные ресурсы и информационную инфраструктуру»¹².

⁷ Васенина А. Н. Указ. соч. С. 46.

⁸ Васенина А. Н. Указ. соч. С. 70.

⁹ Васенина А. Н. Указ. соч. С. 75.

¹⁰ Нисневич Ю. А. Информация и власть. М., 2000. С. 102.

¹¹ Нисневич Ю. А. Указ. соч. С. 93.

¹² Никодимов И. Ю. Указ. соч. С. 249.

Понятие «информационная сфера» шире, чем понятие «информационное пространство», и включает его в свое содержание.

В действующих нормативных актах возможно обнаружить подходы к определению данного понятия.

Так, согласно модельному закону «О международном информационном обмене» под информационной сферой понимается «сфера деятельности субъектов, связанная с созданием, преобразованием и потреблением информации»¹³.

Информационную сферу также называют информационной средой. Как следует из Указа Президента РФ от 24.12.2014 № 808 информационная среда — это «совокупность средств массовой информации, радио- и телевидение, информационно-телекоммуникационная сеть “Интернет” (далее — сеть “Интернет”), распространяемые с их помощью текстовые и визуальные материалы, информация, а также созданные и создаваемые цифровые архивы, библиотеки, оцифрованные музейные фонды...»¹⁴.

Из изложенного следует, что информационная сфера — система взаимоотношений между отдельными субъектами, где объектом воздействия в виде создания, преобразования, распространения, потребления является информация.

Информационное пространство возможно представить как рассредоточенный набор средств, которые используются при взаимодействии субъектов по поводу информации. К такому выводу подталкивают определения информационного пространства.

В. Н. Лопатин информационным пространством считает «...совокупность информацион-

ных ресурсов и информационной инфраструктуры, позволяющую на основе единых принципов и по общим правилам обеспечивать безопасное информационное взаимодействие государства, организаций и граждан при их равнодоступности к открытым информационным ресурсам, а также максимально полное удовлетворение их информационных потребностей на всей территории государства при сохранении баланса интересов на вхождение в мировое информационное пространство и обеспечение национального информационного суверенитета»¹⁵.

И. Ю. Никодимов отмечает, что «информационные ресурсы, информационные технологии и информационная инфраструктура в совокупности образуют информационное пространство современного общества»¹⁶.

Теоретические подходы дополняет содержание нормативного акта. В соответствии с Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «информационное пространство — совокупность информационных ресурсов, созданных субъектами информационной сферы, средств взаимодействия таких субъектов, их информационных систем и необходимой информационной инфраструктуры»¹⁷.

Таким образом, информационное пространство состоит из информационных ресурсов, технологий и информационной инфраструктуры. Данные элементы создаются субъектами информационной сферы, играют производную и вспомогательную роль в информационной сфере.

Несмотря на то что наблюдается проблема в толковании информационных терминов, трудности в установлении их зависимости и связи, из

¹³ Модельный закон о международном информационном обмене (принят в г. Санкт-Петербурге 26.03.2002 постановлением 19-7 на 19-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. 2002. № 29. С. 134–143.

¹⁴ Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // СЗ РФ. 2014. № 52 (ч. I). Ст. 7753.

¹⁵ Лопатин В. Н. Информационная безопасность России: Человек. Общество. Государство : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2000. С. 371.

¹⁶ Никодимов И. Ю. Указ. соч. С. 165.

¹⁷ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

содержания изложенных определений можно сделать выводы.

Информационная сфера, среда и пространство — родственные понятия. Информационная сфера включает в себя элементы информационного пространства и с учетом их содержания система информационной сферы может быть охарактеризована совокупностью следующих составляющих:

- субъекты информационной сферы;
- информационное взаимодействие;
- информация как особый объект отношений;
- информационная инфраструктура;
- информационные технологии;
- информационные ресурсы.

Собирательное определение информационной сферы может быть представлено следующим образом: отдельная от иных видов группа взаимоотношений между субъектами, где информация является объектом, на который осуществляется воздействие в виде создания, преобразования, распространения, потребления с использованием ресурсов и технологий информационной инфраструктуры.

Обобщая изложенные концепции информационной функции, можно выделить ее существенные характеристики:

1. На предшествующих этапах государственного развития информационная функция существовала, но в «дофункциональном состоянии», в виде отдельных функций государственных органов.

2. Информатизация общества, выразившаяся в агрессивном, лавинообразном, повсеместном использовании всё большего и большего объема информации, в активном развитии информационного пространства, способствовала возникновению объективной необходимости государственного вмешательства в регулирование информационных потоков, что привело к формированию и выделению самостоятельного направления государственной деятельности — информационной функции.

3. Реализация информационной функции представляет собой одно из основных на-

правлений обязательной деятельности государства.

4. Информационная функция не обособлена от других государственных функций, тесно с ними взаимодействует.

5. Информационная функция имеет различные формы реализации, а также обладает набором подфункций.

6. Цель информационной функции — управление информационной сферой.

7. Приоритетный метод — убеждение.

8. Средствами информационной функции могут быть СМИ, система образования и науки, культура и др.

9. Информационная функция является приемницей идеологической функции. Особенностью информационной функции является возможность оказывать воздействие на поведение людей.

Приведенные характеристики предполагают следующее определение информационной функции: это ранее существовавшая деятельность отдельных органов государства, которая в связи с информатизацией общества преобразовалась в один из основных видов государственной деятельности, отвечающий современному этапу его развития, данная деятельность выражается в различных формах и направлена на регулирование отдельной группы общественных отношений по поводу создания, преобразования, распространения, потребления информации с использованием ресурсов и технологий информационной инфраструктуры.

Следует заключить, что информационная функция — это сложное современное явление, теоретические подходы к осмыслению которого в отечественной науке сформулированы. При этом, по мнению автора статьи, теоретические исследования представлены недостаточно широко, не всё содержание проблемы раскрыто. Практически в каждой работе ученые обращают внимание, что информационная функция способна оказывать влияние на поведение граждан, однако данное направление не было развито и исчерпывающе изучено.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Васенина А. Н. Информационная функция современного российского государства : дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2007. — 218 с.
2. Венгеров А. Б. Теория государства и права : учебник для юридических вузов. — 3-е изд. — М. : Юриспруденция, 2000. — 528 с.
3. Лопатин В. Н. Информационная безопасность России: Человек. Общество. Государство : дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 2000. — 433 с.
4. Никодимов И. Ю. Информационно-коммуникативная функция государства и механизм ее реализации в современной России : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2003. — 409 с.
5. Нисневич Ю. А. Информация и власть. — М. : Мысль, 2000. — 207 с.
6. Просвирнин Ю. Г. Теоретико-правовые аспекты информатизации в современном российском государстве : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2002. — 357 с.
7. Теория государства и права : учебник / В. К. Бабаев [и др.] ; под ред. В. К. Бабаева. — М. : Юрист, 2003. — 592 с.

Материал поступил в редакцию 30 мая 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vasenina A. N. Informatsionnaya funktsiya sovremennogo rossiyskogo gosudarstva: dis. ... kand. yurid. nauk. — N. Novgorod, 2007. — 218 s.
2. Vengerov A. B. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov. — 3-e izd. — M.: Yurisprudentsiya, 2000. — 528 s.
3. Lopatin V. N. Informatsionnaya bezopasnost Rossii: Chelovek. Obshchestvo. Gosudarstvo: dis. ... d-ra yurid. nauk. — SPb., 2000. — 433 s.
4. Nikodimov I. Yu. Informatsionno-kommunikativnaya funktsiya gosudarstva i mekhanizm ee realizatsii v sovremennoy Rossii: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2003. — 409 s.
5. Nisnevich Yu. A. Informatsiya i vlast. — M.: Mysl, 2000. — 207 s.
6. Prosvirnin Yu. G. Teoretiko-pravovye aspekty informatizatsii v sovremennom rossiyskom gosudarstve: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2002. — 357 s.
7. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik / V. K. Babaev [i dr.]; pod red. V. K. Babaeva. — M.: Yurist, 2003. — 592 s.

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.131-139

С. В. Зыков*

Проблема субъектности искусственного интеллекта

Аннотация. В связи с проблемой включения в гражданский оборот объектов, произведенных искусственным интеллектом (ИИ), должен быть решен вопрос о субъектности прав на них. Как одно из возможных решений (некоторые исследователи называют его основным) рассматривается наделение статусом субъекта права самого искусственного интеллекта. Статья посвящена критике такого подхода.

Социальное поведение людей формируется на основе их физической сущности, эта взаимосвязь останется действующей и в дальнейшем. Очевидно, что физической сущности искусственный интеллект заведомо лишен. Даже если говорить о юридическом лице (в ряде систем, являющихся фиктивными образованиями), последствия его деятельности так или иначе возлагаются на лиц физических.

Представляется целесообразным наделять ИИ объектной характеристикой интеллектуального комплекса — по аналогии с имущественными комплексами в гражданском праве, закрепив первоначальные права за разработчиками программ для ЭВМ. Рассмотрение же ИИ в качестве субъекта гражданского правоотношения не только не оправданно, но и препятствует доктринальному решению вопроса правосубъектности, которое является необходимой предпосылкой формирования норм действующего законодательства.

Ключевые слова: интеллектуальные права; искусственный интеллект; результаты интеллектуальной деятельности; программа для ЭВМ; нейронная сеть; субъект права; электронное лицо; юнит; правосубъектность; юридическое лицо.

Для цитирования: Зыков С. В. Проблема субъектности искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 2. — С. 131–139. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.131-139.

The Problem of Subjectivity of Artificial Intelligence

Sergey V. Zykov, Researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Senior Lecturer, Novosibirsk National Research University
zykovsv@yandex.ru

Abstract. In connection with the problem of inclusion of objects produced by artificial intelligence (AI) into civil transactions turnover, the issue of subjectivity of rights to them must be resolved. One of the possible solutions (some researchers call it the main one) is considering granting the status of a subject of law to artificial intelligence itself. The paper is devoted to criticism of this approach.

The social behavior of people is formed on the basis of their physical essence, this relationship will remain valid in the future. It is obvious that artificial intelligence is obviously devoid of physical essence. Even if we talk about

© Зыков С. В., 2024

* Зыков Сергей Викторович, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, старший преподаватель Новосибирского национального исследовательского университета
Николаева ул., д. 8, г. Новосибирск, Россия, 630090
zykovsv@yandex.ru

a legal entity (in a number of systems, which are fictitious entities), the consequences of its activities are one way or another assigned to individuals.

It seems appropriate to endow AI with the object characteristics of an intellectual complex — in line with property complexes in civil law, assigning initial rights to computer program developers. Considering AI as a subject of civil legal relations seems not only unjustified, but also prevents a doctrinal solution to the issue of legal personality, which is a prerequisite for the formation of the norms of current legislation.

Keywords: intellectual rights; artificial intelligence; results of intellectual activity; computer program; neural network; subject of law; electronic face; unit; legal personality; entity.

Cite as: Zykov SV. The Problem of Subjectivity of Artificial Intelligence. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(2):131-139. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.131-139.

Развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) ставит проблему правовой охраны полученных с его использованием результатов. Она подразумевает решение вопроса о субъекте прав на такие результаты, который рассматривается в подавляющем большинстве публикаций данной тематики. Эта задача нормативно закреплена в разд. 12 Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года¹, где она увязывается с толкованием понятия творческого вклада и с использованием результатов деятельности третьих лиц.

Следует признать правильным, что названная Концепция не дает указаний, предопределяющих решение вопроса субъектности в данной сфере, оставляя исследователям свободу научного творчества. В то же время последние остаются без каких-либо ориентиров, поскольку в подавляющем большинстве зарубежных правовых порядков (за исключением Великобритании) проблема законодательно не решена, а нормативные правовые акты, в которых упоминаются отношения, связанные с использованием ИИ, как национальные, так и международные (в том числе Европейского Союза), содержат главным образом нормы-декларации и нормы-принципы, из которых нельзя вывести решение рассматриваемой проблемы.

Существует несколько вариантов решения вопроса. Первоначальными субъектами исключительного права на результаты, произведенные искусственным интеллектом, могут быть: автор программы для ЭВМ; «учитель» ИИ; оператор (пользователь) ИИ. Применительно к указанным субъектам возможна множественность, причем связанная не только с совместной одновременной деятельностью, но и с последовательностью во времени (например, «обучение» ИИ на разных этапах разными лицами). Кроме того, часть функций участников отношений может передаваться иным лицам на основании гражданско-правовых договоров; необходимо также урегулировать отношения с авторами-работниками. И это даже не говоря о том, что использование результатов, полученных с помощью ИИ, может быть связано с использованием других охраняемых объектов.

Неудивительно, что во многих работах рассматривается несколько вариантов определения субъекта прав на результаты деятельности ИИ, нередко без указания на предпочтительный. Этот распространенный подход справедливо обозначен одним из его адептов как «мультимодальный»². Желание сохранить на данном этапе максимум возможностей объяснимо, но этим путем мы не решим практические проблемы правовой охраны, связанные с функционированием ИИ.

¹ Утверждена распоряжением Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 года».

² Морхат П. М. Право на результаты интеллектуальной деятельности, произведенные юнитом искусственного интеллекта: гражданско-правовые проблемы // Право и государство. 2018. № 1–2 (78–79). С. 212.

В современном российском праве встречаются работы, в которых закрепление прав непосредственно за ИИ на произведенные им результаты сознательно исключено из рассмотрения³, но они составляют явное меньшинство публикаций по данной теме.

В статье будут рассмотрены основные подходы к концепции субъектности ИИ, начиная с исследований, в которых она непосредственно отстаивается.

Следует отметить, что к теории самостоятельной субъектности ИИ российских исследователей в значительной степени подталкивают некоторые зарубежные исследования (в частности, концепции неличных субъектов, искусственного юридического лица)⁴. М. А. Рожкова отмечает, что данный подход был оживлен в результате принятия Резолюции Европарламента от 16.02.2017 2015/2013(INL)⁵. Нельзя не отметить, что такие концепции вписываются в актуальные тренды. Утрачивая в современном обществе социальные и эмоциональные связи с другими людьми, человек переносит свои привязанности не только на домашних питомцев, но и на виртуальные или технические объекты, персонифицирует их.

Вопрос о субъектности ИИ в большинстве случаев не ставится жестко и однозначно, как правило, обозначается в качестве дискуссионного. К сожалению, не всегда можно проследить

аргументацию этой концепции. Например, когда рассматривается единственная альтернатива «правосубъектность юнитов ИИ, сопоставимая с правосубъектностью физического лица» либо «правосубъектность юнитов ИИ, сопоставимая с правосубъектностью юридического лица»⁶, такая постановка вопроса предопределяет его решение. Основываясь на невозможности применения понятия вины к ИИ⁷, авторы делают вывод о рациональности «использования концепции правосубъектности ИИ по типу юридического лица либо электронного лица» (оговаривая ее «небесспорность»)⁸.

Аналогичным образом В. В. Архипов и В. Б. Наумов представляют варианты концепций: а) работа как животного; б) работа со статусом, аналогичным статусу юридического лица. Аргументом в пользу первого подхода является наличие, по их мнению (достаточно спорному), объединяющего признака — воли, «способности к автономным действиям»⁹, но они отклоняют данный подход на том основании, что у роботов, в отличие от животных, нет эмоций¹⁰. С другой стороны, по мнению исследователей, нет препятствий для наделения роботов статусом, аналогичным статусу юридического лица, поскольку «в обоих случаях речь идет о создании искусственных конструкций»¹¹. Рассматривая признаки юридического лица, авторы приходят к выводу, что большинством из них

³ См., например: Яровой А. В., Быстров Д. С. Защита прав на результаты интеллектуальной деятельности, создаваемые технологией искусственного интеллекта // Искусство правоведения. 2022. № 2 (2). С. 20–25; Харитонова Ю. С., Савина В. С. Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 49. С. 524–549.

⁴ Голованов Н. М. Проблемы правосубъектности искусственного интеллекта // Теория права и межгосударственных отношений. 2022. Т. 1. № 9 (21). С. 24–25.

⁵ Рожкова М. А. Станет ли искусственный интеллект самостоятельным субъектом права? // Хозяйство и право. 2021. № 6. С. 17.

⁶ Ивлиев Г. П., Егорова М. А. Юридическая проблематика правового статуса искусственного интеллекта и продуктов, созданных системами искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 6. С. 32–46. С. 34.

⁷ Ивлиев Г. П., Егорова М. А. Указ. соч. С. 43.

⁸ Ивлиев Г. П., Егорова М. А. Указ. соч. С. 44.

⁹ Архипов В. В., Наумов В. Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правообъектности // Закон. 2017. № 5. С. 164.

¹⁰ Архипов В. В., Наумов В. Б. Указ. соч. С. 162–163.

¹¹ Архипов В. В., Наумов В. Б. Указ. соч. С. 167.

(наличие обособленного имущества, способность выступать от своего имени и т.д.) «роботы» могут быть наделены законодательством. Исключение делается для признака организационного единства, но, по их мнению, он «не имеет принципиального значения»¹². В критике данного подхода отмечается, что данный признак является обязательным для юридического лица¹³, с чем трудно не согласиться, но одной такой констатации, считаем, недостаточно: технически эта проблема решается, вполне можно настроить ИИ на принятие решений, например касающихся совершения сделок. Проблема в том, что за любым юридическим лицом стоят люди, именно через них, в качестве органов или участников, действует юридическое лицо, приобретает гражданские права и обязанности. Согласно ст. 53.1 ГК РФ именно конкретные физические лица несут ответственность за убытки, причиненные юридическому лицу.

В рамках религиозных концепций, например христианской антропологии, человек рассматривается как единство души и тела; психологические теории также констатируют наличие базовых потребностей и инстинктов. Любое понимание личности исходит из тесной взаимосвязи в ней физических и психических начал. Разумеется, телесность человека подвергается социальному воздействию, но остается базисом для преобразований. Например: физическая природа закладывает в нас стремление к получению удовольствия, средством достижения которого являются в том числе материальные блага; соответственно, люди стремятся как минимум к сбережению принадлежащих им материальных ценностей. В рамках гражданского оборота это обеспечивает наличие имущества, за счет которого возможно удовлетворение требований других лиц, в том числе при причинении им вреда, включая случаи безвиновной ответственности. Можно наделить ИИ («роботов» в словоупотреблении рассматриваемых авторов) обособленным имуществом, но где гарантии, что они будут стремиться к его

сохранению (в чем объективно заинтересованы и другие участники гражданского оборота)?

Наряду с преобразованным стремлением к удовольствию, инстинктом самосохранения и т.п., человек приобретает также альтруистические качества, которые тоже во многом связаны с его физической природой, хотя эта взаимосвязь является более сложной. Теоретически можно сформировать у ИИ качества идеальной личности (хотя неочевидны критерии такой «идеальности», на сегодняшний день они очень отличаются в зависимости от мировоззренческих установок), однако как будет обеспечиваться их формирование? Сертификация ИИ для этих целей, очевидно, является технически и организационно крайне сложной задачей, к тому же предполагающей расширение государственного вмешательства в частноправовые отношения. При этом риски всё равно не исключаются, возможен как сбой этих установок (ИИ — не просто программа, а программа саморазвивающаяся), так и труднораспознаваемое внедрение установок вредоносных (в качестве аналогии вспомним компьютерные вирусы, с которыми мы столкнулись еще на заре всеобщей компьютеризации).

Наконец, ни в рассматриваемой, ни в других работах, отстаивающих концепцию субъектности ИИ по модели юридических лиц, мы не находим ответа на самый очевидный вопрос: что мешает рассматривать ИИ как актив тех же юридических лиц, в чем необходимость создания еще одной сущности?

В одном ряду с исследованиями, отстаивающими субъектность ИИ, стоят работы, содержащие критику данной концепции, носящую уточняющий характер.

Например, М. А. Рожкова указывает, что «об искусственной личности надо бы говорить применительно не к продвинутому роботу, а скорее обеспечивающему его функционирование AI»¹⁴. В рамках заданной аксиоматики с этим утверждением трудно не согласиться. В то же время применительно к вопросу об опреде-

¹² Архипов В. В., Наумов В. Б. Указ. соч. С. 166.

¹³ Голованов Н. М. Указ. соч. С. 27.

¹⁴ Рожкова М. А. Указ. соч. С. 19.

лении субъекта ответственности при причинении вреда допустимы различные решения, в частности, признание владельцем источника повышенной опасности собственника или иного владельца робота (с возможностью регресса к разработчику программного обеспечения). Кстати, утверждение М. А. Рожковой о том, что «причинение ущерба вследствие того, что AI принимает автономные решения <...> не охватывается нормами действующего законодательства»¹⁵, на наш взгляд, очень спорное.

Исследователь указывает, что российское право «понимает под юридическим лицом исключительно организацию, в отличие от фикционных теорий в ряде зарубежных государств»¹⁶, очевидно имея в виду, что в рамках второй группы концепций было бы проще рассматривать ИИ как самостоятельный субъект. Следует заметить, что и в рамках правовых систем, предполагающих фикционную теорию юридического лица, за последним всегда стоят конкретные люди. Они наделены, в частности, инстинктом самосохранения, а в тех же США широко используются уголовно-правовые средства воздействия на физических лиц — органы или участников юридического лица — с целью охраны интересов контрагентов последнего.

Наконец, третье возражение касается такого признака, как наличие обособленного имущества. По мнению автора, даже наделение электронного лица имуществом в размере, предусмотренном для обществ с ограниченной ответственностью, «со всей очевидностью не позволит в полном объеме возместить возможный вред»¹⁷. В таком виде возражение звучит

как критика самой концепции юридических лиц, по крайней мере части их организационно-правовых форм.

Иногда при обзоре данной концепции исследователи ограничиваются указанием на саму возможность создания правовой конструкции отношений с участием юнита, без указания хотя бы на самые общие ее черты¹⁸.

Следующий подход можно обозначить как «комбинированная субъектность» ИИ.

Е. В. Вавилин предлагает наделить ИИ «авторскими и исключительными» правами на созданные произведения, налоговыми обязанностями и обязанностями по возмещению вреда, а разработчиков — правами на вознаграждение за создание и использование ИИ (при этом «не исключена возможность» выплаты им разового вознаграждения от использования объекта, созданного системой)¹⁹. Основу аргументации исследователя составляет опасение, что если наделить правами на продуцируемые ИИ результаты разработчика и инвестора (владельца), то в силу высокой продуктивности первого указанные лица получат сверхприбыли, сфера будет монополизирована, а «живое человеческое творчество в скором времени будет обречено стать раритетом»²⁰. Просматриваются подобного рода доводы и у других исследователей²¹. Насколько можно понять, логика здесь в том, чтобы «перетянуть» выгоды от указанных лиц на ИИ. На наш взгляд, указанные проблемы решаются посредством конкуренции: создание ИИ для решения задачи, предполагающей востребованный результат (например, нейросетей для генерации изображения), не всегда требует

¹⁵ Рожкова М. А. Указ. соч. С. 21.

¹⁶ Рожкова М. А. Указ. соч. С. 20.

¹⁷ Рожкова М. А. Указ. соч. С. 22.

¹⁸ См., например: Морхат П. М. Право на результаты интеллектуальной деятельности... С. 210.

¹⁹ Вавилин Е. В. Статус искусственного интеллекта: от объекта к субъекту правовых отношений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 45. С. 153.

²⁰ Вавилин Е. В. Указ. соч. С. 152–153.

²¹ См., например: Гольцов В. Б., Голованов Н. М. Искусственный интеллект и проблемы принадлежности результатов его интеллектуальной деятельности // Теория права и межгосударственных отношений. 2021. Т. 2. № 8 (20). С. 59–65; Калятин В. О. Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта, и его влияние на развитие гражданского законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 4. С. 24–50.

больших финансовых вложений, с этим вполне справляются субъекты малого предпринимательства, отдельные физические лица. Постепенно формируется рынок таких продуктов, плата за их использование вполне доступна (а иногда они предлагаются и на условиях безвозмездности), вопрос о монополизации (по крайней мере в настоящее время) не стоит на повестке дня. Если же дать себя захватить подобным опасениям, то более логичным выглядит предложение исследователей признавать результаты, сгенерированные ИИ, в качестве неохранных. Кроме того, в вышеуказанной работе не представлен правовой механизм включения ИИ в гражданский оборот, автор упоминает лишь о необходимости сертификации и государственной регистрации ИИ²², не формулируя даже требований к сертифицируемому (регистрируемому) ИИ. Неясными остаются отношения ИИ (поскольку признается его субъектность) и разработчиков (пользователей).

Следует также рассмотреть аргументацию критиков субъектности ИИ, которая, нужно признать, не всегда удовлетворительна. Е. Г. Белькова, утверждая, что «отсутствие правосубъектности у технологий искусственного интеллекта в области авторского права требует усиленной аргументации»²³ (на наш взгляд, тезис не слишком соотносится с современным состоянием правовой доктрины), ищет такие доводы в непризнании способности ИИ создавать объекты авторского права. Такой подход распространен среди исследователей. Например, В. Д. Голованов отмечает, что ИИ и его носитель «лишены чувств, эмоций, интересов, которые присущи человеку, вследствие чего творить не могут»²⁴. Аналогич-

ную мысль формулирует М. Н. Комашко: «Произведением (объектом авторского права) некий объект становится не в силу своих объективных характеристик, а благодаря осознанию автором факта создания им произведения, оценке автором созданного им объекта как произведения, а своего труда — как акта творчества»²⁵. Заметим, что общепринятые критерии охраны произведения в авторском праве носят объективный характер, субъективные намерения имеют правовое значение лишь для такого юридического субинститута, как соавторство; проблема разграничения с природными объектами решается заложенной в понятии «произведение науки, литературы и искусства», т.е. заведомой неприродности, искусственности. Конечно, следует согласиться с другим посылом исследователя, что право существует для людей, ИИ не может быть заинтересован в наделении его правами²⁶.

Аналогичную позицию ранее озвучивал В. С. Витко: «Допуская возможность самостоятельного машинного творчества... мы приходим к необходимости признания гражданской правоспособности машинного интеллекта»²⁷.

Считаем такой подход неверным. Уже в настоящее время даже так называемый слабый ИИ (нейросети) в состоянии продуцировать объекты, вполне сопоставимые с результатами деятельности человека. И такие объекты, пусть медленно, становятся всё более востребованными на практике, а не только в качестве забавного курьеза.

Близкий к данному подход — редуцирование вопроса к технической проблематике: указание на возможность наделения юнита субъектностью в случае появления сильного ИИ²⁸.

²² Вавилин Е. В. Указ. соч. С. 155.

²³ Белькова Е. Г. Произведения, созданные технологиями искусственного интеллекта // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23. № 2 (88). С. 154.

²⁴ Голованов Н. М. Указ. соч. С. 26.

²⁵ Комашко М. Н. Институт авторства и искусственный интеллект // Труды по интеллектуальной собственности. 2022. Т. 42. № 3. С. 106.

²⁶ Комашко М. Н. Указ. соч. С. 105–106.

²⁷ Витко В. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2019. № 2. С. 18.

²⁸ См., например: Морхат П. М. Искусственный интеллект как автор произведения: могут ли роботы творить? // Власть закона. 2019. № 1 (37). С. 93; Свиридова Е. А. Проблема определения субъекта авторских

В. Н. Синельникова указывает на невозможность самостоятельного участия «кибер-субъектов» в экономическом обороте на том основании, что если человек приобретает навык распознавания лиц в самом раннем возрасте, то даже «современнейшая IT-программа различает лица на самом примитивном уровне, поэтому для идентификации субъекта использует дополнительную информацию (сетчатку глаза, папиллярные узоры на пальцах и другие признаки индивидуализации)»²⁹. Даже не говоря о спорности тезиса о неспособности распознавания лиц современными нейросетями, следует заметить, что всё меньшее количество сделок требует такого распознавания, прямого контакта с потенциальным контрагентом для заключения договора часто не требуется.

Нужно согласиться с авторами, указывающими на то, что препятствием к признанию ИИ субъектами права является отсутствие у них воли³⁰. Но не следует на этой констатации останавливаться: даже современный уровень развития теоретически позволяет эту волю у ИИ сформировать, однако она будет в своих базовых параметрах зависеть от целей разработчика (или «учителя» программы), добросовестность которых, как уже отмечалось, сложно проконтролировать. При этом установки ИИ не будут иметь опоры в инстинктах, обусловленных физической природой, как у человека. И кроме технических сложностей, возникает вопрос целесообразности. Возможно, задачей человека является преобразование самого себя, а не создание идеальных виртуальных личностей?

В. О. Калятин указывает в качестве аргумента против субъектности ИИ то, что это предоста-

вит возможность его владельцу уйти от ответственности за его использование, хотя немного ранее объяснял появление юридических лиц необходимостью ограничения ответственности в ходе коммерческой деятельности³¹. Но совершенно справедливо там же сделанное замечание исследователя о неясности плюсов появления нового субъекта дополнительно к уже существующим, тем же юридическим лицам.

В этой связи надо упомянуть несколько особняком стоящую концепцию разработки специальной организационно-правовой формы юридического лица. Так, Б. А. Шахназаров, отрицая самостоятельную правосубъектность ИИ, предлагает включить в законодательство «особую форму организации деятельности ИИ <...> при наличии обособленного имущества, фондов денежных средств с обязательным обозначением лиц, контролирующих деятельность ИИ»³².

Разумеется, это выглядит намного реалистичнее придания статуса субъекта самому ИИ. Однако если речь идет о принципиально новой организационно-правовой форме, то следует отметить, что процесс нахождения баланса между интересами кредиторов юридического лица и интересами лиц, определяющих его деятельность, был длительным и продолжает совершенствоваться (вспомним относительно недавнее появление субсидиарной ответственности органов и учредителей хозяйственных обществ в российском праве). Выстраивание подобных отношений с чистого листа применительно к совершенно новому субъекту неизбежно приведет к издержкам для участников гражданского оборота.

прав на произведения, созданные искусственным интеллектом // Государство и право. 2021. С. 102–103 ; Черноусов Д. А. Искусственный интеллект: первые шаги к субъектности в праве // Труды по интеллектуальной собственности. 2022. Т. 41. № 2. С. 103.

²⁹ Синельникова В. Н. Правовой режим результатов интеллектуальной деятельности, созданных саморазвивающимися программами // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 325.

³⁰ Хисамова З. И., Бегишев И. Р. Сущность искусственного интеллекта и проблема определения правосубъектности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2020. № 2. С. 100–101, 103.

³¹ Калятин В. О. Указ. соч. С. 42–43.

³² Шахназаров Б. А. Правовое регулирование отношений с использованием искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 9 (142). С. 63, 69.

В настоящей статье не рассматриваются другие, отличные от собственной правосубъектности ИИ подходы к решению вопроса о закреплении прав на продуцированные ИИ результаты, это неоправданно расширило бы ее тематику. Автору представляется наиболее обоснованной концепция закрепления *первоначальных* прав за разра-

ботчиками ИИ, пожалуй, преобладающая в специальной литературе. Но еще раз подчеркнем, что при ином решении рассмотрение собственной правосубъектности ИИ на данном этапе объективно препятствует развитию юридической науки в сфере регулирования отношений, связанных с использованием ИИ, а значит, и развитию права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Архипов В. В., Наумов В. Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правообъектности // Закон. — 2017. — № 5. — С. 157–170.
2. Белькова Е. Г. Произведения, созданные технологиями искусственного интеллекта // Академический юридический журнал. — 2022. — Т. 23. — № 2 (88). — С. 153–160.
3. Вавилин Е. В. Статус искусственного интеллекта: от объекта к субъекту правовых отношений // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2022. — № 45. — С. 147–158.
4. Витко В. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2019. — № 2. — С. 5–20.
5. Голованов Н. М. Проблемы правосубъектности искусственного интеллекта // Теория права и межгосударственных отношений. — 2022. — Т. 1. — № 9 (21). — С. 23–29.
6. Ивлиев Г. П., Егорова М. А. Юридическая проблематика правового статуса искусственного интеллекта и продуктов, созданных системами искусственного интеллекта // Журнал российского права. — 2022. — Т. 26. — № 6. — С. 32–46.
7. Калятин В. О. Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта, и его влияние на развитие гражданского законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2022. — Т. 15. — № 4. — С. 24–50.
8. Комашко М. Н. Институт авторства и искусственный интеллект // Труды по интеллектуальной собственности. — 2022. — Т. 42. — № 3. — С. 98–109.
9. Морхат П. М. Право на результаты интеллектуальной деятельности, произведенные юнитом искусственного интеллекта: гражданско-правовые проблемы // Право и государство. — 2018. — № 1–2 (78–79). — С. 204–215.
10. Морхат П. М. Искусственный интеллект как автор произведения: могут ли роботы творить? // Власть закона. — 2019. — № 1 (37). — С. 82–95.
11. Рожкова М. А. Станет ли искусственный интеллект самостоятельным субъектом права? // Хозяйство и право. — 2021. — № 6. — С. 14–22.
12. Свиридова Е. А. Проблема определения субъекта авторских прав на произведения, созданные искусственным интеллектом // Государство и право. — 2021. — № 2. — С. 95–103.
13. Синельникова В. Н. Правовой режим результатов интеллектуальной деятельности, созданных саморазвивающимися программами // Пермский юридический альманах. — 2019. — № 2. — С. 320–328.
14. Черноусов Д. А. Искусственный интеллект: первые шаги к субъектности в праве // Труды по интеллектуальной собственности. — 2022. — Т. 41. — № 2. — С. 98–106.
15. Хисамова З. И., Бегишев И. Р. Сущность искусственного интеллекта и проблема определения правосубъектности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». — 2020. — № 2. — С. 96–106.
16. Шахназаров Б. А. Правовое регулирование отношений с использованием искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 9 (142). — С. 63–72.

Материал поступил в редакцию 11 апреля 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Arkhipov V. V., Naumov V. B. O nekotorykh voprosakh teoreticheskikh osnovaniy razvitiya zakonodatelstva o robototekhnike: aspekty voli i pravoobektnosti // *Zakon*. — 2017. — № 5. — S. 157–170.
2. Belkova E. G. Proizvedeniya, sozdannye tekhnologiyami iskusstvennogo intellekta // *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal*. — 2022. — T. 23. — № 2 (88). — S. 153–160.
3. Vavilin E. V. Status iskusstvennogo intellekta: ot obekta k subektu pravovykh otnosheniy // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*. — 2022. — № 45. — S. 147–158.
4. Vitko V. Analiz nauchnykh predstavleniy ob avtore i pravakh na rezultaty deyatel'nosti iskusstvennogo intellekta // *Intellektualnaya sobstvennost. Avtorskoe pravo i smezhnye prava*. — 2019. — № 2. — S. 5–20.
5. Golovanov N. M. Problemy pravosubektnosti iskusstvennogo intellekta // *Teoriya prava i mezhsudarstvennykh otnosheniy*. — 2022. — T. 1. — № 9 (21). — S. 23–29.
6. Ivliev G. P., Egorova M. A. Yuridicheskaya problematika pravovogo statusa iskusstvennogo intellekta i produktov, sozdannykh sistemami iskusstvennogo intellekta // *Zhurnal rossiyskogo prava*. — 2022. — T. 26. — № 6. — S. 32–46.
7. Kalyatin V. O. Opredelenie subekta prav na rezultaty intellektualnoy deyatel'nosti, sozdannye s ispolzovaniem iskusstvennogo intellekta, i ego vliyanie na razvitie grazhdanskogo zakonodatelstva // *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. — 2022. — T. 15. — № 4. — S. 24–50.
8. Komashko M. N. Institut avtorstva i iskusstvennyy intellekt // *Trudy po intellektualnoy sobstvennosti*. — 2022. — T. 42. — № 3. — S. 98–109.
9. Morkhat P. M. Pravo na rezultaty intellektualnoy deyatel'nosti, proizvedennye yunitom iskusstvennogo intellekta: grazhdansko-pravovye problemy // *Pravo i gosudarstvo*. — 2018. — № 1–2 (78–79). — S. 204–215.
10. Morkhat P. M. Iskustvennyy intellekt kak avtor proizvedeniya: mogut li roboty tvorit? // *Vlast zakona*. — 2019. — № 1 (37). — S. 82–95.
11. Rozhkova M. A. Stanet li iskusstvennyy intellekt samostoyatel'nyim subektom prava? // *Khozyaystvo i pravo*. — 2021. — № 6. — S. 14–22.
12. Sviridova E. A. Problema opredeleniya subekta avtorskikh prav na proizvedeniya, sozdannye iskusstvennym intellektom // *Gosudarstvo i pravo*. — 2021. — № 2. — S. 95–103.
13. Sinelnikova V. N. Pravovoy rezhim rezultatov intellektualnoy deyatel'nosti, sozdannykh samorazvivayushchimisya programmami // *Permskiy yuridicheskii almanakh*. — 2019. — № 2. — S. 320–328.
14. Chernousov D. A. Iskustvennyy intellekt: pervye shagi k subektnosti v prave // *Trudy po intellektualnoy sobstvennosti*. — 2022. — T. 41. — № 2. — S. 98–106.
15. Khisamova Z. I., Begishev I. R. Sushchnost iskusstvennogo intellekta i problema opredeleniya pravosubektnosti // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Yurisprudentsiya»*. — 2020. — № 2. — S. 96–106.
16. Shakhnazarov B. A. Pravovoe regulirovanie otnosheniy s ispolzovaniem iskusstvennogo intellekta // *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. — 2022. — T. 17. — № 9 (142). — S. 63–72.

Защита добросовестного приобретателя и недействительность сделки: в поисках стабильности гражданских правоотношений

Аннотация. В статье исследуется взаимосвязь институтов защиты добросовестного приобретателя и недействительности сделки. Институт защиты добросовестного приобретателя, закрепляя условия, при которых собственник не может истребовать свое имущество, олицетворяет идею поиска баланса между интересами собственника и лица, которое добросовестно и возмездно приобрело имущество, и распространяет соответствующую идею также на иные институты гражданского права. Институт защиты добросовестного приобретателя вышел за границы института виндикационного иска, выступив мерилom справедливого разрешения спора, и приобрел межинституциональный характер, оказывая влияние, в частности, на институт недействительности сделки. Оспаривание собственником сделки с имуществом является одним из способов защиты прав собственника. Однако применение такого способа должно относиться к исключительным ситуациям в силу экстраординарного характера реституции; во всяком случае, его применение не должно приводить к нарушению прав и интересов лиц, не являющихся сторонами сделки. Для обеспечения стабильности прав на имущество необходимо, чтобы признанная недействительной оспоримая сделка не влекла правовых последствий с момента признания ее таковой судом, а не с момента ее совершения, поскольку, несмотря на восстановление собственником прав посредством компенсационной реституции, ретроактивный характер недействительности сделки будет влиять на права приобретателей имущества. Этого можно достичь изменением законодательных положений о недействительности оспоримой сделки и восприятием классического пандектного учения о моменте, с которого признанная недействительной оспоримая сделка считается недействительной.

Ключевые слова: право собственности; виндикационный иск; добросовестный приобретатель; недействительность сделки; владение; защита права; субъективное право; суд; спор; стабильность гражданского оборота.

Для цитирования: Мальбин Д. А. Защита добросовестного приобретателя и недействительность сделки: в поисках стабильности гражданских правоотношений // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 2. — С. 140–150. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.140-150.

© Мальбин Д. А., 2024

* Мальбин Дмитрий Андреевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), ведущий эксперт Института проблем административно-правового регулирования Высшей школы экономики, партнер VERBA Legal, адвокат
Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, Россия, 101000
dmitriy.malbin@verba.legal

Protection of a Bona Fide Purchaser and Invalidity of a Transaction: In Search of Stability in Civil Legal Relations

Dmitriy A. Malbin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil and Business Law, the All-Russian State University of Justice, Leading Expert, Institute of Administrative Legal Regulation Problems, Higher School of Economics, Partner, VERBA Legal, Lawyer
dmitriy.malbin@verba.legal

Abstract. The paper examines the relationship between the institutions of protection of a bona fide purchaser and the invalidity of a transaction. The institution of protection of a bona fide purchaser, establishing the conditions under which the owner cannot reclaim their property, embodies the idea of finding a balance between the interests of the owner and the person who acquired the property in good faith and for compensation, and extends the corresponding idea also to other institutions of civil law. The institution of protection of a bona fide purchaser went beyond the boundaries of the institution of vindication action, acting as a measure of a fair resolution of a dispute, and acquired an inter-institutional character, influencing, in particular, the institution of invalidity of a transaction. Challenging a property transaction by the owner is one of the ways to protect the rights of the owner. However, the use of this method should only apply to exceptional situations due to the extraordinary nature of restitution; in any case, its application should not lead to a violation of the rights and interests of persons who are not parties to the transaction. To ensure the stability of rights to property, it is necessary that a voidable transaction declared invalid does not entail legal consequences from the moment it is recognized as such by the court, and not from the moment it is completed. It happens since, despite the restoration of rights by the owner through compensatory restitution, the retroactive nature of the invalidity of the transaction will affect the rights purchasers of property. This can be achieved by changing the legislative provisions on the invalidity of a voidable transaction and the perception of the classical pandect doctrine about the moment from which a voidable transaction declared invalid is considered invalid.

Keywords: property rights; vindication claim; bona fide purchaser; invalidity of the transaction; possession; protection of rights; subjective right; court; dispute; stability of civil turnover.

Cite as: Malbin DA. Protection of a Bona Fide Purchaser and Invalidity of a Transaction: In Search of Stability in Civil Legal Relations. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(2):140-150. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.140-150.

Вещное право, являясь одной из подотраслей гражданского права, призвано обеспечить правовое закрепление принадлежности вещей субъектам гражданского оборота, нормальное функционирование которого невозможно в отсутствие прав на имущество, которое переходит от одного лица к другому. С отчуждением имущества при наличии у отчуждателя прав на имущество происходит переход прав на вещь, вследствие чего приобретатель имеет юридически обеспеченную возможность господствовать над принадлежащей ему вещью. При этом с прочностью прав на имущество достигается стабильность гражданского оборота, субъекты которого могут быть уверены в том, что не лишатся приобретенного ими имущества. Тем не менее в ряде случаев приобрете-

ние вещи может не сопровождаться переходом прав на нее, как, например, при приобретении вещи у лица, не имеющего прав на отчуждаемое имущество. Приобретатель здесь оказывается незаконным владельцем, от которого вещь может быть истребована по иску собственника. Однако подобная безусловная возможность собственника истребовать вещь от всякого ее приобретателя оказывается вредной для гражданского оборота и не может быть оправдана с политико-правовой точки зрения. Ввиду указанных причин еще в древнегерманском праве зародился институт ограничения виндикации, известный в качестве правила *Hand muss Hand wahren*, который стал неизменным спутником института виндикационного иска в современных правовых порядках, позволяя наиболее справед-

ливым образом решить вопрос о возможности собственника истребовать имущество из владения лица, которое приобрело его у неуправомоченного отчуждателя.

Идея защиты добросовестного приобретателя имущества воспринята и российским гражданским правом, институт защиты которого закреплен в ст. 302 Гражданского кодекса Российской Федерации¹. Существование института защиты добросовестного приобретателя само по себе не означает безусловной невозможности истребования от него имущества собственником. Несмотря на значительную пользу такого института, право не может оставлять без защиты собственника, который лишился своего имущества, и с этой целью закрепляет условия, при совокупном наличии которых имущество не может быть истребовано по иску собственника: добросовестность приобретателя, возмездность приобретения, выбытие вещи из владения собственника или лица, которому вещь передана собственником, по его воле. Каждое условие играет существенную роль в формировании подхода, позволяющего справедливым образом разрешить конкуренцию интересов собственника и добросовестного приобретателя, а отсутствие хотя бы одного из условий исключает возможность защиты приобретателя, что обосновывается исключительно политико-правовыми соображениями. Так, при отсутствии добросовестности приобретателя нет причин для его защиты, ведь такое лицо при приобретении вещи действует не просто неправомерно, но умышленно, с осознанием факта нарушения им чужого права собственности. В свою очередь, при безвозмездном приобретении имущества приобретатель, хотя бы он и был добросовестным, не терпит убытков в случае истребования от него имущества, в отличие от утратившего вещь собственника. Выбытие вещи из владения собственника помимо его воли не позволяет возложить на собственника вину в том, что вещь в конечном счете оказалась во владении приобретателя, в отличие от того собственника, который, передав вещь, сам создал условия для

того, чтобы вещь впоследствии была приобретена лицом в отсутствие знаний о неуправомоченности отчуждателя.

Вместе с тем институт защиты добросовестного приобретателя не может рассматриваться лишь в качестве инструмента для справедливого разрешения частного спора собственника и приобретателя имущества от неуправомоченного отчуждателя, но выполняет значительно более важную функцию обеспечения стабильности гражданского оборота, поскольку с ограничением виндикации исключается интенсификация взаимных требований участников оборота в связи с истребованием имущества от конечного приобретателя. Принцип неограниченной виндикации, в свою очередь, имеет негативные последствия для гражданского оборота, поскольку владельцы имущества не могут быть уверены в прочности своего положения по отношению к имуществу, а ничем не ограниченная возможность истребования вещи собственником от всякого ее приобретателя подрывает стабильность гражданских отношений, поэтому появление института защиты добросовестного приобретателя следует признать важной вехой в развитии вещного права.

Предъявляя виндикационный иск, собственник преследует цель получить свое имущество во владение. Однако этот способ защиты гражданских прав не единственный, позволяющий утратившему имущество собственнику вернуть его в собственное обладание. В частности, такой возврат возможен путем применения последствий недействительности совершенной с имуществом сделки, а с учетом того, что выбор способа защиты нарушенного права при наличии так называемой конкуренции исков принадлежит управомоченному лицу, то собственник, утративший имущество по сделке, вместо предъявления виндикационного иска вправе требовать признания совершенной с его имуществом сделки недействительной и применения последствий ее недействительности.

Виндикационный иск и иск о признании сделки недействительной и применении по-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

следствий ее недействительности достигают указанного результата различным образом: если первый иск сохраняет структуру правовых связей в правоотношениях, реализуясь исключительно в рамках вещных правоотношений, где кредитор (собственник) требует возврата вещи от должника (незаконного владельца), то второй иск достигает обозначенного результата за счет разрушения структуры правовых связей между субъектами, вследствие чего права и обязанности сторон изменяются по отношению друг к другу. При этом в случае оспаривания сделки приобретатель имущества оказывается без защиты, т.к. институт защиты добросовестного приобретателя является необходимым дополнением института виндикационного иска и не имеет значения не только при применении общих способов защиты (к числу которых относится оспаривание сделки), но даже при применении иного специального вещно-правового способа защиты — негаторного иска². При таких обстоятельствах закономерен вопрос о конкуренции способов защиты прав собственника при утрате им вещи и об учете значения института защиты добросовестного приобретателя для формирования такого подхода, который бы обеспечивал необходимый баланс не только между интересами спорящих сторон, но и гражданского оборота в целом.

Впервые указанная проблема применительно к ничтожным сделкам на высоком уровне была рассмотрена в постановлении Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. М. Мариничевой, А. В. Немировской, З. А. Складной, Р. М. Складной и В. М. Ширяева»³ (далее — Постановление КС РФ № 6-П).

Конституционный Суд РФ пришел к выводу о том, что права лица, считающего себя собственником имущества, не подлежат защите путем удовлетворения иска к добросовестному приобретателю с использованием правового механизма реституции, такая защита возможна только путем удовлетворения виндикационного иска.

Особенность ситуации состояла в том, что действовавшее в то время законодательство предоставляло право предъявления иска о применении последствий недействительности ничтожной сделки всякому заинтересованному лицу, хотя бы такое лицо и не было стороной сделки, что давало основание считать, что утративший свое имущество собственник при наличии конкуренции исков вместо предъявления виндикационного иска вправе требовать применения последствий недействительности каждой совершенной с его имуществом сделки, т.к. совершенная с чужим имуществом сделка об отчуждении традиционно рассматривается в качестве ничтожной ввиду отсутствия у отчуждателя прав на имущество⁴. В результате применения такого механизма вещь последовательно возвращается от одного лица к другому и, наконец, к собственнику, чем, как считалось, достигалась защита права собственности.

Несмотря на рассмотрение вопроса на столь высоком уровне, вопрос не имел конституционно-правовой проблематики, а относился исключительно к области гражданского права, в частности правильного применения его институтов, а не соответствия их Конституции РФ⁵. В действительности в описанной ситуации конкуренции исков не имелось, поскольку выбор способа защиты нарушенного субъективного права хотя и осуществляется самим управомоченным субъектом, но не является произвольным и всегда осуществляется исходя из характе-

² См., например: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 01.09.2015 № 18-КГ15-113 // СПС «КонсультантПлюс».

³ СЗ РФ. 2003. № 17. Ст. 1657.

⁴ См.: Ширвиндт А. М. Комментарий к Обзору судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения (информационное письмо от 13.11.2008 № 126) // Вестник гражданского права. 2009. № 1. С. 109.

⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. № 237. 25.12.1993.

ра нарушения, а также способности избранного способа защиты непосредственно восстановить нарушенное право. В рассмотренном Конституционным Судом РФ деле нарушение права состояло не в наличии определенных пороков сделок, в результате совершения которых истец претерпевал определенное поражение в правах, т.к. ничтожные сделки не влекут правовых последствий априори и их совершение не отражается на правах собственника, но в том, что имущество собственника без законных оснований находится в незаконном владении третьего лица, к которому не могло перейти право собственности на имущество ввиду ничтожности сделок о его отчуждении. Таким образом, при сохранении права собственности на вещь и наличии вещного правоотношения спор относился к вещному, а устранение нарушения права собственности, которое состояло в незаконном владении третьим лицом вещью собственника, должно осуществляться исключительно виндикационным иском.

Невозможность истребования вещи от добросовестного приобретателя виндикационным иском при этом не означает, что собственнику надлежит обратиться к такому способу защиты права, в рамках которого защита добросовестного приобретателя не осуществляется, но который достигает с виндикационным иском одной цели. Защита добросовестного приобретателя не является препятствием к защите прав утратившего вещь собственника, т.к. институт защиты добросовестного приобретателя устанавливает правила разрешения конкуренции между правами и интересами собственника и добросовестного приобретателя, в том числе в целях обеспечения стабильности гражданских правоотношений, но не исключает возможность защиты субъективных прав. Если удовлетворение виндикационного иска невозможно ввиду наличия условий для защиты добросовестного приобретателя, утративший имущество собственник может предъявить иск к иному лицу для разрешения спора между ними, однако такой иск должен преследовать цель, не связанную с возвратом вещи, поскольку спор с этим лицом будет всегда носить отличный от спора по виндикационному иску характер (например,

возмещение убытков лицом, виновным в утрате собственником вещи).

Восстановление права осуществляется с применением определенного способа защиты, но неоднократное применение способа защиты права одного вида — признание сделки недействительной и применение последствий ее недействительности в случае такого нарушения, для устранения которого существует специальный способ защиты, нельзя признать верным, т.к. предъявлением иска о применении последствий недействительности всех совершенных с имуществом сделок для возврата имущества во владение собственника подменяется институт виндикационного иска, что обесценивает существование такого иска при возможности свободно обойти ограничения, связанные с ним.

Каждый способ защиты имеет свои уникальные условия для применения и преследует собственную цель, достижение которой влечет восстановление нарушенного права, в связи с чем нельзя говорить об альтернативной конкуренции исков собственника для возврата вещи из чужого незаконного владения. Проблема выбора способа защиты права может быть разрешена с использованием правила «*lex specialis derogat lex generalii*», т.к. норма об истребовании имущества из чужого незаконного владения является специальной, применимой для соответствующего вида правонарушения, по отношению к общей норме о недействительности сделок, вследствие чего использование общего способа защиты права оказывается невозможным.

Более того, применение последствий недействительности нескольких сделок приводит в динамику отношения сторон сделок, которые возвращают друг другу всё полученное по сделке, что само по себе не восстанавливает право собственности, поскольку такое восстановление возможно только с возвратом вещи незаконным владельцем непосредственно собственнику, а не ее передачей от одного незаконного владельца к другому, но одновременно означает вторжение собственника в чужие частные дела сторон оспариваемых сделок предъявлением такого иска, что противоречит одному из принципов гражданского права.

Принятие Постановления КС РФ № 6-П потребовало законодательного упрочения положения добросовестного приобретателя, с тем чтобы исключить возможность получения от него имущества в обход установленных правил о его защите. С этой целью положения ст. 223 ГК РФ были дополнены указанием на то, что недвижимое имущество принадлежит добросовестному приобретателю с момента государственной регистрации права, кроме случаев, когда собственник может истребовать это имущество виндикационным иском⁶. Однако введение соответствующих правил только в отношении недвижимого имущества потребовало разъяснения в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»⁷ о том, что новое положение ст. 223 ГК РФ о защите добросовестного приобретателя недвижимости подлежит применению в отношении добросовестного приобретателя движимого имущества в порядке аналогии права. Позднее в ходе реформы гражданского законодательства⁸ подверглась изменению и статья 166 ГК РФ в части ограничения круга лиц, наделенных правом оспаривания сделки и применения последствий недействительности сделки, до сторон сделки, а возможность оспаривания сделки иным лицом в настоящее время должна быть прямо предусмотрена законом. Указанные изменения призваны упрочить права на имущество и гражданский оборот в целом.

Вместе с тем само по себе законодательное ограничение круга лиц, имеющих право на оспаривание сделки, а также дополнение закона указанием на принадлежность недвижимого имущества добросовестному приобретателю с момента государственной регистрации права не способны полностью разрешить проблему влияния института недействительности сделки на положение приобретателя имущества, поскольку у собственника по-прежнему сохраняется право оспаривания сделок с его имуществом, в связи с чем требуется выработать концептуально новый системный подход к защите субъективных прав с учетом обеспечения интересов утратившего вещь собственника, приобретателя имущества, а также стабильности вещных прав на имущество и в целом гражданского оборота.

При имеющихся представлениях о возможностях оспаривания сделки, последствиях ее недействительности, условиях защиты добросовестного приобретателя и свободы выбора способа защиты права указанная проблема всегда будет проявляться. Например, по традиции признание недействительной оспоримой сделки, выступающей первой в цепочке совершенных с имуществом сделок, рассматривается как влекущее недействительность всех последующих сделок об отчуждении имущества⁹, в результате чего конечный приобретатель оказывается лицом, приобретшим вещь от неуправомоченного отчуждателя, а при отсутствии хотя бы одного из условий, необходимых для защиты добросовестного приобретателя, имущество может быть истребовано от него собственником виндикационным иском, несмотря на невоз-

⁶ Федеральный закон от 30.12.2004 № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 223 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральный закон “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним”» // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 43.

⁷ Российская газета. № 109. 21.05.2010.

⁸ Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2327.

⁹ См., например: Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2015. Т. 1. С. 624 ; Сагдеева Л. В. Виндикация интеллектуальной собственности // Журнал российского права. 2019. № 3. С. 81 ; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 26.02.2015 № Ф10-3240/2011 по делу № А23-4655/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

возможность применения по иску собственника механизма реституции в отношении каждой совершенной с его имуществом сделки. В таких случаях признание оспоримой сделки недействительной выступает первым этапом на пути к истребованию имущества виндикационным иском, поскольку вследствие ретроактивного характера недействительности сделки отчуждатель вещи рассматривается как не имеющий права *ex tunc*.

Вследствие фрагментарности подхода указанная проблема проявилась в одном из дел, что также потребовало вмешательства Конституционного Суда РФ. Поводом к новому рассмотрению вопроса о соответствии Конституции РФ положений ст. 302 ГК РФ послужило дело, в котором по иску бывшего супруга была признана недействительной сделка по распоряжению общим имуществом по причине отсутствия согласия этого супруга на ее совершение, при этом до признания данной сделки недействительной имущество — жилое помещение — было несколько раз отчуждено на основании последовательно совершенных сделок. В результате приобретатель жилого помещения стал рассматриваться как приобретший его у неуправомоченного отчуждателя, а с учетом того, что жилое помещение выбыло из владения оспорившего сделку субъекта права совместной собственности помимо его воли, такое имущество было истребовано от приобретателя независимо от его добросовестности и возмездного характера приобретения.

По результатам рассмотрения дела Конституционный Суд РФ в постановлении от 13.07.2021 № 35-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Мокеева»¹⁰ пришел к выводу о том, что жилое помещение не может быть истребовано от добросовестного возмездного приобретателя по иску бывшего супруга — участника общей совместной собственности, который не предпринял своевременных мер по контролю над общим имуществом супругов и надлежащему оформлению своего права собственности на

это имущество и по требованию которого ранее сделка по распоряжению жилым помещением признана недействительной как совершенная без его согласия.

Необходимость защиты добросовестного приобретателя в описанной ситуации не вызывает сомнений, однако решение вновь носит казуальный характер и принято без выработки универсального подхода, позволяющего разрешить вопрос конкуренции двух правовых институтов и исключить возникновение аналогичных ситуаций впредь, поскольку в совместной собственности супругов может находиться не только жилое помещение, но и иное имущество, в связи с чем не исключается возникновение споров в отношении иных объектов права общей собственности супругов. Кроме того, совместная собственность супругов не является единственным случаем общей совместной собственности, поэтому возникновение аналогичного спора возможно в связи с отчуждением имущества крестьянского (фермерского) хозяйства.

При этом гражданское право, имея богатый инструментарий, вполне способно разрешить проблему без использования конституционно-правовой методологии, обратившись к природе и генезису института недействительности сделки, а также имея в виду общую цель обеспечения стабильности гражданских правоотношений и предсказуемости правовых последствий.

Прообразом современного института недействительности сделки является римский институт *in integrum restitutio*, который изначально возник как *extraordinarium auxilium*, применимый тогда, когда вследствие строгости объективного права истец претерпевал определенное поражение в своих правах, противоречащее справедливости, которое было невозможно устранить применением иных способов защиты, вследствие чего римская реституция имела крайне ограниченную сферу применения. Сущность *in integrum restitutio* состояла в отмене правового эффекта, правомерно возникшего на основании норм объективного права, которое должно находиться в причинной связи с поражением истца в правах. При этом несмо-

¹⁰ СЗ РФ. 2021. № 29. Ст. 5753.

тря на то, что позднее *in integrum restitutio* стал рассматриваться в качестве *commune auxilium*, как подчеркивал Ф. К. фон Савиньи, реституция не имела места в случае, когда общих норм было достаточно для защиты пострадавшего, и при наличии у него возможности предъявления обычного иска использование *in integrum restitutio* допускалось, только когда обычный иск давал защиту меньшую, чем была возможна при *in integrum restitutio*¹¹.

Признание экстраординарного характера реституции и применение ее только при невозможности защиты права иным способом обеспечивают необходимую стабильность гражданских правоотношений, в связи с чем такой подход должен быть воспринят современным российским правопорядком, т.к. разрушение структуры правовых связей между субъектами и отпадение прав на имущество постфактум является вредным, поскольку ведет к увеличению числа взаимных притязаний субъектов и делает их правовое положение непредсказуемым. Стабильность гражданского оборота достигается в первую очередь прочностью прав на имущество, поэтому видится необходимым ограничить использование такого способа защиты, как признание оспоримой сделки недействительной и применение последствий ее недействительности.

В качестве *extraordinarium auxilium* оспаривание сделки в настоящее время должно применяться только тогда, когда отсутствуют другие способы восстановления нарушенного права. И во всяком случае применение такого способа защиты, когда это возможно исходя из его экстраординарного характера, не должно затрагивать правовое положение лиц, не являющихся сторонами сделки, что достигается признанием того, что признанная недействительной оспоримая сделка не влечет правовых последствий с момента признания ее таковой судом, а не с момента ее совершения.

Действующее законодательство позволяет суду аннулировать сделку на будущее время, но только когда это вытекает из существа сделки (п. 3 ст. 167 ГК РФ). Одним из примеров является указанный в п. 31 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 13, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 08.10.1998 № 14 «О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами»¹² случай признания недействительной оспоримой сделки, предусматривающей уплату процентов на переданную по сделке сумму денежных средств (договор займа, кредита, коммерческого кредита). Тем не менее решение вопроса об аннулировании сделки на будущий период отдан исключительно на усмотрение суда, и такой критерий, как существо сделки, не позволяет аннулировать сделку на будущее время, исходя из иных заслуживающих внимания обстоятельств, не связанных с существом оспариваемой сделки, отчего такой критерий нельзя признать удачным.

В этой связи требуют переосмысления современные представления о ретроактивном характере недействительности оспоримой сделки, поскольку, как указывает А. Д. Рудоквас, «в рамках классического пандектного учения о порочности юридической сделки оспариваемая сделка после того, как она оспорена, утрачивает силу с момента вынесения судебного решения (*ex nunc*), а не с момента заключения (*ex tunc*)»¹³. При таком подходе отчуждение вещи собственником по оспоримой сделке не должно влиять на те сделки с имуществом, которые совершены до признания первой сделки недействительной, поскольку оспариваемая сделка влекла правовые последствия вплоть до признания ее недействительной судом, следовательно, до признания такой сделки недействительной происходит переход права собственности к последующему приобретателю, а отпадения права собственно-

¹¹ Савинь Ф. К. фон. Система современного римского права : в 8 т. / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М. : Статут, 2016. Т. 4. С. 360–361.

¹² Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 12.

¹³ Рудоквас А. Д. Спорные вопросы учения о приобретательной давности : монография. М. : Закон, 2011. С. 53.

сти отчуждателя на вещь постфактум не происходит. Таким образом, применение реституции достигает цели защиты нарушенного субъективного права, не оказывая при этом негативного влияния на права приобретателей имущества, чем обеспечивается необходимая стабильность вещных прав и гражданского оборота в целом.

Проведя соответствующее исследование, Д. О. Тузов классифицировал реституционные обязательства на реституцию владения, т.е. возврат переданного по сделке имущества, и компенсационную реституцию¹⁴, которая состоит в возмещении стоимости полученного по сделке при невозможности возвратить полученное в натуре. Восстановление нарушенного права при оспаривании сделки, таким образом, происходит с отменой правового эффекта сделки и возвратом оспариваемую сделку лицу полученной по сделке вещи, если при этом вещь находится во владении стороны сделки, либо возмещением ее стоимости, когда такой возврат оказывается невозможным (независимо от причин, вызвавших такую невозможность). В этой связи возврат имущества, отчужденного собственником на основании оспоримой сделки, может быть произведен только путем признания совершенной оспоримой сделки недействительной и применения последствий ее недействительности, т.к. применение виндикационного иска оказывается невозможным в связи с переходом права на вещь от собственника к стороне сделки. Отсутствие у другой стороны сделки переданного ей имущества, в том числе по причине дальнейшего отчуждения имущества третьему лицу, не должно служить поводом к предъявлению виндикационного иска после признания сделки недействительной, но является основанием для взыскания со стороны сделки компенсации в размере стоимости имущества, чем исчерпывается защита прав собственника.

Ввиду изложенного отчуждение одним из субъектов права совместной собственности имущества без согласия другого субъекта такого права, как это произошло в рассмотренном в постановлении КС РФ от 13.07.2021 № 35-П деле,

должно быть основанием для предъявления таким субъектом иска о возмещении убытков лицом, которое произвело отчуждение общего имущества без согласия второго участника совместной собственности, т.к. распоряжение общим имуществом осуществляется по согласию всех участников, вследствие чего распоряжение общим имуществом без такого согласия свидетельствует о наличии правонарушения и, значит, об основании для привлечения лица, распорядившегося общим имуществом вопреки воле другого субъекта права общей совместной собственности, к гражданско-правовой ответственности. При этом приоритет такого способа защиты, как возмещение убытков, связан с экстраординарным характером реституции, которая не подлежит применению при наличии иного способа защиты, способного привести к восстановлению права.

Таким образом, обеспечение стабильности гражданского оборота за счет прочности прав на имущество является необходимым и полезным для всех субъектов гражданских правоотношений, поэтому ограничение истребования собственником имущества от добросовестного приобретателя служит общей цели защиты гражданского оборота и не может рассматриваться как институт, препятствующий защите права собственности, принимая во внимание, что защита прав собственника может быть обеспечена также иными способами. Между тем такой способ защиты права, как признание оспоримой сделки недействительной и применение последствий ее недействительности, не должен подменять институт виндикационного иска и приводить к такому результату, при котором приобретатель утрачивает вещное право на приобретенное им имущество постфактум.

Институт защиты добросовестного приобретателя, закрепляя условия, при наличии которых собственник не может истребовать свое имущество, в то же время олицетворяет идею поиска баланса между интересами собственника и лица, которое добросовестно и возмездно приобрело имущество, распространяя соответствующую

¹⁴ Тузов Д. О. Реституция при недействительности сделок и защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве. М. : Статут, 2007. С. 108.

идею также на иные институты гражданского права. Рассмотрение Конституционным Судом РФ вопросов, связанных с разрешением конкуренции защиты прав и интересов утратившего вещь собственника и добросовестного приобретателя, и принятие решений в пользу последнего свидетельствует о том, что институт защиты добросовестного приобретателя имущества вышел за границы института виндикационного иска. В настоящее время он выступает мерилем справедливого разрешения спора и приобрел межинституциональный характер, оказывая влияние на иные правовые институты, в частности на институт недействительности сделки. В пользу изложенного свидетельствует также постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Н. Дубовца»¹⁵, в котором высшая судебная инстанция также отдала приоритет защите добросовестного приобретателя перед собственником. Несмотря на то что рассмотренный в данном постановлении вопрос не касался влияния недействительности сделки на правовое положение приобретателя имущества, а состоял в возможности защиты добросовестного возмездного приобретателя, когда имущество было из владения собственника помимо его воли, неизменное принятие Конституционным Судом РФ решений в пользу добросовестных приобретателей свидетельствует о сформировавшемся векторе в развитии объективного права, состоящем в необходимости учета интересов добросовестных приобретателей имущества, что продиктовано в том числе общей целью обеспечения стабильности гражданских правоотношений.

Институт защиты добросовестного приобретателя призван обеспечить стабильность прав на имущество. Такой институт должен применяться в тех случаях, когда собственник сохраняет право собственности до приобретения вещи добросовестным приобретателем в результате сложного юридического состава. Однако такой институт не рассчитан на защиту приобретателя при отпадении права собственности отчужда-

теля постфактум вследствие признания ранее совершенной с имуществом сделки недействительной. В указанных случаях стабильность гражданских правоотношений должна обеспечиваться за счет ограничения возможности оспаривания совершенных с имуществом сделок, что возможно с признанием экстраординарного характера такого способа защиты и применением его только тогда, когда невозможно применение иных способов защиты. Такой подход является необходимым, т.к. аннулирование правового эффекта сделки может оказывать влияние на права и интересы лиц, не являющихся сторонами оспариваемой сделки.

Вместе с тем, учитывая, что даже с признанием экстраординарного характера реституции возможность ее применения имеется, для обеспечения стабильности прав на имущество необходимо, чтобы оспариваемая сделка, признанная недействительной, не влекла правовых последствий с момента признания ее таковой судом, а не с момента ее совершения, т.к., несмотря на восстановление собственником прав посредством компенсационной реституции, в силу ретроактивного характера недействительность сделки будет влиять на права последующих приобретателей имущества, что можно достигнуть восприятием классического пандектного учения о моменте начала недействительности оспори-мой сделки и соответствующим изменением законодательных положений.

Кроме того, обращение утратившего вещь собственника с иском о признании сделки недействительной не должно становиться этапом на пути к предъявлению виндикационного иска, а должно преследовать в качестве цели защиту нарушенного права, соответственно, с применением такого способа защиты должна исчерпываться защита прав собственника. Восстановление прав собственника в таких случаях происходит за счет аннулирования правового эффекта сделки и исполнения стороной сделки обязанности воз-вратить вещь во владение собственника (когда вещь находится во владении стороны сделки) либо выплатить компенсацию в размере стоимости вещи при невозможности ее выдачи.

¹⁵ СЗ РФ. 2017. № 27. Ст. 4075.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов Т. 1 : Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. — М. : Статут, 2015. — 958 с.
2. Рудоквас А. Д. Спорные вопросы учения о приобретательной давности : монография. — М. : Закон, 2011. — 304 с.
3. Савиньв Ф. К. фон. Система современного римского права : в 8 т. / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. Т. 4. — М. : Статут, 2016. — 480 с.
4. Сагдеева Л. В. Виндикация интеллектуальной собственности // Журнал российского права. — 2019. — № 3. — С. 74–83.
5. Тузов Д. О. Реституция при недействительности сделок и защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве. — М. : Статут, 2007. — 206 с.
6. Ширвиндт А. М. Комментарий к Обзору судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения (информационное письмо от 13 ноября 2008 г. № 126) // Вестник гражданского права. — 2009. — № 1. — С. 107–146.

Материал поступил в редакцию 14 июня 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Rossiyskoe grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 2 t. / otv. red. E. A. Sukhanov T. 1: Obshchaya chast. Veshchnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Intellektualnye prava. Lichnye neimushchestvennye prava. — M.: Statut, 2015. — 958 s.
2. Rudokvas A. D. Spornye voprosy ucheniya o priobretatelnoy davnosti: monografiya. — M.: Zakon, 2011. — 304 s.
3. Savinv F. K. fon. Sistema sovremennogo rimskogo prava: v 8 t. / per. s nem. G. Zhigulina; pod red. O. Kutateladze, V. Zubarya. T. 4. — M.: Statut, 2016. — 480 s.
4. Sagdeeva L. V. Vindikatsiya intellektualnoy sobstvennosti // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2019. — № 3. — S. 74–83.
5. Tuzov D. O. Restitutsiya pri nedeystvitelnosti sdelok i zashchita dobrosovestnogo priobretatelya v rossiyskom grazhdanskom prave. — M.: Statut, 2007. — 206 s.
6. Shirvindt A. M. Kommentariy k Obzoru sudebnoy praktiki po nekotorym voprosam, svyazannym s istrebovaniem imushchestva iz chuzhogo nezakonno go vladeniya (informatsionnoe pismo ot 13 noyabrya 2008 g. № 126) // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2009. — № 1. — S. 107–146.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.151-159

Г. Э. Гусейнова*

Предпринимательский риск в условиях экономического кризиса: анализ правоприменительной практики

Аннотация. Значимость категории риска является общепризнанной в российской цивилистике. Еще бóльшую актуальность данный институт приобретает в кризисные периоды, во времена экономической нестабильности и волатильности рынка. Анализ актуальной судебной практики демонстрирует, что во время пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 и введения санкционных ограничений предприниматели нередко вынуждены были прибегать к изменению и расторжению договоров в связи с существенным изменением обстоятельств и предъявлять исковые требования об освобождении от ответственности за нарушение договорных обязательств ввиду наступления форс-мажора. Российские суды применяют данные правовые институты в тесной связи с категорией предпринимательского риска, однако из-за отсутствия легальной дефиниции этого термина и широкого разнообразия концепций риска в юридической доктрине значительную роль при разрешении дел играет судебское усмотрение. Чрезвычайно широкие дискреционные полномочия судей и правовая неопределенность в отношении предпринимательского риска могут привести к дестабилизации гражданского оборота и негативно сказаться на экономическом развитии России. В этой связи автор выступает за закрепление понятия предпринимательского риска, а также его допустимых и обоснованных пределов если не на законодательном уровне, то как минимум в разъяснениях российских судов высшей инстанции.

Ключевые слова: предпринимательский риск; существенное изменение обстоятельств; обстоятельства непреодолимой силы; форс-мажор; COVID-19; санкции; ограничительные меры; экономический кризис; бизнес; право и бизнес.

Для цитирования: Гусейнова Г. Э. Предпринимательский риск в условиях экономического кризиса: анализ правоприменительной практики // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 2. — С. 151–159. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.151-159.

© Гусейнова Г. Э., 2024

* Гусейнова Гюльшан Эльдановна, аспирант кафедры предпринимательского права Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, Россия, 119234
giulshan.guseinova@gmail.com

Entrepreneurial Risk in Conditions of Economic Crisis: Analysis of Law Enforcement Practice

Giulshan E. Guseinova, Postgraduate Student, Department of Business Law, Faculty of Law,
Lomonosov Moscow State University
giulshan.guseinova@gmail.com

Abstract. The significance of the risk category is generally recognized in Russian civil law. This institution becomes even more relevant in times of crisis, in times of economic instability and market volatility. An analysis of current judicial practice demonstrates that during the COVID-19 coronavirus pandemic and the introduction of sanctions restrictions, entrepreneurs were often forced to resort to amendment and termination of contracts due to a significant change in circumstances and to file claims for exemption from liability for violation of contractual obligations due to the occurrence of the force majeure. Russian courts apply these legal institutions in close connection with the category of business risk, however, due to the lack of a legal definition of this term and the wide variety of concepts of risk in legal doctrine, judicial discretion plays a significant role in resolving cases. Extremely broad discretionary powers of judges and legal uncertainty regarding business risk can lead to destabilization of civil law transactions and negatively affect the economic development of Russia. In this regard, the author advocates consolidating the concept of business risk, as well as its permissible and justified limits, if not at the legislative level, then at least in the explanations of Russian higher courts.

Keywords: entrepreneurial risk; significant change in circumstances; force majeure event; force majeure; COVID-19; sanctions; restrictive measures; economic crisis; business; law and business.

Cite as: Guseinova GE. Entrepreneurial Risk in Conditions of Economic Crisis: Analysis of Law Enforcement Practice. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(2):151-159. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.151-159.

Введение

Категория риска стала предметом изучения правоведов уже в дореволюционной России. Так, в монографии «Основы предпринимательского права» А. И. Каминка рассуждал о пределах необходимого для предпринимателя риска, а также исследовал риск, связанный с владением ценными бумагами ввиду их природы¹. В своих лекциях Д. И. Мейер рассматривал понятие риска в контексте обязательственного права и изучал распределение риска между сторонами обязательств². Автор «Учебника русского граж-

данского права» Г. Ф. Шершеневич анализировал риски, вытекающие из отдельных видов договоров, таких как залог, купля-продажа, заем, страхование и подряд³. Системообразующий характер категории риска для гражданского права подчеркивается и в современной юридической доктрине⁴.

Категория риска приобретает особую значимость при участии в правоотношении профессионального участника гражданского оборота — предпринимателя, поскольку он априори осуществляет деятельность, направленную на систематическое получение прибыли, на свой

¹ Каминка А. И. Основы предпринимательского права: научное издание / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М. : Зерцало-М, 2015. С. 66–68. С. 157–159.

² Мейер Д. И. Русское гражданское право : курс лекций. 4-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2021. С. 502–506.

³ Шершеневич Г. Ф. Избранное / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. М. : Статут, 2017. Т. 5 : Учебник русского гражданского права. С. 364, 476–477, 489, 509–511, 545.

⁴ Болобонова М. О. Понятие гражданско-правового риска // Право и экономика. 2016. № 10. С. 13–20.

⁵ См. : Предпринимательское право РФ : учебник / отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. М., 2017 ; Ахметова И. Н. Риски в предпринимательской деятельности: юридические аспекты // Безопасность бизнеса. 2019. № 4. С. 11.

риск (абз. 3 п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ). Таким образом, риск является квалифицирующим признаком предпринимательской деятельности⁵, он имманентно присущ любому бизнесу.

Еще более актуальной проблема предпринимательского риска становится в кризисные периоды, во времена экономической нестабильности и волатильности рынка. В последние годы предпринимательская деятельность была существенно затруднена ввиду сначала пандемии COVID-19, а затем и введения ограничительных мер после начала специальной военной операции. В ряде случаев эти обстоятельства препятствуют выполнению договорных обязательств, что заставляет вновь обратиться к понятиям обычного предпринимательского риска, форс-мажора и существенного изменения обстоятельств, чтобы определить, в каких случаях вышеперечисленные события могут послужить основанием для освобождения предпринимателей от ответственности, а в каких будут охватываться понятием обычного предпринимательского риска.

Категория риска в гражданском праве

Советский правовед Я. М. Магазинер определял само право как систему распределения рисков⁶. Однако несмотря на значимость данного правового института, ни в законодательстве, ни в юридической доктрине до настоящего времени не установился единый подход к использованию термина «риск».

Отечественные цивилисты сформировали несколько концепций риска. Приверженцы объективной концепции (среди них Я. М. Магазинер, О. А. Красавчиков, М. И. Брагинский) считали, что риск существует независимо от воли участников гражданских правоотношений и представляет собой явление объектив-

ной реальности. Сторонниками субъективной концепции выступали В. А. Ойгензихт и С. Н. Братусь, которые рассматривали риск как «психическое отношение субъектов к результату собственных действий или к поведению других лиц... выражающееся в осознанном допущении отрицательных, в том числе невозможных, имущественных последствий»⁷. В постсоветской юридической науке получила распространение субъективно-объективная теория (А. А. Собчак, Н. С. Малейн, А. П. Альгин), сочетающая в себе вышеуказанные концепции.

Большинство ученых сходятся во мнении, что предпринимательский риск выполняет дистрибутивную функцию, распределяя негативные последствия осуществления предпринимательской деятельности⁸. Такое распределение может происходить как с использованием диспозитивных договорных механизмов (см., например, ст. 669 ГК РФ), так и в силу прямого указания законодателя, который устанавливает обязанность лицензирования отдельных видов предпринимательской деятельности, осуществлению которых сопутствует повышенный риск причинения вреда обществу или окружающей среде.

Понятие предпринимательского риска также является дифференцирующим фактором, допускающим освобождение участника гражданско-правовых отношений от ответственности. Так, выступающий от имени юридического лица субъект привлекается к ответственности, лишь если его действия будут признаны недобросовестными или неразумными, в том числе не соответствующими обычному предпринимательскому риску (абз. 2 п. 1 ст. 53.1 ГК РФ). Употребление союза «в том числе» свидетельствует о том, что законодатель рассматривает действия, не соответствующие обычному предпринимательскому риску, как частный случай недобросовестного или неразумного поведения; аналогичное мнение установилось и в

⁶ Магазинер Я. М. Избранные труды по общей теории права / отв. ред. А. К. Кравцов. СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр-Пресс», 2006. С. 165.

⁷ Ойгензихт В. А. Категория «риска» в советском гражданском праве // Правоведение. 1971. № 5. С. 64–70.

⁸ Власова А. С. Риск как признак предпринимательской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

юридической доктрине⁹. Правоприменитель также отмечает, что сам факт наступления негативных последствий для юридического лица не говорит о недобросовестности и (или) неразумности действий потенциального правонарушителя именно ввиду рискованного характера предпринимательской деятельности¹⁰. Аналогичный подход, известный как правило защиты делового решения, применяется и в случае привлечения к ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве юридического лица¹¹. Таким образом, возникает вопрос о соотношении категорий риска и ответственности, который является одной из центральных проблем гражданского права¹².

В литературе справедливо отмечается, что ни нормативные правовые акты, ни разъяснения высших судебных инстанций не уточняют, «где именно проходит граница, разделяющая обычный риск и нечто недозволенное»¹³, поэтому при их определении значительную роль играет

анализ конкретных обстоятельств дела и судебное усмотрение. С одной стороны, это позволяет правоприменителю проявлять гибкость при разрешении спорных ситуаций и оставляет место для дискреции, а с другой — увеличивает риск судебных ошибок, поскольку применение оценочных категорий требует довольно высокого уровня квалификации и правовой культуры судебных органов. Кроме того, отсутствие регулирования может сковывать предпринимательскую активность, поскольку в условиях правовой неопределенности бизнесмены скорее будут склонны к более консервативному или даже пассивному поведению, чтобы избежать привлечения к ответственности.

В связи с этим видится целесообразным закрепление понятия предпринимательского риска и его правовых критериев в разъяснениях высших судебных инстанций, как это сделано относительно упомянутого в ст. 239 Трудового кодекса РФ понятия нормального хозяйствен-

⁹ См., например: *Шиткина И. С., Буткова О. В.* Риск привлечения к ответственности директора и предпринимательская инициатива: поиск баланса // Закон. 2019. № 1. С. 44; *Борисов Ю. В.* Реализация доктрины добросовестности в корпоративных правоотношениях // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12. С. 75; *Кузнецов А. А.* Комментарий к постановлению Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Вестник ВАС РФ. 2013. № 10. С. 48.

¹⁰ Абз. 1 п. 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 2013. № 34; п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

¹¹ П. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3; постановление Конституционного Суда РФ от 16.11.2021 № 49-П «По делу о проверке конституционности статьи 42 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 34 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобой гражданина Н. Е. Акимова» // СЗ РФ. 2021. № 48. Ст. 8141.

¹² *Мартыросян А. Г.* Теория риска в гражданском праве РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 13.

Также см.: *Калинина Т. М.* Некоторые вопросы вины, риска и гражданско-правовой ответственности // Академия наук СССР. Институт государства и права. Проблемы государства и права. Вып. 10. М., 1975. С. 278–287; *Власова А. С.* Риск, ответственность и вина в предпринимательских отношениях // Безопасность бизнеса. 2012. № 1. С. 36–40.

¹³ *Степанов Д. И., Михальчук Ю. С.* Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике. М., 2018.

ного риска¹⁴. С одной стороны, разъяснения Верховного Суда РФ установят ориентиры для нижестоящих судебных инстанций, а с другой — оставят место для судебского усмотрения, что было бы невозможно в случае закрепления данных положений на законодательном уровне. При определении пределов обоснованного и допустимого предпринимательского риска можно обратиться к разработкам ученых в данной области¹⁵.

**Актуальная судебная практика:
предпринимательский риск, существенное
изменение обстоятельств и форс-мажор**

Анализ правоприменительной практики свидетельствует, что в 2021–2023 гг. категория предпринимательского риска нередко использовалась арбитражными судами при рассмотрении дел, связанных с расторжением или изменением договоров в связи с существенным изменением обстоятельств (ст. 451 ГК РФ) и с освобождением от ответственности по причине наступления форс-мажоров (п. 3 ст. 401 ГК РФ). В этой связи представляется необходимым подробнее рассмотреть данные правовые механизмы и их связь с понятием предпринимательского риска.

Категория риска играет важную роль в случае одностороннего изменения или расторжения контракта по причине существенного

изменения обстоятельств (ст. 451 ГК РФ). Так, одним из условий применения данной нормы является непредвидимость изменения обстоятельств сторонами договора (пп. 1 п. 2 ст. 451 ГК РФ). Этот критерий не будет считаться соблюденным, если контрагенты учли конкретные риски при определении цены, иных условий договора (например, в контракте предусмотрены плавающие цены или возможность индексации арендной платы с учетом инфляции)¹⁶. Поскольку к предпринимателям применяется повышенный стандарт должной осмотрительности, неудивительно, что суды обычно ожидают от бизнесменов большей прозорливости при учете коммерческих рисков, связанных с их сферой деятельности, таких как ухудшение экономической конъюнктуры, наступление финансового кризиса¹⁷. С другой стороны, стремление предусмотреть в договоре все возможные риски ведет к увеличению транзакционных издержек, связанных с ведением переговоров¹⁸, поэтому определение возможности прогнозирования рисков в каждом конкретном случае во многом зависит от дискреционных полномочий судей.

Правоприменители нередко признают невозможность российских предпринимателей предвидеть начало специальной военной операции и последующий отказ иностранных контрагентов по поставке товаров на территорию Российской Федерации, расторгая договоры поставки¹⁹.

¹⁴ П. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.11.2006 № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 1.

¹⁵ См.: Кабышев О. А. Предпринимательский риск: правовые вопросы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 27 ; Копылов В. А. Риск в предпринимательской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. С. 143 ; Хмелевской И. Н. Проблемы риска в гражданском законодательстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 145.

¹⁶ Договорное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020. С. 1301.

¹⁷ Договорное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 1302.

¹⁸ Очхаев Т. Г. Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств. М. : Статут, 2017.

¹⁹ См.: решение Арбитражного суда Новосибирской области от 13.12.2022 по делу № А45-22778/2022 ; решение Арбитражного суда г. Москвы от 20.01.2023 по делу № А40-242570/22-53-1921 (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

и подряда²⁰ в связи с существенным изменением обстоятельств.

Наряду с этим, в аналогичных обстоятельствах суды зачастую апеллируют и к категории предпринимательского риска. Так, увеличение отпускной цены товара, изменение валютного курса и отсутствие возможности поставщика исполнить договор в связи с внешнеполитической обстановкой в ряде случаев не рассматривались правоприменителями как существенное изменение обстоятельств по той причине, что поставщик-предприниматель должен нести риск изменения себестоимости товара и самостоятельно отвечать за просчеты в определении цены. По мнению судов, разумный предприниматель должен был предвидеть потенциальные изменения, влияющие на возможность исполнения им договорных обязательств, и учесть состояние на товарном рынке, динамику экономической конъюнктуры, инфляционные процессы, внешнеполитические и прочие факторы²¹. Возможность предвидеть введение ограничительных мер в 2022 г. обуславливалась и тем фактом, что санкции в отношении России действовали уже с 2014 г.²² Примечательно, что в период пандемии существенное увеличение времени поставки и стоимости конечного товара, изменение маршрутов и способов доставки в большинстве случаев признавалось судами существенным изменением обстоятельств²³.

Кроме того, для применения ст. 451 ГК РФ из обычаев или существа договора не должно вытекать, что риск изменения обстоятельств не-

сет заинтересованная сторона (пп. 4 п. 2 ст. 451 ГК РФ). Так, в период пандемии многие арендаторы пытались в одностороннем порядке снизить арендную плату или расторгнуть договоры аренды. В ряде дел магазин «Перекресток» требовал признать существенными изменениями обстоятельств введение режима самоизоляции в период распространения COVID-19 и последовавшее за этим падение уровня продаж. Однако Верховный Суд РФ отказался расторгнуть договор на основании ст. 451 ГК РФ, отметив, что изменение покупательского спроса является предпринимательским риском супермаркета²⁴.

В качестве оснований для освобождения от ответственности истцы также нередко ссылались на распространение коронавирусной инфекции в 2020–2021 гг. и введение антироссийских санкций в связи с началом специальной военной операции как на обстоятельства непреодолимой силы (п. 3 ст. 401 ГК РФ). Как известно, форс-мажорные обстоятельства характеризуются двумя критериями: их чрезвычайность, то есть исключительность, и непредотвратимость, то есть невозможность избежать наступления данного обстоятельства или его последствий любым участником гражданского оборота, осуществляющим аналогичную деятельность. Кроме того, не являются непреодолимой силой обстоятельства, наступление которых зависело от воли или действий участника гражданских правоотношений (финансовые трудности, отсутствие необходимых товаров или нарушение договорных обязательств контрагентами)²⁵.

²⁰ См.: решение Арбитражного суда Калининградской области от 29.12.2022 по делу № А21-8521/2022.

²¹ Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 25.01.2023 по делу № А51-15300/2022 ; решение Арбитражного суда Краснодарского края от 30.01.2023 по делу № А32-32694/2022 ; решение Арбитражного суда Самарской области от 18.10.2022 по делу № А55-16114/2022.

²² См.: решение Арбитражного суда Свердловской области от 06.07.2022 по делу № А60-18476/2022.

²³ Постановления Десятого арбитражного апелляционного суда от 22.09.2022 № 10АП-8355/2022 по делу № А41-13431/22; от 20.09.2022 № 10АП-8798/2022 по делу № А41-8371/22; от 22.09.2022 № 10АП-9778/2022 по делу № А41-13301/2022.

²⁴ Определение Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 305-ЭС21-12558 по делу № А40-100692/2020 ; определение Верховного Суда РФ от 25.05.2022 № 114-ПЭК22 по делу № А40-100692/2020 ; постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.05.2022 № Ф05-8777/2022 по делу № А40-126812/2020.

²⁵ П. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.

Что касается признания COVID-19 форс-мажором, соответствующие разъяснения были даны Верховным Судом РФ²⁶ и активно цитировались им самим²⁷ и нижестоящими инстанциями²⁸. При этом последние использовали и категорию риска: так, по одному из дел суд отказался признать распространение COVID-19 обстоятельством непреодолимой силы, поскольку поставщик знал об эпидемиологической ситуации, которая на момент заключения договора носила уже длящийся характер, поэтому мог предусмотреть риски²⁹.

Зачастую правоприменители отказывались признавать и санкции форс-мажором, опять же указывая на рисковый характер предпринимательской деятельности и возлагая на поставщика риски изменения конъюнктуры внешнего рынка³⁰. Кроме того, как и в случае споров о расторжении договоров по ст. 451 ГК РФ, суды порой рассматривали введение антироссийских санкций в 2014 г. в качестве факта, позволяющего спрогнозировать риск дальнейшего введения ограничительных мер в 2022 г., и делали вывод, что данное обстоятельство находилось в рамках контроля стороны, следовательно, оно не может быть признано непреодолимой силой³¹. Однако в других ситуациях правоприменитель счел этот довод несостоятельным, поскольку с 2014 по 2021 г. поставки конкретного оборудования осуществлялись беспрепятственно³².

Наконец, в ряде дел суды напрямую указывали на невозможность отнести ограничительные

меры ни к форс-мажору, ни к существенным изменениям обстоятельств и квалифицировали введение санкций как элемент предпринимательского риска³³.

Выводы

Таким образом, анализ актуальной правоприменительной практики убедительно демонстрирует, что категория риска неразрывно связана и с другими гражданско-правовыми институтами, в частности, она влияет на применение норм об изменении или расторжении договоров при существенном изменении обстоятельств и об освобождении от ответственности в результате возникновения обстоятельств непреодолимой силы. Проведенное исследование подтверждает, что риск представляет собой сердцевину частного права, его глубинную суть, выступая стержневой категорией «либерального общества, основным условием существования которого является свободный рыночный механизм»³⁴.

Все вышесказанное еще раз подчеркивает значительную роль, которую понятие предпринимательского риска играет в условиях рыночной экономики, и обуславливает необходимость дальнейшего изучения данного института и закрепления дефиниции понятия предпринимательский риск и пределов его допустимости на уровне разъяснений Верховного Суда РФ.

²⁶ См.: Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 5.

²⁷ Определение Верховного Суда РФ от 25.05.2022 № 114-ПЭК22 по делу № А40-100692/2020.

²⁸ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.06.2021 № Ф05-12899/2021 по делу № А41-60958/2020.

²⁹ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 21.06.2023 № Ф03-1892/2023.

³⁰ См.: решение Арбитражного суда Республики Мордовия от 08.02.2023 по делу № А39-7372/2022 ; решение Арбитражного суда Забайкальского края от 27.02.2023 по делу № А78-11132/2022.

³¹ См.: решение Арбитражного суда Республики Мордовия от 08.02.2023 по делу № А39-7374/2022.

³² См.: решение Арбитражного суда Пермского края от 24.04.2023 по делу № А50-21227/22.

³³ Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 28.12.2022 по делу № А33-19507/2022 ; постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 26.06.2023 по делу № А39-7374/2022 ; решение Арбитражного суда Республики Мордовия от 08.02.2023 по делу № А39-7372/2022.

³⁴ Танаев В. М. Понятие «риск» в Гражданском кодексе Российской Федерации // Актуальные проблемы гражданского права / под ред. С. С. Алексеева. М. : Статут, 2000. Вып. 3. С. 9.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Ахметова И. Н.* Риски в предпринимательской деятельности: юридические аспекты // Безопасность бизнеса. — 2019. — № 4. — С. 11–16.
2. *Болобонова М. О.* Понятие гражданско-правового риска // Право и экономика. — 2016. — № 10. — С. 13–20.
3. *Борисов Ю. В.* Реализация доктрины добросовестности в корпоративных правоотношениях // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 12. — С. 70–80.
4. *Власова А. С.* Риск, ответственность и вина в предпринимательских отношениях // Безопасность бизнеса. — 2012. — № 1. — С. 36–40.
5. *Власова А. С.* Риск как признак предпринимательской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2009. — 32 с.
6. *Губин Е. П., Лахно П. Г.* Предпринимательское право РФ : учебник / отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. — М. : Норма : Инфра-М, 2017. — 992 с.
7. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. — М. : М-Логос, 2020. — 1425 с.
8. *Кабышев О. А.* Предпринимательский риск: правовые вопросы : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1998. — 200 с.
9. *Калинина Т. М.* Некоторые вопросы вины, риска и гражданско-правовой ответственности // Академия наук СССР. Институт государства и права. Проблемы государства и права. — Вып. 10. — М., 1975. — С. 278–287.
10. *Каминка А. И.* Основы предпринимательского права: научное издание / А. И. Каминка ; под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. — М. : Зерцало-М, 2015. — 318 с.
11. *Копылов В. А.* Риск в предпринимательской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 2003. — 178 с.
12. *Кузнецов А. А.* Комментарий к постановлению Пленума ВАС № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Вестник ВАС РФ. — 2013. — № 10. — С. 42–64.
13. *Магазинер Я. М.* Избранные труды по общей теории права / отв. ред. А. К. Кравцов. — СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр-Пресс», 2006. — 350 с.
14. *Мартиросян А. Г.* Теория риска в гражданском праве РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2014. — 214 с.
15. *Мейер Д. И.* Русское гражданское право : курс лекций. — 4-е изд., испр. и доп. — М. : Статут, 2021. — 846 с.
16. *Очхаев Т. Г.* Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств. — М. : Статут, 2017. — 208 с.
17. *Степанов Д. И., Михальчук Ю. С.* Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике. — М., 2018. — 207 с.
18. *Танаев В. М.* Понятие «риск» в Гражданском кодексе Российской Федерации // Актуальные проблемы гражданского права / под ред. С. С. Алексеева. — М. : Статут, Юрист, 2000. — Вып. 3. — 318 с.
19. *Хмелевской И. Н.* Проблемы риска в гражданском законодательстве : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2001. — 179 с.
20. *Шершеневич Г. Ф.* Избранное. Т. 5 : Учебник русского гражданского права / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. — М. : Статут, 2017. — 832 с.
21. *Шиткина И. С., Буткова О. В.* Риск привлечения к ответственности директора и предпринимательская инициатива: поиск баланса // Закон. — 2019. — № 1. — С. 38–49.

Материал поступил в редакцию 11 июля 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Akhmetova I. N. Riski v predprinimatelskoy deyatel'nosti: yuridicheskie aspekty // Bezopasnost biznesa. — 2019. — № 4. — S. 11–16.
2. Bolobonova M. O. Ponyatie grazhdansko-pravovogo riska // Pravo i ekonomika. — 2016. — № 10. — S. 13–20.
3. Borisov Yu. V. Realizatsiya doktriny dobrosovestnosti v korporativnykh pravootnosheniyakh // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2019. — № 12. — S. 70–80.
4. Vlasova A. S. Risk, otvetstvennost i vina v predprinimatelskikh otnosheniyakh // Bezopasnost biznesa. — 2012. — № 1. — S. 36–40.
5. Vlasova A. S. Risk kak priznak predprinimatelskoy deyatel'nosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2009. — 32 s.
6. Gubin E. P., Lakhno P. G. Predprinimatelskoe pravo RF: uchebnik / otv. red. E. P. Gubin, P. G. Lakhno. — M.: Norma: Infra-M, 2017. — 992 s.
7. Dogovornoe pravo (obshchaya chast): postateynnyy kommentariy k statyam 420–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii / otv. red. A. G. Karapetov. — M.: M-Logos, 2020. — 1425 s.
8. Kabyshev O. A. Predprinimatelskiy risk: pravovye voprosy: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 1998. — 200 s.
9. Kalinina T. M. Nekotorye voprosy viny, riska i grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti // Akademiya nauk SSSR. Institut gosudarstva i prava. Problemy gosudarstva i prava. — Vyp. 10. — M., 1975. — S. 278–287.
10. Kaminka A. I. Osnovy predprinimatelskogo prava: nauchnoe izdanie / A. I. Kaminka; pod red. i s predisl. V. A. Tomsinova. — M.: Zertsalo-M, 2015. — 318 s.
11. Kopylov V. A. Risk v predprinimatelskoy deyatel'nosti: dis. ... kand. yurid. nauk. — Volgograd, 2003. — 178 s.
12. Kuznetsov A. A. Kommentariy k postanovleniyu Plenuma VAS № 62 «O nekotorykh voprosakh vozmeshcheniya ubytkov litsami, vkhodyashchimi v sostav organov yuridicheskogo litsa» // Vestnik VAS RF. — 2013. — № 10. — S. 42–64.
13. Magaziner Ya. M. Izbrannye trudy po obshchey teorii prava / otv. red. A. K. Kravtsov. — SPb.: Izd-vo R. Aslanova «Yuridicheskiy tsentr-Press», 2006. — 350 s.
14. Martirosyan A. G. Teoriya riska v grazhdanskom prave RF: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2014. — 214 s.
15. Meyer D. I. Russkoe grazhdanskoe pravo: kurs lektsiy. — 4-e izd., ispr. i dop. — M.: Statut, 2021. — 846 s.
16. Ochkhayev T. G. Izmenenie i rastorzenie dogovora v svyazi s sushchestvennym izmeneniem obstoyatelstv. — M.: Statut, 2017. — 208 s.
17. Stepanov D. I., Mikhalechuk Yu. S. Otvetstvennost direktora pered korporatsiei za prichinennye ey ubytki v sudebnoy praktike. — M., 2018. — 207 s.
18. Tanaev V. M. Ponyatie «risk» v Grazhdanskom kodekse Rossiyskoy Federatsii // Aktualnye problemy grazhdanskogo prava / pod red. S. S. Alekseeva. — M.: Statut, Yurist, 2000. — Vyp. 3. — 318 s.
19. Khmelevskoy I. N. Problemy riska v grazhdanskom zakonodatel'stve: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2001. — 179 s.
20. Shershenevich G. F. Izbrannoe. T. 5: Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava / vstup. slovo, sost.: P. V. Krashenninnikov. — M.: Statut, 2017. — 832 s.
21. Shitkina I. S., Butkova O. V. Risk privlecheniya k otvetstvennosti direktora i predprinimatelskaya initsiativa: poisk balansa // Zakon. — 2019. — № 1. — S. 38–49.

Международно-правовые аспекты защиты женщин от насилия в рамках Организации американских государств

Аннотация. Статья посвящена защите женщин от насилия и дискриминации в рамках деятельности органов Организации американских государств (ОАГ). Специальные механизмы по защите прав женщин ОАГ формируют межамериканскую систему защиты прав женщин, при этом только Межамериканский суд по правам человека (далее — Суд) обладает юрисдикцией по вынесению решений, обязательных к исполнению государствами. Анализ судебных прецедентов Межамериканского суда по правам человека позволяет заключить, что насилие в отношении женщин в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна имеет следующую классификацию: насилие в отношении женщин, совершаемое государственными служащими; насилие в отношении женщин, совершаемое частными лицами; насилие в отношении женщин в контексте вооруженного конфликта; насилие в отношении женщин — представителей коренных народов. В статье приведены примеры дел, в которых Суд признал ответственность государств за несоблюдение международно-правовых норм, закрепленных в актах ОАГ, что повлекло за собой нарушение прав женщин на достойную жизнь, свободную от насилия и дискриминации. Несмотря на несовершенство контрольных механизмов ОАГ и общую политизацию данной межправительственной организации, ее деятельность по защите прав женщин является уникальной и заслуживает глубокого изучения.

Ключевые слова: Организация американских государств; защита прав женщин от насилия; гендерная дискриминация; Межамериканский суд по правам человека; региональные механизмы защиты прав женщин; правоприменительная практика.

Для цитирования: Шеремет Н. А. Международно-правовые аспекты защиты женщин от насилия в рамках Организации американских государств // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 2. — С. 160–172. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.160-172.

© Шеремет Н. А., 2024

* Шеремет Наталья Александровна, аспирант кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации
Вернадского пр., д. 76, г. Москва, Россия, 119454
natalish@list.ru

International Legal Aspects of Protection of Women from Violence within the Organization of American States Framework

Natalya A. Sheremet, Postgraduate Student, Department of International Law, MGIMO University
natalish@list.ru

Abstract. The paper is devoted to the protection of women from violence and discrimination within the framework of the activities of the bodies of the Organization of American States (OAS). The Special Mechanisms for the Protection of Women's Rights of the OAS form the Inter-American system for the protection of women's rights, while only the Inter-American Court of Human Rights (hereinafter referred to as the Court) has jurisdiction to make decisions binding on states. An analysis of the judicial precedents of the Inter-American Court of Human Rights allows us to conclude that violence against women in the Latin American and Caribbean region is classified as follows: violence against women committed by public servants; violence against women committed by private individuals; violence against women in the context of armed conflict; violence against indigenous women. The paper provides examples of cases in which the Court recognized the responsibility of states for non-compliance with international legal norms enshrined in the acts of the OAS, which resulted in a violation of women's rights to a dignified life, free from violence and discrimination. Despite the imperfection of the OAS control mechanisms and the general politicization of this intergovernmental organization, its activities to protect women's rights are unique and deserve in-depth study.

Keywords: Organization of American States; protecting women's rights from violence; gender discrimination; Inter-American Court of Human Rights; regional mechanisms for protecting women's rights; law enforcement practice.

Cite as: Sheremet NA. International Legal Aspects of Protection of Women from Violence within the Organization of American States Framework. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;19(2):160-172. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2024.159.2.160-172.

Введение

В данной статье проведен правовой анализ механизмов Организации американских государств (ОАГ) по защите женщин от насилия. Изучен региональный подход к защите прав женщин, который действует за счет функционирования вспомогательных органов ОАГ и специальных механизмов, деятельность которых направлена на защиту прав человека. Проанализированы принятые акты и правоприменительная практика межамериканских органов по правам человека по делам, касающимся защиты женщин от насилия.

Как региональные, так и универсальные органы по правам человека неоднократно

указывали на связь насилия в отношении женщин с гендерной дискриминацией¹. Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин в своих рекомендациях неоднократно признавал насилие в отношении женщин одной из форм дискриминации². В государствах Латинской Америки и Карибского бассейна женщины страдают от укоренившихся гендерных стереотипов и от присваивания им второстепенной роли как в семейных, так и в общественных отношениях. В латиноамериканском обществе принято считать, что женщина обязана во всех вопросах подчиняться мужчине, что приводит к ее дискриминации и к нарушению ее прав³. В связи с таким неравным отношением к женщинам на всех уровнях

¹ Sosa L. P. A. Inter-American case law on femicide: Obscuring intersections? // *Netherlands Quarterly of Human Rights*. 2017. № 35 (2). P. 86. DOI: 10.1177/0924051917708382.

² Гончаренко О. К. Международное и национальное право и практика защиты женщин от домашнего насилия // *Женщина в российском обществе*. 2020. № 3. С. 55. DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.5.

³ De Paula D. O. Human rights and violence against women: Campo algodouero case // *Revista Estudos Feministas*. 2018. № 26 (3) P. 3. DOI: 10.1590/1806-9584-2018v26n358582.

в государствах Латинской Америки и Карибского бассейна процветает насилие в отношении женщин, меры по борьбе с которым принимаются государствами в недостаточном количестве или не принимаются вовсе. Лица, будь то представители власти или частные лица, остаются безнаказанными, а расследование проводится ненадлежащим образом. «Традиционные патриархальные общества», к которым следует отнести латиноамериканское, отрицают факт исторического «неравенства в правах и уязвимости женщин»⁴. С учетом данных особенностей региона механизмы по защите прав человека ОАГ борются с дискриминацией женщин и помогают им восстановить свои нарушенные права.

Кроме того, в межамериканском праве принцип *pacta sunt servanda* обеспечивается за счет признания государствами своих обязательств по международно-правовым актам ОАГ, в том числе направленным на защиту прав женщин от дискриминации и насилия, а также учреждающим контрольные механизмы защиты прав женщин на межамериканском уровне.

В межамериканской доктрине международного права женщин относят к уязвимой группе населения. Уязвимость женщин стоит рассматривать с двух углов зрения: во-первых, уязвимость может определяться физическими или психологическими факторами (пол, раса, заболевания), во-вторых — уязвимость может определяться независимыми от человека внешними факторами⁵. Под независимыми внешними факторами следует рассматривать неравное отношение к женщинам в государствах региона,

ущемление их прав, а также попытку отвести им роль подчинения мужчинам как в личных, так и в общественных отношениях.

Органы ОАГ, в компетенцию которых входит защита прав женщин

Защита женщин от насилия в рамках органов ОАГ является одним из ключевых и в то же время новых направлений деятельности механизмов по правам человека данной организации. Отправной точкой защиты женщин региона от насилия и дискриминации, связанных с гендерными стереотипами и неравенством, является принятие в 1994 г. *Межамериканской конвенции о предотвращении, наказании и искоренении насилия в отношении женщин*, часто именуемой как Конвенция Белен-ду-Пара⁶. Данный международный договор является первым инструментом защиты прав женщин от насилия, принятым на межамериканском уровне. Этот документ получил наибольшее число ратификаций из всех международно-правовых актов ОАГ, по состоянию на 1 июля 2023 г. его подписали и ратифицировали 32 государства⁷.

Конвенция способствовала закреплению понятия «гендерное насилие» (насилие не только по признаку пола, но и то, которое определяется социокультурными, семейными, психологическими особенностями, а также статусом в обществе⁸), признанию связи между насилием и дискриминацией, а также наделила женщин правом на юридическую защиту от насилия на региональном уровне (на уровне ОАГ). Однако

⁴ Данчевская А. В. Равенство не равно справедливости: к вопросу о противостоянии в защите прав женщин и мужчин // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 5. С. 95. URL: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.138.5.091-102>.

⁵ Алисиевич Е. С. Международная защита девочек как уязвимой группы населения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2015. Вып. 1. С. 38.

⁶ Convención Interamericana para prevenir, sancionar y erradicar la violencia contra la mujer, «Convención de Belem do Para» Hecha en la ciudad de Belem do Para, Brasil, el nueve de junio 1994 // URL: <https://www.oas.org/juridico/spanish/tratados/a-61.html> (дата обращения: 26.05.2023).

⁷ См.: URL: <https://www.oas.org/juridico/spanish/firmas/a-61.html>.

⁸ Абашидзе А. Х., Гончаренко О. К. «Гендер» в международном праве прав человека: теория и практика // Московский журнал международного права. 2022. № 2. С. 9. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-2-6-16>.

необходимо отметить, что в межамериканской системе защиты прав человека нет отдельного контрольного механизма, который бы обладал компетенцией по рассмотрению индивидуальных или групповых сообщений, содержащих в себе жалобы на нарушение прав женщин⁹. Данной компетенцией наделены лишь Межамериканская комиссия по правам человека и Межамериканский суд по правам человека, который принимает решения по делам, связанным с нарушениями прав человека, закрепленных в различных международно-правовых актах ОАГ, включая Конвенцию Белен-ду-Пара (ст. 12 Белен-ду-Пара и ст. 61 Пакта Сан-Хосе).

Механизм контроля за осуществлением Межамериканской конвенции о предотвращении, наказании и искоренении насилия в отношении женщин (MESECVI — Mecanismo de Seguimiento de la Convención de Belém do Pará), учрежденный в 2004 г., не обладает юрисдикцией по рассмотрению споров. Он направлен на сотрудничество между представителями государств, подписавших Конвенцию, и независимым Комитетом экспертов в области защиты прав женщин. В компетенцию MESECVI входит подготовка страновых и региональных докладов по ситуации с насилием в отношении женщин, а также разработка рекомендаций для обеспечения жизни женщин, свободной от насилия и дискриминации. В своей работе данный Механизм опирается на положения Конвенции Белен-ду-Пара, следит за их имплементацией в национальное законодательство государств региона, за соответствием национального законодательства международным нормам, установленным в Конвенции, а также предлагает этим государствам стандарты и типовые законы для улучшения положения женщин. Механизм не рассматривает сообщения лиц, пострадавших от гендерного насилия и дискриминации по признаку пола и в связи с этим де-факто остается форумом для диалога

между представителями власти и международными экспертами без учета интересов индивидов, чьи права защищает Конвенция Белен-ду-Пара.

Еще один орган межамериканской системы — Межамериканская комиссия женщин, учрежденная в 1928 г. По своему правовому статусу она является специализированным органом ОАГ. Это первый в истории международный орган, чья деятельность направлена на всеобъемлющую защиту прав женщин. Однако Комиссия не обладает контрольными функциями.

Анализ системы защиты прав женщин в ОАГ позволяет заключить, что единственным механизмом, обладающим юрисдикцией по спорным делам по правам женщин, чьи решения являются обязательными, является Межамериканский суд по правам человека. С учетом данной особенности межамериканской системы защиты прав человека ниже будет проведен анализ правоприменительной практики этого судебного органа в делах о защите женщин от гендерного насилия.

Межамериканский суд по правам человека

Межамериканский суд по правам человека (далее — Суд) был учрежден в 1979 г., и является одним из уставных органов ОАГ. Он действует на основании Статута и Правил процедуры, в которых прописаны регламент, полномочия и статус данного автономного органа в структуре органов ОАГ. Суд состоит из 7 независимых членов (судей) из государств — членов ОАГ и проводит свои заседания в сессионном порядке. Секретариат работает на постоянной основе.

В работах западных юристов-международников оценивается правоприменительная практика Межамериканского суда по правам человека в области защиты прав женщин, однако содержащийся в них анализ прецедентов не полностью соответствует современной обста-

⁹ Bekyashev D. K. International Legal Mechanisms for the Protection and Promotion of Women's Rights in Latin America and the Caribbean // Kutafin Law Review. 2023. Vol. 10. No. 1. P. 194–195. DOI: 10.17803/2713-0533.2023.1.23.179-198.

новке. В частности, М. Фериа-Тинта¹⁰ анализирует самое первое решение Суда *Miguel Castro Castro vs. Perú 2006*¹¹, которое касалось операции по перемещению женщин-заключенных в ходе вооруженного конфликта в Перу в 1992 г., подвергшихся пыткам и негуманному обращению. Данное решение стало вехой в развитии судебной практики в области защиты женщин от насилия и гендерной дискриминации в регионе. На него обратили внимание многие авторы¹², критикуя предыдущую неготовность Суда оценивать пытки и насилие в отношении женщин с точки зрения гендерного подхода. Кроме того, Р. Рубио-Марин и К. Сандоваль¹³ критикуют квалификацию насилия как пыток и не соглашаются с тем, что его нужно рассматривать как нарушение ст. 5(2) Американской конвенции по правам человека 1969 г. (Пакт Сан-Хосе)¹⁴. Эти специалисты рассматривают проблему насилия в отношении женщин намного шире, замечая в ней присутствие мачистских практик и стереотипов, направленных на принижение роли женщины в обществе, а в связи с этим и с безнаказанностью за унижительное обращение с ней. Р. Голдман¹⁵ сравнивает эффективность работы Межамериканского суда по правам человека и Межамериканской комиссии по правам человека с целью

указать на то, что именно Комиссия первой начала в своих решениях ссылаться на Конвенцию Белен-ду-Пара¹⁶, в то время как Суду понадобилось более 10 лет на то, чтобы начать толковать насилие в отношении женщин с точки зрения пола и роли женщины, приписанной ей обществом. С данными тезисами нельзя поспорить, однако эти исследования не охватывают анализ дел, принятых позднее 2014 г., что сужает объективное представление об эволюции практики Межамериканского суда по правам человека по принятию решений в отношении женщин.

В связи с этим представляется необходимым провести правовой анализ решений Межамериканского суда по правам человека, принятых с 2006 г. по сегодняшний день¹⁷, чтобы оценить, как менялся подход Суда к нарушениям прав женщин государствами, ратифицировавшими Конвенцию Белен-ду-Пара.

Анализ правоприменительной практики Межамериканского суда по правам человека по делам о защите женщин от насилия

В практике Межамериканского суда по правам человека насчитывается 32 дела, касающихся

¹⁰ *Feria-Tinta M.* Primer caso internacional sobre violencia de género en la jurisprudencia de la Corte Interamericana de Derechos Humanos: el caso del penal Miguel Castro Castro; un hito histórico para Latinoamérica. Año. 2, No. 3 (2007) Revista Cejil. San José, Costa Rica. P. 30–45.

¹¹ Corte Interamericana de Derechos Humanos. Caso del Penal Miguel Castro Castro Vs. Perú. Sentencia de 25 de noviembre de 2006 // URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_160_esp.pdf (дата обращения: 26.05.2023).

¹² Л. Лопес Вера, М. Фериа-Тинта, Л. П. Соса.

¹³ *Rubio-Marin R., Sandoval C.* Engendering the Reparations Jurisprudence of the Inter-American Court of Human Rights: The Promise of the Cotton Field Judgment // Human Rights Quarterly. Vol. 33. Number 4. November 2011. P. 1062–1091.

¹⁴ Convención Americana sobre Derechos Humanos (Pacto de San José). 1969 // URL: <https://www.corteidh.or.cr/tablas/17229a.pdf> ; https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_160_esp.pdf (дата обращения: 26.05.2023).

¹⁵ *Goldman R. K.* History and Action: The Inter-American Human Rights System and the Role of the Inter-American Commission on Human Rights // Human Rights Quarterly / The Johns Hopkins University Press Stable. Nov., 2009, Vol. 31, No. 4. P. 882–884. URL: <https://www.jstor.org/stable/40389979>.

¹⁶ *López Vega L. C.* Mecanismos de protección de los derechos humanos de las mujeres en el sistema interamericano // Revista IIDH, 36. San José, IIDH, 2002. P. 11–15.

¹⁷ Sentencias de la Corte Interamericana de Derechos Humanos. Derechos de mujeres // URL: <https://www.oas.org/es/cidh/jsForm/?File=/es/cidh/r/dmujeres/corteidh.asp> (дата обращения: 26.05.2023).

нарушений прав женщин, принятых с 2006 по 2022 г. Их можно классифицировать по следующим основаниям:

- насилие в отношении женщин государственными служащими (*agentes estatales*);
- насилие в отношении женщин, совершаемое частными лицами;
- насилие в отношении женщин в контексте вооруженного конфликта;
- насилие в отношении женщин — представителей коренных народов;
- дискриминация по признаку пола.

В Межамериканской конвенции о предотвращении, наказании и искоренении насилия в отношении женщин предусмотрена обязанность государств-участников защищать женщин не только от различных форм насилия (психологического, физического и сексуального), но и от какой-либо дискриминации. Статья 6 Конвенции Белен-ду-Пара гласит следующее: «Право каждой женщины быть свободной от насилия включает, в частности, следующее: а. право женщин быть свободными от всех форм дискриминации, и б. право женщин на то, чтобы их ценили и воспитывали свободными от стереотипных моделей поведения и социальной и культурной практики, основанной на концепциях неполноценности или подчинения»¹⁸.

Таким образом, разработчики данной Конвенции указали на связь насилия в отношении женщин с дискриминацией по признаку пола¹⁹. Тем не менее в трех делах по защите прав женщин от дискриминации (*Caso Comunidad Indígena Xákmok Kásek vs. Paraguay 2010*, *Caso Atala Riffo y niñas vs. Chile 2012*, *Caso Artavia Murillo y otros vs. Costa Rica 2012*) Межамериканский суд по правам человека вообще не ссылаясь на Конвенцию Белен-ду-Пара, а применяя другие инструменты при рассмотрении дел о правах женщин.

В практике Межамериканского суда по правам человека имеются дела, которые непосредственно касались насилия в отношении женщин и девочек. Среди них 11 дел о насилии в отношении женщин в ходе вооруженного конфликта и 6 дел о насилии в отношении женщин со стороны государственных служащих. В некоторых из них были нарушены права девочек, женщин — представителей коренных общин, чернокожих женщин, женщин — журналистов и правозащитников.

1. Защита женщин от насилия в контексте вооруженного конфликта

Межамериканский суд по правам человека в своих решениях признает, что во время внутренних и международных вооруженных конфликтов воюющие стороны используют сексуальное насилие в отношении женщин в качестве средства наказания и репрессий. Данное насилие применяется как инструмент «унижения стороны противника»²⁰.

Самое первое дело в истории Суда, касающееся насилия в отношении женщин, — *Caso del Penal Miguel Castro Castro vs. Perú 2006* — является первым судебным процессом по делу о насилии над женщинами во время вооруженного конфликта. В период с 6 по 9 мая 1992 г. перуанское правительство провело операцию, известную как *Mudanza 1* («Перемещение 1»), предполагаемой целью которой был перевод примерно 90 женщин, содержащихся в исправительном центре «Мигель Кастро Кастро», в женские тюрьмы. В результате операции погибли десятки заключенных, многие получили серьезные ранения. Женщины подвергались насилию и унижающему человеческое достоинство обращению: их заставляли раздеваться при полицейских и проводить без одежды по нескольким дням, их избивали, в них стреляли из огнестрельного оружия, им запрещали ходить

¹⁸ Convención Interamericana para Prevenir, Sancionar y Erradicar la violencia contra la Mujer // URL: <https://www.oas.org/juridico/spanish/tratados/a-61.html>.

¹⁹ *La Barbera M., Wences I.* «Gender discrimination» the jurisprudence of the Inter-American Court of human rights // *Andamios*. 2020. № 17 (42). P. 59–87. DOI: 10.29092/uacm.v17i42.735.

²⁰ Cuadernillo de Jurisprudencia de la Corte Interamericana de Derechos Humanos No. 4: Derechos Humanos y Mujeres, 2018. P. 29.

в туалет и выходить на связь с родственниками, беременных женщин заставляли лежать на животе в течение нескольких дней. Оставшиеся в живых женщины-заключенные не получали медицинскую помощь, а те, кого доставляли в больницу, продолжали подвергаться пыткам и сексуальному насилию со стороны полицейских, которые их конвоировали.

Дело *Caso de la Masacre de Las Dos Erres vs. Guatemala 2009* касалось массовых убийств жителей лагеря «Дос Эррес». Данный лагерь был основан как движение крестьян Гватемалы, которые съезжались со всей страны в поисках земли. В 1982 г., в разгар гражданской войны между различными повстанческими группировками и военными, на территории данного лагеря произошли массовые убийства (более 200 человек), среди них были женщины и дети, ставшие жертвами насилия со стороны военных. Жителей лагеря насильно выводили из домов с целью совершения над ними пыток, их избивали, женщин и девочек насиловали, а затем обезглавливали. По словам свидетелей, военные применяли силу к членам «Дос Эррес» за то, что их группировка якобы преследовала цель сместить военную хунту, находящуюся у власти.

Еще одно дело, в котором женщины подвергались массовым убийствам со стороны представителей власти, — *Caso Masacres de Rio Negro vs Guatemala 2012*. Община Рио-Негро является историческим поселением коренных народов. Так же, как и в предыдущем деле против Гватемалы, здесь фигурируют государственные служащие, причастные к убийствам и изнасилованиям женщин в ходе внутреннего вооруженного конфликта. В Рио-Негро в марте 1982 г. было убито 70 женщин и 170 детей. В том же году против Гватемалы было вынесено еще одно решение по делу *Caso Gudiel Álvarez («Diario Militar») vs. Guatemala 2012*, в котором фигурировали гватемальские военные, причастные к насильственным исчезновениям нескольких лиц, а также внесудебным казням и изнасилованиям и последующей смерти одной женщины.

Дело *Caso Miembros de la Aldea Chichupac y Comunidades Vecinas del Municipio de Rabinal vs.*

Guatemala 2016 является ярким примером бездействия Гватемалы как государства в процессе расследования преступлений, произошедших во время внутреннего вооруженного конфликта. В ходе данного конфликта происходили изнасилования женщин и массовые убийства коренного народа майя. Было заведено 9 уголовных дел, однако на протяжении больше 20 лет государство не предпринимало шагов для розыска и определения виновных. Кроме того, государство отказалось заводить отдельные дела об изнасиловании женщин, объясняя это тем, что данное насилие происходило во времена вооруженного конфликта и его следует рассматривать совместно с другими преступлениями (геноцидом и военными преступлениями).

Аналогичное дело против Сальвадора — *Caso Masacres de El Mozote y Lugares Aledaños vs. El Salvador 2012* — касалось массовых убийств в ходе военной операции, жертвами которой стали жители деревни Эль-Мосоте. Женщины и девочки из деревни, которые на протяжении нескольких дней находились под контролем военных, подвергались сексуальному насилию.

Дело против Перу *Caso J. vs. Perú 2013* касается задержания, судебного преследования и экстрадиции госпожи Х.²¹ за якобы совершенные преступления против общественной безопасности. События происходили в 1992 г., в период обострения вооруженного конфликта в Перу. Госпожа Х. находилась в своей квартире, когда в нее прибыла полиция и провела обыск в связи с подозрениями в причастности г-жи Х. к подрывной деятельности коммунистических сил Перу. Далее она была незаконно задержана полицейскими, ей связали глаза и руки, она чувствовала и слышала, что несколько часов находится в каком-то автомобиле. После этого ее поместили в тюрьму, где ей объявили о том, что она задержана по статье за терроризм. В тюрьме она подвергалась избиениям и сексуальным надругательствам со стороны полиции. Аналогичным является дело *Caso Espinoza Gonzales vs Perú 2014*, поскольку оно тоже касалось незаконного ареста женщины в Перу в период вооруженного конфликта, а так-

²¹ Имя не разглашается по желанию пострадавшей.

же негуманного с ней обращения и насилия во время заключения.

В деле против Колумбии *Caso Yarce y Otras vs. Colombia 2016* три женщины и члены их семей из района «Коммуна 13» были подвергнуты незаконному перемещению за то, что якобы поддерживали повстанцев и их фамилии находились в списке лиц, которых планировали захватить другие ополченцы. Одна из женщин являлась правозащитницей, борцом с преступностью и нарушениями прав человека в Колумбии. После того, как она была освобождена, государственные служащие не предприняли никаких мер для ее безопасного возвращения домой, где она была застрелена.

Caso Bedoya Lima y Otra vs. Colombia 2021 — дело о похищении журналистки, которая освещала вооруженный конфликт в Колумбии. Как и в делах, описанных выше, Б. Лима стала жертвой насилия со стороны государственных служащих. Ее положение было особенно уязвимым, поскольку она работала журналистом. Во время вооруженного конфликта существует практика запугивания журналистов и общественных деятелей, особенно женского пола, сопровождающаяся насилием и пытками, что является частью политической стратегии государства для борьбы с гласностью.

В деле *Maidanik y Otros vs. Uruguay 2021* было нарушено право родственников лиц (двух женщин и трех мужчин), подвергшихся насильственным исчезновениям и внесудебным казням, на справедливое судебное разбирательство. События происходили во период военной диктатуры в Уругвае. Виновные не были привлечены к уголовной ответственности в связи со вступлением в силу Закона об амнистии²². Данный закон действовал с 1986 по 2011 г. После его отмены родственники жертв подали заявление против военных, причастных к преступ-

лениям в отношении членов их семей, однако заявления были отклонены в связи с «истечением срока давности».

При вынесении решений по вышеуказанным делам Межамериканский суд по правам человека постановил, что государства нарушили право на жизнь, закрепленное в ст. 4 Американской конвенции по правам человека, в совокупности со ст. 1(1) этой Конвенции²³ в отношении женщин, погибших вследствие насилия. В делах *Caso J. vs. Perú 2013*, *Caso Espinoza Gonzales vs. Perú 2014* *Bedoya Lima* и *Otra vs. Colombia 2021* Суд постановил, что право на жизнь не было нарушено. В отношении всех лиц в данной категории дел государства нарушили право на гуманное обращение, закрепленное в ст. 5(1) и 5(2) Американской конвенции по правам человека (гарантии физической, психической, моральной неприкосновенности, запрет на пытки и негуманное обращение), в совокупности со ст. 1(1) указанного договора и положениями Межамериканской конвенции о предупреждении пыток и наказании за них. Государства также нарушили права на судебные гарантии и судебную защиту пострадавших от насилия и их родственников, закрепленные в ст. 8(1) и 25 Американской конвенции по правам человека, в совокупности со ст. 1(1) этой Конвенции, а также ст. 7(b) Межамериканской конвенции о предупреждении, наказании и искоренении насилия в отношении женщин.

Статья 7 Межамериканской конвенции о предупреждении, наказании и искоренении насилия в отношении женщин гласит: «Государства-участники осуждают все формы насилия в отношении женщин и соглашаются всеми надлежащими средствами и без промедления проводить политику, направленную на предотвращение, наказание и искоренение такого насилия, и b) действовать с должным внима-

²² Ley No. 15848 Ley de caducidad de la pretension punitiva del estado // URL: <https://www.impo.com.uy/bases/leyes/15848-1986/1>.

²³ Ст. 1(1): «Государства — участники настоящей Конвенции обязуются уважать признаваемые в ней права и свободы и обеспечивать полное осуществление этих прав и свобод всем лицам, подпадающим под их юрисдикцию, без какой-либо дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, экономического положения, рождения или любого другого социального статуса».

нием для предотвращения, расследования и наказания насилия в отношении женщин». Межамериканский суд по правам человека, как и Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, трактует сексуальное насилие в отношении женщин не только как изнасилование или сексуальные надругательства, но и как насилие без прямого физического контакта между жертвой и насильником²⁴. В своих решениях Суд также отмечает, что на заявителе не лежит бремя доказывания, поскольку преступление сексуального насилия чаще всего происходит в отсутствие третьих лиц. В рассмотренных выше делах жертвы или их родственники своими доводами доказали неэффективность расследования данных преступлений государством, в связи с чем Суд посчитал, что отсутствие официальной информации от государств о расследованиях изнасилования в виде документального подтверждения указывает на достоверность аргументов заявителей. Необходимо отметить, что ст. 7(b) Конвенции Белен-ду-Пара, закрепляющая обязанность государств действовать с должным усердием при проведении расследований по факту гендерного насилия, применялась во всех решениях Межамериканского суда по правам человека, где были установлены нарушения прав женщин во времена вооруженных конфликтов.

2. Защита женщин от насилия государственными служащими и от бездействия в расследовании данных преступлений

В практике Межамериканской комиссии по правам человека и Межамериканского суда по правам человека принято считать, что государство несет прямую ответственность за насилие в отношении женщин, совершенное представителями власти. Международная ответственность государства наступает в том случае, когда госу-

дарство не проявляет должной осмотрительности для предотвращения такого насилия²⁵.

Дело *Caso González y otras (Campo Algodonero) («Хлопковое поле») vs. México 2009* касается международной ответственности государства за недостаточное проявление добросовестности в расследовании насильственного исчезновения и насильственной смерти трех девушек (две из них на тот момент были несовершеннолетними) в городе Сьюдад-Хуарес, отмечаются различные формы организованной преступности. Кроме того, с 1993 г. здесь увеличилось число убийств женщин, что связано с массовой дискриминацией женщин и безнаказанностью за преступления против них. Полиция отказалась проводить расследование по факту исчезновения женщин, несмотря на многочисленные просьбы их родственников. Суд постановил, что государство нарушило право на жизнь, личную неприкосновенность и личную свободу, признанные в ст. 4(1), 5(1), 5(2) и 7(1) Американской конвенции, в отношении общего обязательства по ст. 1(1) — гарантировать права и свободы, изложенные в данной Конвенции. Кроме того, государство нарушило ст. 2 Пакта Сан-Хосе, которая закрепляет обязательства принять законодательные меры, необходимые для осуществления положений Пакта, а также ст. 7(b) и 7(c)²⁶ Конвенции Белен-ду-Пара в ущерб трем жертвам.

Дело против Мексики *Campo Algodonero* является первым делом в практике Межамериканского суда по правам человека, в котором Суд подошел к возмещению ущерба с точки зрения укрепившихся в обществе гендерных стереотипов и структурной проблемы насилия в отношении женщин. Суд постановил, что в случае насилия в отношении женщин государство не может возмещать ущерб в форме реституций,

²⁴ Cuadernillo de Jurisprudencia de la Corte Interamericana de Derechos Humanos N° 4: Derechos Humanos y Mujeres, 2018. P. 35–36.

²⁵ Mayren Vargas Araya. El derecho internacional frente a la violencia de género. Revista Instituto Interamericano de Derechos Humanos. Número 68, Julio-Diciembre 2018. P. 106–107.

²⁶ Ст. 7 (c): Государства обязуются «включить в свое внутреннее законодательство такие уголовные, гражданские, административные и другие меры, которые могут быть необходимы для предотвращения, наказания и искоренения насилия в отношении женщин, а также принять соответствующие административные меры в случае необходимости».

поскольку было бы неправильным вернуть женщин в ту ситуацию, при которой применение насилия против них стало возможным. Суд впервые предложил «трансформационный подход к возмещению ущерба»²⁷, который подразумевал гарантии неповторения, такие как гарантии по проведению расследований исчезновения женщин с должной осмотрительностью, а именно, Суд потребовал от Мексики провести стандартизацию протоколов по расследованию случаев сексуального насилия, а также отчитываться перед Судом в течение трех лет об обеспечении данных гарантий.

Дело *Caso Fernández Ortega y Otros vs. México 2010* касалось международной ответственности Мексики за изнасилование И. Ф. Ортеги, которая являлась представителем коренного населения Мексики, а также за нарушение прав на судебные гарантии и судебную защиту. Дело *Caso Rosendo Cantú y otra vs. México 2010* является аналогичным, поскольку были нарушены права женщины коренного происхождения на неприкосновенность личности и на жизнь, свободную от насилия и пыток. Кроме того, государство нарушило права Р. Канту на судебную защиту. Оба дела указывают на насилие в отношении женщин — представительниц коренного народа как на систематическую проблему, которая носит укоренившийся характер и сопровождается бездействием государства в вопросе ее урегулирования.

В 2017 г. Межамериканский суд по правам человека вынес решение по делу Фавела-Нова-Бразилиа *Caso Favela Nova Brasília vs. Brasil 2017*, в котором признал международную ответственность Бразилии за нарушение права на судебные гарантии, независимость, беспристрастность, должную тщательность и разумные сроки расследования, а также права на судебную защиту и права на неприкосновенность личности в отношении 29 человек. События происходили в ходе полицейских операций в Фавела-Нова-Бразилиа в городе Рио-де-Жанейро в 1994 и 1995 гг., в результате которых были убиты 26 мужчин и подвергнуты сексуальному насилию 3 женщины.

В 2018 г. было принято очередное решение против Мексики — *Caso Mujeres Víctimas de Tortura Sexual en Atenco vs. México 2018*. Суд признал международную ответственность государства за сексуальное насилие, пытки, неприкосновенность личности в связи с правом на жизнь в отношении 11 женщин, которые были задержаны в ходе демонстраций и доставлены в отделение полиции, где они подвергались сексуальному насилию и надругательствам со стороны полицейских. В результате было заведено 5 уголовных дел в отношении некоторых полицейских, причастных к данным преступлениям. После прохождения первой инстанции в национальном суде полицейские подали апелляцию и были оправданы.

Дело *Caso Barbosa de Souza y Otros vs. Brasil 2021* касалось событий 1997 г. в Бразилии, когда суд штата отказался заводить уголовное дело против высокопоставленного лица об убийстве студентки в связи с его статусом и «парламентским иммунитетом».

В решениях по вышеуказанным делам Межамериканский суд по правам человека постановил, что были нарушены права жертв и их родственников на судебные гарантии, равенство перед законом, судебную защиту в связи со ст. 1(1) Пакта Сан-Хосе об обязательствах государства обеспечивать защиту прав, признанных в данном документе, а также ст. 2 об обязательствах государства принимать положения внутреннего законодательства, направленные на осуществление прав и свобод, указанных в ст. 1. Кроме того, государства нарушили ст. 7 Межамериканской конвенции о предупреждении, наказании и искоренении насилия в отношении женщин в связи с их правом на жизнь, а также ст. 1 и 6 Межамериканской конвенции о предупреждении пыток и наказании за них в связи с положениями Пакта Сан-Хосе о личной неприкосновенности и неприкосновенности частной жизни.

Необходимо отметить, что в данной категории дел насилие в отношении женщин классифицируется как пытка, поскольку оно совершается представителями власти. До вступления

²⁷ Rubio-Marin R., Sandoval C. . Op. cit. P. 1089.

в силу Конвенции Белен-ду-Пара любой акт насилия рассматривался как пытка, но даже после того, как Конвенция была подписана и ратифицирована большинством государств, Межамериканский суд долгое время не применял ее положения и рассматривал акты насилия со стороны представителей власти как пытку и негуманное обращение. Потребовалось около 10 лет для того, чтобы Суд расширил толкование понятия «насилие» и включил в него насилие со стороны представителей власти. Как видно из современной правоприменительной практики, акты насилия квалифицируются и как пытка, и как физическое или сексуальное насилие.

Еще одной важной особенностью правоприменительной практики Суда в делах о защите прав женщин является связь права на личную неприкосновенность с правом на защиту от насилия. Неприкосновенность личности включает в себя принцип невмешательства в частную жизнь, а также запрет на незаконное задержание и арест. Связь принципа личной неприкосновенности и принципа защиты от насилия объясняется тем, что в большинстве из рассмотренных дел в практике Межамериканского суда по правам человека женщины были незаконно лишены свободы, доставлены в места содержания под стражей, где они подвергались насилию и пыткам. К сожалению, для ряда стран Центральной и Южной Америки подобная практика является распространенной, а правонарушители остаются безнаказанными в связи с их служебным положением, которое зачастую является прикрытием для совершения преступлений.

Заключение

Правовой анализ деятельности механизмов ОАГ по защите прав человека, направленной на

защиту женщин от насилия, позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, в рамках ОАГ существуют механизмы, призванные контролировать соблюдение государствами своих обязательств по Конвенции Белен-ду-Пара и другим международно-правовым актам ОАГ, направленным на защиту прав женщин. Однако единственный орган, решения которого являются юридически обязательными, в том числе и в вопросе возмещения ущерба, — Межамериканский суд по правам человека.

Во-вторых, правоприменительная практика Суда по делам о защите прав женщин от насилия представляет особый интерес для изучения, поскольку содержит уникальный набор судебных прецедентов, во-многом формирующих обычаи, касающиеся защиты и поощрения прав человека на региональном уровне.

В-третьих, решения Межамериканского суда по правам человека по делам о защите прав женщин внесли вклад в толкование понятия насилия и дискриминации по признаку пола, а также закрепили связь насилия в отношении женщин с дискриминацией женщин из-за их уязвимости и из-за неравного отношения к ним в обществе.

В-четвертых, были выделены особенности нарушений прав женщин в государствах Латинской Америки и Карибского бассейна в период вооруженных конфликтов, нестабильных политических ситуаций, а также в особо опасных регионах и провинциях, в которых растет организованная преступность. Вынесение решений по таким делам данным региональным судебным органом затрудняется тем, что рассмотрению дел о насилии в отношении женщин препятствуют три «фактора невидимости»: замалчивание со стороны государства и официальных лиц, замалчивание со стороны общества и зачастую молчание жертв о случившемся.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абашидзе А. Х., Гончаренко О. К. «Гендер» в международном праве прав человека: теория и практика // Московский журнал международного права. — 2022. — № 2. — С. 6–16. — DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-2-6-16>.
2. Алисиевич Е. С. Международная защита девочек как уязвимой группы населения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». — 2015. — Вып. 1. — С. 37–49.
3. Данчевская А. В. Равенство не равно справедливости: к вопросу о противостоянии в защите прав женщин и мужчин // Актуальные проблемы российского права. 2022. — № 17(5). — С. 91–102. — URL: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.138.5.091-102>.
4. Гончаренко О. К. Международное и национальное право и практика защиты женщин от домашнего насилия // Женщина в российском обществе. — 2020. — № 3. С. 53–64. — DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.5.
5. Bekyashev D. K. Author International Legal Mechanisms for the Protection and Promotion of Women's Rights in Latin America and the Caribbean // Kutafin Law Review. — 2023. — Vol. 10. — No. 1. — P. 179–198.
6. Cuadernillo de Jurisprudencia de la Corte Interamericana de Derechos Humanos № 4: Derechos Humanos y Mujeres, 2018. — P. 144.
7. De Paula D. O. Human rights and violence against women: Campo algodono case // Revista Estudos Feministas. — 2018. — № 26(3). — P. 1–9. — DOI: 10.1590/1806-9584-2018v26n358582.
8. La Barbera M., Wences I. «Gender discrimination» the jurisprudence of the inter-american court of human rights // Andamios. — 2020. — № 17(42). — P. 59–87. — DOI: 10.29092/uacm.v17i42.735.
9. López Vega L. C. Mecanismos de protección de los derechos humanos de las mujeres en el sistema interamericano // Revista IIDH. — 36. San José, IIDH, 2002. — P. 75–105.
10. Mayren Vargas Araya. El derecho internacional frente a la violencia de género // Revista Instituto Interamericano de Derechos Humanos. — 2018. — Número 68. — P. 91–114.
11. Feria-Tinta M. Primer caso internacional sobre violencia de género en la jurisprudencia de la Corte Interamericana de Derechos Humanos: el caso del penal Miguel Castro Castro; un hito histórico para Latinoamérica // Revista Cejil. San José, Costa Rica. — 2007. — Año. 2, No. 3. — P. 30–45.
12. Goldman R. K. History and Action: The Inter-American Human Rights System and the Role of the Inter-American Commission on Human Rights // Human Rights Quarterly. — 2009. — Vol. 31. — Number 4. — P. 856–887. — URL: <https://www.jstor.org/stable/40389979>.
13. Rubio-Marin R., Sandoval C. Engendering the Reparations Jurisprudence of the Inter-American Court of Human Rights: The Promise of the Cotton Field Judgment // Human Rights Quarterly. — 2011. — Vol. 33. — Number 4. — P. 1062–1091.
14. Sosa L. P. A. Inter-American case law on femicide: Obscuring intersections? // Netherlands Quarterly of Human Rights. — 2017. — No. 35(2). — P. 85–103. — DOI: 10.1177/0924051917708382.

Материал поступил в редакцию 14 августа 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Abashidze A. Kh., Goncharenko O. K. «Gender» v mezhdunarodnom prave prav cheloveka: teoriya i praktika // Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava. — 2022. — № 2. — S. 6–16. — DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-2-6-16>.
2. Alisiech E. S. Mezhdunarodnaya zashchita devochek kak uyazvimoy gruppy naseleniya // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya «Yuridicheskie nauki». — 2015. — Vyp. 1. — S. 37–49.

3. Danchevskaya A. V. Ravenstvo ne ravno spravedlivosti: k voprosu o protivostoyanii v zashchite prav zhenshchin i muzhchin // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2022. — № 17(5). — S. 91–102. — URL: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.138.5.091-102>.
4. Goncharenko O. K. Mezhdunarodnoe i natsionalnoe pravo i praktika zashchity zhenshchin ot domashnego nasiliya // Zhenshchina v rossiyskom obshchestve. — 2020. — № 3. S. 53–64. — DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.5.
5. Bekyashev D. K. Author International Legal Mechanisms for the Protection and Promotion of Women's Rights in Latin America and the Caribbean // Kutafin Law Review. — 2023. — Vol. 10. — No. 1. — P. 179–198.
6. Cuadernillo de Jurisprudencia de la Corte Interamericana de Derechos Humanos № 4: Derechos Humanos y Mujeres, 2018. — P. 144.
7. De Paula D. O. Human rights and violence against women: Campo algodono case // Revista Estudos Feministas. — 2018. — № 26(3). — P. 1–9. — DOI: 10.1590/1806-9584-2018v26n358582.
8. La Barbera M., Wences I. «Gender discrimination» the jurisprudence of the inter-american court of human rights // Andamios. — 2020. — № 17(42). — P. 59–87. — DOI: 10.29092/uacm.v17i42.735.
9. López Vega L. C. Mecanismos de protección de los derechos humanos de las mujeres en el sistema interamericano // Revista IIDH. — 36. San José, IIDH, 2002. — P. 75–105.
10. Mayren Vargas Araya. El derecho internacional frente a la violencia de género // Revista Instituto Interamericano de Derechos Humanos. — 2018. — Número 68. — P. 91–114.
11. Feria-Tinta M. Primer caso internacional sobre violencia de género en la jurisprudencia de la Corte Interamericana de Derechos Humanos: el caso del penal Miguel Castro Castro; un hito histórico para Latinoamérica // Revista Cejil. San José, Costa Rica. — 2007. — Año. 2, No. 3. — P. 30–45.
12. Goldman R. K. History and Action: The Inter-American Human Rights System and the Role of the Inter-American Commission on Human Rights // Human Rights Quarterly. — 2009. — Vol. 31. — Number 4. — P. 856–887. — URL: <https://www.jstor.org/stable/40389979>.
13. Rubio-Marin R., Sandoval C. Engendering the Reparations Jurisprudence of the Inter-American Court of Human Rights: The Promise of the Cotton Field Judgment // Human Rights Quarterly. — 2011. — Vol. 33. — Number 4. — P. 1062–1091.
14. Sosa L. P. A. Inter-American case law on femicide: Obscuring intersections? // Netherlands Quarterly of Human Rights. — 2017. — No. 35(2). — P. 85–103. — DOI: 10.1177/0924051917708382.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

✓ Государственное регулирование цифровой экономики.	✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.	✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).	✓ Правовой статус смарт-контрактов.
✓ Правовое регулирование больших данных.	✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).	✓ Информационная безопасность.
✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.	✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

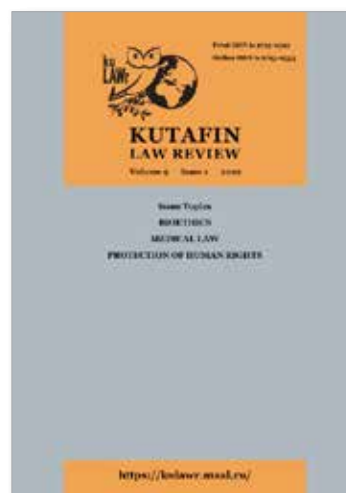
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:
«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,
«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.
Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 19 № 2 (159) февраль 2024

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 1994-1471

9 771994 147002